Н. А. КИСЛЯКОВ

НАСЛЕДОВАНИЕ И РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Н. А. КИСЛЯКОВ

НАСЛЕДОВАНИЕ И РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

(XIX—начало XX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1977

Книга посвящена изучению норм наследования у народов Средней Азии и Казахстана в XIX—начале XX в. Показано, что казахи, киргизы и каракалпаки в основном руководствовались в вопросах наследования обычным правом — адатом, в то время как туркмены, узбеки, таджики, уйгуры в большинстве случаев следовали нормам шариата. Предлагается объяснение указанного явления.

Книга представляет интерес для специалистов — этнографов, социологов, историков и юристов, а также для более широкого круга читателей.

Ответственные редакторы:

Т. А. ЖДАНКО, Л. П. ПОТАПОВ

К $\frac{10602\text{-}524}{042(02)\text{-}77}$ 100-77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый труд — посмертное издание последней крупной работы Н. А. Кислякова, подготовленной автором незадолго до его кончины (октябрь 1973 г.).

Николай Андреевич Кисляков принадлежал к старшему поколению советских этнографов, в ряду которых он занимал видное место. Он был, кроме того, и историком-востоковедом, и фольклористом, и языковедом. В своих многочисленных трудах (им написано около 100 работ, в том числе 7 книг) Н. А. Кисляков показал себя как талантливый продолжатель лучших традиций отечественной этнографической науки, как высококвалифицированный специалист, умело владеющий марксистско-ленинской методологией.

Его научная деятельность началась еще в стенах университета. Будучи студентом третьего курса, Н. А. Кисляков уехал на полевую работу в глухой горный район Таджикистана, где сочетал интенсивный сбор этнографических материалов с многосторонней практической деятельностью. Именно работа по этнографии горного Таджикистана, продолжавшаяся более трех лет, предопределила весь дальнейший творческий путь ученого.

Круг научных интересов Н. А. Кислякова был весьма широк. Он занимался изучением не только различных аспектов этнографии Таджикистана, но и вопросов этнографии других регионов Средней Азии, Казахстана, а также Ирана и Афганистана, общих проблем этнографии Передней Азии.

Наибольшее внимание Н. А. Кисляков уделял исследованию социальных отношений у таджиков и других народов Средней Азии и Казахстана, в частности пережитков родового строя, истории семьи и брака. В 1936 г. вышла в свет первая монография ученого — «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло»,

в которой видное место заняло исследование пережитков общинно-родовых отношений и большого круга вопросов, относящихся к семье, системе родства и т. п. В том же 1936 г. Н. А. Кисляков опубликовал большую работу «Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа», основанную на материалах, собранных им во время командировки в эту часть Западного Памира специально для изучения реликтов большой семьи. Эта работа представляла большой теоретический интерес, поскольку в ней развивались идеи, высказанные Ф. Энгельсом в его знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Если в публикациях 30—40-х гг. Н. А. Кисляков рассматривал семейно-брачные отношения преимущественно у отдельных групп горных таджиков, то в его большом труде «Семья и брак у таджиков», вышедшем в 1959 г., был обобщен огромный материал, относящийся ко всем важнейшим группам таджикского этноса, а также и к ряду других народов Средней и Передней Азии, и содержались серьезные теоретические выводы. Важное место в этом труде заняли собственные полевые материалы автора.

Не ослабляя своего интереса к изучению семейно-брачных отношений, Н. А. Кисляков выпустил в 1962 г. книгу «Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства конца XIX—начала XX в.». Эта книга имела большое принципиальное значение для решения вопроса о наличии патриархально-феодальных отношений не только у кочевых и полукочевых, но и у оседлых земледельческих народов, который был в 50-х гг. предметом оживленной дискуссии среди советских историков и этнографов.

И до и после выхода в свет этой книги исследователь разрабатывал ряд вопросов, относящихся к семье и браку. Он опубликовал статью «Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии»,[1] подготовил доклад «Некоторые брачные церемонии и проблема материнского рода» и ряд других работ. Среди них особое место занимает вышедшая в 1969 г. монография «Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана», в которой были впервые сведены воедино и проанализи-

---

[1] Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, М., 1957, вып. 28.

рованы материалы, относящиеся к разным народам этого обширного региона. Автором почти исчерпывающе были освещены такие сложные вопросы, как формы семьи, сохранение экзогамных норм, формы брака, брачные обряды и церемонии, семейно-брачные запреты и избегания.[2]

В этой книге, ставшей последним крупным трудом Н. А. Кислякова, увидевшим свет при его жизни, не был затронут ряд существенных сторон семейно-брачных отношений: личные и имущественные отношения в семье, семейные обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, со смертью и похоронами, межсемейные связи и некоторые другие. Вполне естественно, что и по этим вопросам автором были подобраны соответствующие материалы, к которым он, очевидно, предполагал вернуться. Подтверждением этому и является публикуемый труд, подготовке которого Н. А. Кисляков преимущественно и посвятил последние годы своей жизни. Он является прямым продолжением названных выше «Очерков» не только потому, что в нем под новым углом зрения раскрыты некоторые семейно-брачные институты, рассмотренные там (калым, приданое, левират), но и потому, что предметом исследования явились очень важные слагаемые того комплекса, который довольно часто подвергается изучению вместе с другими сторонами семьи и брака, а именно — имущественные отношения. Поскольку эти отношения не были освещены автором в «Очерках», данная книга может рассматриваться как естественное и весьма важное дополнение к ним и их продолжение.

Данный труд Н. А. Кислякова имеет характер обстоятельного свода данных, извлеченных им из литературных источников. Местами автор привлекает также и архивные материалы, и собственные полевые записи. От читателя не ускользнут возникшие перед Н. А. Кисляковым при подготовке этой книги трудности, вызванные в первую очередь тем, что ему пришлось вторгаться в область, обычно являющуюся предметом исследования другой науки, а именно юриспруденции. Кроме того, материал, которым располагал автор, очень часто содержал противоречивые данные, случайно зафиксированные факты, не

---

[2] Более подробную характеристику научных заслуг Н. А. Кислякова и перечень его основных трудов см.: Советская этнография, 1974, № 3, с. 186—189.

всегда вызывал к себе полное доверие. К тому же по отношению к некоторым народам, например каракалпакам, сведения по интересовавшим автора вопросам оказались вообще крайне скудными.

В процессе создания своего труда Н. А. Кисляков несколько изменил профиль работы. Первоначально она называлась «Нормы наследования по адату и шариату у народов Средней Азии и Казахстана»,[3] позднее ей было дано новое название, поскольку раздел семейного имущества не всегда мог быть отнесен к категории наследования в прямом смысле этого слова.

Как мне представляется, автор в общем правильно распределяет материал, выделяя две группы народов. Одна из них (казахи, киргизы, каракалпаки) в основном в области семейно-имущественных отношений пользовалась нормами обычного права (адата), другая же (туркмены, таджики, узбеки, уйгуры) в области наследования и раздела семейного имущества придерживалась норм мусульманского права (шариата). Однако и сам автор признает определенную условность этого деления, поскольку народы первой группы испытывали воздействие шариатных норм, а среди народов второй группы обнаружено влияние норм обычного права. Автор удачно связывает принятое им деление с уровнем развития социально-экономических отношений, в частности со степенью сохранения патриархальных порядков и отдельных патриархальных институтов, базировавшихся на обычном праве.

Признавая обоснованными основные положения, выдвинутые в настоящем труде Н. А. Кислякова, нельзя, однако, не отметить спорность некоторых частных выводов, которые делает автор. Так, касаясь выдела сыновей при жизни отца, он пишет, что это был полный выдел у народов первой группы и неполный у народов второй группы. Этот тезис требует уточнения. В ряде случаев выделенный сын еще частично обладал общим имуществом с семьей отца (у казахов, киргизов[4]) и даже иногда в течение не-

---

[3] Под этим названием был опубликован доклад Н. А. Кислякова, подготовленный для IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук, состоявшегося в Чикаго (М., 1973).

[4] См.: Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1975, с. 29.

которого времени имел с семьей отца «общий котел». Кроме того, обычно за отцом сохранялось право взять у сына то или иное домашнее животное. Поэтому, на мой взгляд, говорить о «полном» выделе сыновей у народов первой группы можно лишь весьма условно.[5]

Требует серьезных оговорок и другое положение автора: о формах собственности. Так, он утверждает, что приводимые им данные по киргизам свидетельствуют о преобладании у киргизов в конце XIX в. «общинно-родовой формы собственности». Между тем у киргизов, как и у других кочевых и полукочевых народов, скот уже давно являлся частной собственностью отдельной семьи, хотя и сохранялись некоторые пережитки общинной собственности на скот. Что касается земли, то пастбища были в значительной мере также частной феодальной собственностью, лишь пользование ими носило общинный характер. Если и можно говорить об «общинно-родовой» (вернее, патриархально-общинной) форме собственности, то только в плане сохранения отдельных ее пережитков, да и то применительно к небольшим общинам, так называемым семейно-родственным группам. К тому же по отношению к кочевым и полукочевым народам едва ли можно говорить о существенном изменении форм собственности в рассматриваемый период (XIX—начало XX в.). Утверждение автора о том, что обычное право «характеризовало собой патриархальную, общинную форму собственности», представляется мне слишком категоричным. Обычное право по существу защищало прежде всего интересы частной собственности, в особенности интересы частного собственника — мужчины, хотя в нем, конечно, сохранились некоторые следы более ранних правовых норм.

Приведенные Н. А. Кисляковым материалы, свидетельствующие об эволюции у казахов обычая левирата в сторону его смягчения, убедительны. Их можно было бы дополнить данными о влиянии на эту тенденцию русского законодательства. В конце XIX в., как отмечают некото-

---

5 Этот вопрос рассматривался среди других в моем докладе «Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников», подготовленном для IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Чикаго (М., 1973).

рые авторы, к царским властям, в русские судебные органы поступало много заявлений от казахских женщин-вдов, искавших защиты от насильственных браков, основанных на обычае аменгерства.[6]

Читателю настоящего труда необходимо учитывать некоторые особенности изложения используемого Н. А. Кисляковым материала. Приводя данные, содержащиеся у различных авторов XIX—начала XX в., а иногда и у советских исследователей, автор сравнительно редко использует метод прямого цитирования источника, прибегая, как правило, к пересказу содержания тех или иных разделов источника. Основная часть используемых Н. А. Кисляковым работ написана в дореволюционное время. Естественно, что их авторы описывали различные явления в настоящем времени. Н. А. Кисляков при пересказе этих работ в отдельных случаях сохраняет форму настоящего времени, из чего, разумеется, не следует, что описываемые явления, нормы, обычаи существуют и в наше время.

Принятый автором способ изложения материалов (поскольку при этом обычно отсутствуют точные цитаты и соответственно кавычки) не всегда дает возможность уяснить в каждом данном случае, излагает ли Н. А. Кисляков свои мысли и соображения или пересказывает содержание того или иного труда.

Требует оговорки и вопрос о приводимых в книге местных терминах. Поскольку Н. А. Кисляков в основном пересказывает содержание трудов дореволюционных авторов и других источников, он употребляет в тексте местные термины в том их русском написании, которое применяли авторы этих трудов и документов, зачастую не знавшие языков народов Средней Азии и Казахстана и поэтому допускавшие искажения при написании терминов. При этом нужно считаться с двумя обстоятельствами. Во-первых, в ряде случаев один и тот же (по своему содержанию) термин имел у различных народов свои фонетические особенности, т. е. произносился по-разному. Во-вторых, русское написание некоторых тер-

---

[6] См.: Абрамзон С. М. Об обычае левирата у казахов и киргизов. — В кн.: Основные проблемы африканистики. История, филология, этнография. К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. М., 1973.

минов не всегда соответствует их написанию на современных национальных алфавитах, хотя в основу последних и положена русская графика.

В целом настоящий труд Н. А. Кислякова несомненно станет ценным вкладом в этнографическую литературу, посвященную Средней Азии и Казахстану, и послужит, как правильно пишет сам автор, «своего рода отправным пунктом для проведения дальнейших исследований вопросов наследования и раздела имущества в дореволюционное время».

Доктор исторических наук *С. М. Абрамзон*

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы семейно-имущественных отношений и наследования, такие, в частности, как наделение имуществом отдельных членов семьи или малых семей, выделявшихся из большой семейной общины, в дореволюционном прошлом у народов Средней Азии и Казахстана были весьма сложны и поэтому сколько-нибудь скрупулезный их анализ представляет значительные трудности. Эти трудности усугубляются различиями в уровне социально-экономического развития тех или других народностей и отдельных их групп, в степени сохранения патриархальных отношений и связанных с ними общественных институтов в уровне развития форм собственности, в положении женщины и многими другими причинами.

Рассматривая в данной работе в основном нормы, относящиеся к наследованию, мы не можем изучать их изолированно от других вопросов, связанных с судьбой семейного имущества, семейно-имущественными отношениями во всей их совокупности, с рядом обычаев и институтов, свойственных патриархально-семейным отношениям. При этом довольно явственно проступает связь между степенью сохранения у того или иного народа патриархальных порядков и отдельных патриархальных институтов и существующими у него нормами наследования. Там, где более устойчивыми были патриархальные отношения и институты, основанные на обычном праве, там в вопросах наследования господствовало в общем и целом обычное право. Напротив, у народностей или отдельных их групп с более развитыми социально-экономическими отношениями, где патриархальные порядки и порожденные ими институты и обычаи уже отходили на второй план и постепенно теряли свое значение, вопросы наследования в условиях мусульманского Востока в основном регулировались шариатом.

Остановимся здесь кратко на различии между обычным правом, или адатом, и шариатом.

Адат, или обычное право, тесно связан с условиями быта и жизни народа, его нормы отражают и регулируют поведение и взаимоотношения людей в обществе. Хотя адат и может в развитом классовом обществе сосуществовать с государственным законодательством, но обычно его нормы особенно сильны там, где еще не сложилась твердая государственная власть, где значительную роль в жизни общества еще играют патриархально-общинные отношения. Адат основывается обычно на традициях, установившихся в жизни того или другого народа. С изменением условий жизни нормы адата подвергаются постепенной модификации. Нередки случаи, когда они кодифицируются, создается свод норм обычного права, которым в дальнейшем и руководствуются (таков, например, свод, приписываемый хану Тауке и относящийся к концу XVII—началу XVIII в.). Однако постепенно и эти кодифицированные нормы приходят в несоответствие с требованиями времени, в них вносятся те или иные изменения и дополнения, и так продолжается до тех пор, пока какой-либо новый авторитетный деятель не приступит к составлению другого кодекса обычного права.

Естественно, что поскольку условия жизни отдельных народов имеют свои характерные черты, обычное право, отражающее эти условия, различно у разных народов, да и у одного и того же народа постепенно изменяется.

В противоположность адату шариат является мусульманским установлением, в его основе лежит мусульманское мировоззрение как определенная религиозная концепция, что, однако, не исключает различий в толковании отдельных его сторон представителями разных религиозных толков и сект. Французский исследователь мусульманского права Р. Шарль отмечает, что исчерпывающее изложение позитивного мусульманского права представляется невозможным, так как нет никакой общей системы, пригодной для всех стран. Однако, пишет он, в мусульманском праве существует целый ряд «юридических норм и институтов, которые можно рассматривать как составляющие единый фонд, общий для всех народов, соблюдающих предначертания ислама». К таким юридическим нормам и институтам автор относит в первую очередь «канонические положения, относящиеся к семейному

и наследственному праву» [91, с. 11—12]. Отметим здесь же, что толкование вопросов шариата и вынесение определенных решений по нему являлось компетенцией муфтиев и казиев.

Как адат, так и шариат в условиях патриархально-семейных отношений ставят женщину в неравноправное положение по сравнению с мужчиной, что особенно характерно для семейно-имущественного и наследственного права. Однако надо отметить, что шариат все же строго определяет некоторые, хотя и весьма урезанные права женщины. В адате такого положения нет, хотя иногда тем или другим адатом могут быть гарантированы отдельные права женщины.

До революции в Средней Азии и Казахстане действовали как адат, так и шариат, но их соотношение и влияние на жизнь населения в каждом отдельном случае в известной мере зависели от степени «мусульманизации» того или другого народа или же отдельной его локальной группы, что в свою очередь определялось целым рядом причин, прежде всего уровнем развития товарно-денежных отношений, оседлым или кочевым образом жизни, силой государственной власти и политическим влиянием отдельных феодальных мусульманских правителей, мусульманской школы, духовенства и т. п.

Степень влияния норм мусульманского права, пишет Е. А. Беляев, соответствовала уровню общественного развития мусульманского населения — «чем ниже был этот уровень, тем в большей мере сохранялось действие местного обычного права. Там, где процент феодализации находился в начальной стадии (то есть в примитивно феодальном обществе), обычаи сохранялись иногда долгое время и могли даже иметь большее значение, чем предписания мусульманского права; чаще всего это наблюдалось у кочевников и у горцев. Зато в государствах и городах, мусульманское население которых жило в условиях развитых феодальных отношений, нормы мусульманского права господствовали безраздельно» [91, с. 6].

В Средней Азии и Казахстане практически это сказалось в том, что узбекские и таджикские районы Бухары, Самарканда, Ферганы и Хивы были сильнее подвержены мусульманизации (опорой которой были центры ханств — Бухарского, Кокандского и Хивинского), восприняли шариат и руководствовались им в повседневной жизни.

в том числе и в вопросах семейно-имущественных, в частности наследования. Напротив, у казахов, особенно тех, которые жили в районах, отдаленных от крупных центров, и были затронуты мусульманством очень мало, скорее даже формально, еще в XIX в. обычное право, как это показывают имеющиеся материалы, регулировало семейные отношения и лишь постепенно стало уступать место шариату.

В плане интересующей нас проблематики мы выделили две группы народов, одна из которых (казахи, киргизы, каракалпаки) в вопросах наследования в основном придерживалась норм обычного права, в то время как другая (туркмены, таджики горные, таджики равнинные, узбеки, уйгуры) руководствовалась установлениями шариата. Конечно, это деление несколько условно, поскольку в наследственном праве народов первой группы кое-где уже чувствовалось влияние шариатных норм, а в наследственном праве народов второй группы еще сохранялись элементы обычного права.

Что касается раздела семейного имущества, то здесь мы встречаемся еще с одним рядом обычаев и институтов, что крайне осложняет рассмотрение этих вопросов. Таковы институты и обычаи, касающиеся разделения больших семейных общин, выдела сыновей при жизни отца (полном — у народов первой группы и неполном — у народов второй группы), выкупа за жену — калыма, приданого, левирата, наконец, многоженства (санкционированного как обычным правом, так и шариатом). Рассматривая вопросы наследования и раздела семейного имущества, мы, естественно, никак не может обойти все эти обстоятельства.

В заключение хотелось бы отметить, что автор не претендует на исчерпывающую полноту исследования данной темы. Он сочтет свою задачу выполненной, если настоящая работа вызовет интерес и в какой-то мере послужит отправным пунктом для дальнейшего исследования институтов наследования и раздела имущества у народов Средней Азии и Казахстана в дореволюционное время, которые до сих пор в научной литературе оставались почти без внимания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вопросы наследования и раздела имущества у казахов, киргизов и каракалпаков в интересующий нас период решались преимущественно на основе обычного права — адата.

Обычное право казахов довольно полно отражено в литературе, его развитие можно проследить на протяжении всего XIX и начала XX в. О причинах такой полноты сведений по казахам, в частности, детального изучения действовавшего у них обычного права, мы говорили в предыдущей нашей работе [48]. Там же была дана краткая характеристика отдельных работ, которыми мы пользовались при подготовке данного труда. Большую помощь в изучении права наследования и раздела семейного имущества у казахов в дореволюционное время нам оказал изданный в 1948 г. в Алма-Ате сборник по казахскому обычному праву [60]. В этот сборник включен ряд материалов, собиравшихся в различных районах Казахстана. Перечислим их вкратце в хронологическом порядке.

В Северо-Восточном Казахстане на территории Среднего жуза еще в первой четверти XIX в. (1824 г.) Омским временным комитетом было подготовлено «Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета» [78]. Эти материалы были впервые (частично) опубликованы значительно позднее проф. Д. Я. Самоквасовым в его «Сборнике обычного права сибирских народов» (Варшава, 1876). Вероятно, ими в известной степени пользовались наиболее ранние русские исследователи А. И. Левшин и С. М. Броневский, в работах которых встречаются некоторые положения, имеющиеся в этих материалах. Почти четверть века спустя были подготовлены «Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комис-

сии» [61], относящиеся, по-видимому, к казахам Среднего и Младшего жузов. К тому же времени относятся «Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре» [23]. В 1871 г. военный губернатор Тургайской области Л. Ф. Баллюзек опубликовал материалы по обычному праву, собранные его чиновниками [11]; материалы эти относятся также к казахам Младшего и частично Среднего жузов. Наконец, в конце XIX—начале XX в. в Семиреченске была опубликована анонимная работа под названием «Сборник киргизского обычного права» [76], трактующая вопросы обычного права у казахов Семиреченской области (главным образом относящиеся, вероятно, к Старшему жузу) и, по мнению исследователей, составленная в конце XIX—начале XX в. Помимо перечисленных материалов документального характера, в сборник 1948 г. вошли работы некоторых авторов: А. И. Левшина [55], И. А. Козлова [51] и П. Е. Маковецкого [59], которые в дальнейшем цитируются нами по этому изданию. Более подробные сведения о материалах, помещенных в сборнике 1948 г., можно найти в общем предисловии к нему, а также в предисловиях к каждому из указанных источников.

Прежде чем перейти к характеристике норм, относящихся к наследованию и разделу семейного имущества у казахов, которые благодаря указанным материалам обозримы на довольно значительном хронологическом отрезке (чего, к сожалению, невозможно сделать по другим среднеазиатским народам), следует напомнить, что в XIX в. у казахов в семейно-брачных отношениях существовали следующие бытовые особенности. Жен брали, как правило, не в своей «родовой» группе или подразделении, а в чужой, во всяком случае не допускались браки в близких между собой поколениях. Большое значение придавалось уплате калыма за невесту, который был весьма значителен по своим размерам; вместе с тем за ней давалось приданое, которое, правда, было гораздо меньше и не играло такой роли, как калым. При рассмотрении норм наследования у казахов нельзя также игнорировать широкое распространение среди них в прошлом обычая *левирата*, или, как он назывался у казахов, *аменгерлик (аменгерства)* [48, с. 48—50, 66—72, 90—92].

Имущественное положение женщины. Даже авторы последней четверти XIX в. единодушно отмечали, что женщина в казахской семье не могла распоряжаться каким-либо имуществом [59, с. 259; 85, с. 76; 40, № 3, с. 68—70; 76, с. 297]. Пока женщина не выходила замуж, она, как и все остальные невыделенные члены семьи, никаких прав на семейное имущество не имела, все имущество находилось в руках главы семьи, который использовал его по своему усмотрению. Даже то, что было заработано лично ею, не являлось ее собственностью. Калым, уплаченный при выходе ее замуж, точно так же поступал главе семьи и частично ее ближайшим мужским родственникам, а она сама никакого отношения к нему не имела. Приданое, о котором мы скажем дополнительно, с уходом новобрачной в дом мужа передавалось последнему, а если муж не был отделен, то его отцу, свекру новобрачной. Что бы ни заработала самостоятельно женщина, что бы она ни получила в подарок, все получал ее муж. Хотя женщина при совместной жизни с мужем и пользовалась всем имуществом наравне с ним, но имущество это ей не принадлежало.

По словам П. Е. Маковецкого, казахи в отношении имущественных прав женщины были крайне последовательны. Муж, расточавший не только свое, но и внесенное женой имущество, не ограничивался в своих правах. В крайнем случае его увещевали его родственники, потом родственники жены, на этом дело и кончалось. До суда биев жалоба не доходила, да если бы и дошла, то они не сочли бы себя вправе рассматривать подобное дело.

Если муж умирал, оставив несовершеннолетних детей, пишет Н. Изразцов, то его вдова, если она вновь не вышла замуж, распоряжалась всем имуществом, но только как опекун. Если у казаха было несколько жен, то он отделял некоторых из них вместе с частью имущества, в отношении которого они пользовались определенной самостоятельностью. Но при внимательном рассмотрении, продолжает тот же автор, эта самостоятельность оказывалась фиктивной, так как жена пользовалась этим имуществом лишь как мать своих сыновей. Обычай выделения жен и наделения их имуществом имел прямую связь с выделом детей. При выделении жены количество переданного ей имущества, вообще говоря, за-

висело от произвола мужа. Последний, как правило, считался с тем, сколько детей у данной жены, причем обычно старшей жене (*байбиче*) выделялась несколько большая часть имущества, в то время как другим женам (*токал*) давалась меньшая (таким образом, дети от *байбиче* имели преимущество перед детьми от *токал*). Если же жена не имела детей, то выделенное ей имущество переходило к детям других жен или другим родственникам покойного.

Приданое. Приданое, даваемое за невестой, в зависимости от воли ее отца или лица, его заменяющего, могло быть велико или мало. В состав приданого обязательно входило *саукеле* (головной убор), платья, постельные принадлежности, какая-то часть скота, иногда также юрта. По словам П. Е. Маковецкого, неотъемлемой собственностью жены из состава приданого являлось лишь одно *саукеле*; сюда же можно причислить, пожалуй, постель жены и один из костюмов, данный в качестве приданого, так как эти вещи в случае смерти жены должны были возвращаться ее родственникам. Но, добавляет автор, принимая во внимание, что ни постелью, ни платьями своими жена при жизни самостоятельно распорядиться не могла, их вернее исключить из числа вещей, составляющих ее собственность, и отнести к собственности ее мужа, как и все остальное приданое [59, с. 259]. Однако в другом месте П. Е. Маковецкий говорит, что, помимо указанных вещей, родственникам умершей возвращалось также по одной штуке всяких вещей, полученных в приданое [59, с. 258].

Согласно Л. Ф. Баллюзеку, если жена умерла бездетной, то по обычаю муж должен был возвратить ее родственникам из приданого, — если, конечно, эти вещи входили в приданое, — юрту, *саукеле*, верховую лошадь и одного из вьючных верблюдов; если же у покойной жены была хотя бы одна дочь, то из означенного возвращалась только половина, а при наличии детей мужского пола родители умершей не получали ничего [11, с. 192]. По смерти жены, если она была бездетна, пишет И. А. Козлов, часть приданого (какая именно, автор не указывает) возвращается ее родителям, если же остались дети, то родители покойной получают лишь что-либо из приданого на память [51, с. 235]. В случае развода по вине жены муж обязан был вернуть жене ее одежду и постельные принадлежности; если же развод произошел по вине

мужа, то жена получает, кроме указанных предметов, еще лошадь и халат [76, с. 297].

Таким образом, даже на рубеже XX в. приданое в основном оставалось у мужа. Добавим к этому еще свидетельство В. Д. Тронова, что жена не может распоряжаться своим приданым даже в том случае, если оно превышает данный за нее калым, что иногда имело место [85, с. 76].

Некоторые авторы, особенно первой четверти XIX в., отмечали, что при наличии нескольких жен их приданое не смешивалось и всегда учитывалось раздельно, чтобы впоследствии досталось детям той жены, за которой оно получено. Осторожные мужья даже скот, полученный в приданое, не смешивали в одном стаде, а содержали отдельно. Старшая жена — *байбиче* — являлась настоящей хозяйкой дома, и другие жены находились у нее в зависимости, однако приданое неизменно оставалось за той женой, за которой оно было получено, чтобы имущество, принесенное матерью, доставалось только ее детям [55, с. 26].

В связи со сказанным о судьбе приданого представляются не совсем ясными слова Л. Мейера о том, что после смерти мужа жена сохраняет свою часть приданого [62, с. 251]. Это утверждение, вероятно, относится к бездетной вдове, но в таком случае оно противоречит всем другим высказываниям по данному вопросу, в частности и тому положению, что жена вообще не распоряжалась своим приданым, а имела на него право лишь как мать своих детей.

Левират. У казахов большое значение имел обычай *левирата*, по которому вдова должна была выходить замуж за брата умершего мужа — *аменгера.* Как показывают имеющиеся материалы, обычай этот, по-видимому, в более отдаленном прошлом соблюдался весьма строго и лишь с течением времени стал терять свою обязательность.

Обращаясь к характеристике левирата, остановимся сначала на общем высказывании Л. Ф. Баллюзека [11, с. 177—178]. Автор говорит о самой идее наследования жен, приводя при этом такую казахскую поговорку: «Если умрет *ага*, или старший брат, то жена его есть наследие младшего, а если умрет *ини*, или младший брат, то жена его составляет наследие старшего, подобно тому как от

павшей лошади шкура есть непременная принадлежность хозяина». Обычай, укоренившийся веками, пишет он, требовал, чтобы вдова по истечении определенного срока и совершения годичных поминок должна была непременно выйти замуж за одного из братьев умершего, как прямого его наследника. Право на вдову принадлежит старшему из братьев, но если сама она предпочитает младшего и у нее есть дети мужского пола, то этот младший берет ее с детьми и всем имуществом покойного, а обойденному дается сравнительно небольшой выкуп; если же она бездетна, то она идет за предпочтенного ею брата только со своей кибиткой, а остальное имущество делится между другими братьями. По обычаю, выбор вдовой себе мужа далее братьев умершего простираться не может; поэтому, если она, вопреки обычаю, захочет выйти за кого-либо другого, то один из братьев берет ее в жены насильно. Исключение составляют пожилые вдовы, имеющие детей, а если детей мужского пола нет, то она обязана взять кого-либо из сыновей ближайшей родни. Но молодую вдову, особенно бездетную, *аменгеры* берут в замужество насильно, как пишет автор, по причине могущего появиться потомства — единственного вознаграждения за истраченный на нее калым, а также и из опасения, что она может вступить в связь с посторонним. По этим двум причинам, чтобы заставить женщину выйти замуж, обычаем не возбраняется даже самое крайнее насилие над ней со стороны *аменгеров*. Однако в случае решительного отказа вдовы выйти замуж ее оставляют в покое, строго предупреждают и следят за тем, чтобы она не вошла в любовные связи с посторонним, в противном же случае *аменгеры* вправе или заставить ее выйти замуж за одного из них, либо прогнать ее с любовником, отобрав весь скот и имущество.

Только сравнительно недавно, пишет Л. Ф. Баллюзек, «требования времени и человеческой души» начали брать над обычаем некоторый перевес. Вследствие беспрестанного восставания самих женщин против этого обычая последний, не найдя себе опоры ни в шариате, ни в законах русских, сделал значительные уступки или послабления в отношении вдов, которым стало предоставляться право не выходить замуж, если они не пожелают этого сами, а если пожелают, то могут выходить замуж помимо *аменгеров* по собственному своему выбору, но

с одним ограничением, чтобы выбор вдовы не простирался дальше того рода или отделения, к которому принадлежал ее муж, что выражалось следующей формулой: «Имеешь право пренебречь одним, но не имеешь права пренебречь всеми в роде или отделении, где тысячи людей, между которыми предполагается хоть один, соответствующий твоим вкусам». Больших уступок покуда, прибавляет автор, требовать от казаха невозможно, так как казаху жена стоит огромных денег и издержек; со временем, когда, может быть, исчезнет калым и его заменит «брак даровой», можно ожидать дальнейших изменений обычая. Но и при указанных изменениях в обычае, если вдова выходит замуж за одноотделенца, ей дается лишь одна лошадь и постельные принадлежности, а все имущество и дети удерживаются родителями и братьями покойного. Однако бывают редкие случаи, когда вдова отказывается выйти замуж за кого-либо из своего рода (отделения), а требует полной свободы, угрожая в противном случае покончить с собой, тогда на нее смотрят как на неисправимую и предоставляют ей свободу действий, однако (помимо лишения женщины права на детей и на имущество) избранник ее обязан уплатить братьям покойного мужа большой выкуп.

Все сказанное, во-первых, показывает, что казахи и во второй половине XIX в. смотрели на вдову как на имущество, которым могли распоряжаться родственники покойного, допуская в отдельных случаях, что на имущество это имеют право и более отдаленные сородичи, и, во-вторых, свидетельствует о том, что имущество покойного ни в коем случае не должно было уходить из узкого семейного круга, в который входили ближайшие родственники умершего.

Отмечавшаяся Л. Ф. Баллюзеком эволюция в направлении смягчения категоричности обычая левирата, по-видимому, не везде шла равномерно и может рассматриваться лишь как некая общая тенденция, скорее всего действительно в значительной степени обусловленная влиянием шариатных норм и русских законов того времени.

Уже в материалах Омского временного комитета 1824 г. говорилось о том, что, хотя вдова и должна переходить к одному из братьев, но не по принуждению, а по доброй воле. При этом если вдова предпочитала младшего

брата, то последний должен был заплатить старшему выкуп в виде девяти больших и малых скотин. Если же она хотела остаться вдовой, то ее оставляли в покое и даже имущество не отбирали, но строго следили за ее поведением, чтобы она не вступила в связь с кем-либо или не утратила семейного скота и имущества; если же она хотела выйти за постороннего, то все имущество (и скот) у нее отбиралось и делилось между братьями покойного; кроме того, с претендента требовалось двадцать шесть голов скота, очевидно, как выкуп или своеобразный калым [78, с. 66—67].

Материалы Оренбургской пограничной комиссии 1846 г. отмечали даже, что вдова, обязанная выйти замуж за одного из братьев покойного (преимущественно старшего), получала из наследства мужа $^1/_7$ часть; братья мужа могли избавить ее от левиратного брака и она могла выйти замуж за одного из родственников покойного. Если же она хотела выйти замуж без согласия деверей, то полученное ею имущество у нее отбиралось.

К 70-м гг. XIX в. относится замечание Г. Загряжского, что вдова, если пожелает, может выйти замуж только за родного брата своего мужа; если же она захочет остаться вдовой, то к вторичному браку ее никто не может принудить. Если же она выйдет за постороннего, то дети и все имущество остаются у родных умершего мужа [32, с. 158].

Более поздние авторы [51, с. 304; 59, с. 257; 85, с. 78] говорят о том, что вдова, если не пожелает, может не выходить снова замуж, оставаясь у родственников мужа и посвящая себя воспитанию детей. По данным В. Д. Тронова, если вдова хотела выйти замуж не за родственника покойного, такой поступок хотя и считался предосудительным, но не преследовался. Однако родственники ее покойного мужа брали за нее выкуп у ее нового мужа, но в меньшем размере, чем уплаченный за нее калым. Н. Изразцов, однако, утверждает, что в таком случае с нового мужа взимается полный калым [40, 1897, № 4, с. 9]. Согласно «Сборнику киргизского обычного права», если женщина пожелает остаться вдовой, то братья умершего оставляют ее в покое,[1] в случае же выхода ее за-

---

[1] Однако еще в начале XX в., по-видимому, можно было наблюдать местами стойкое сохранение обычая, по которому вдова

муж за постороннего с последнего семьей (родней) покойного взыскивается калым [76, с. 296].

Наследование женой (вдовой). Как видно из изложенного выше, права вдовы на наследство тесно переплетались с такими явлениями, как приданое и обычай левирата. Это крайне затрудняет задачу четко определить права вдовы как наследницы даже в том случае, если бы обычное право казахов было стабильным и не имело локальных отличий.

Нам пришлось также привести мнение ряда исследователей о том, что женщина у казахов не была собственницей какого-либо имущества. Тем не менее в источниках, относящихся к XIX в., можно найти указания на то, что за вдовой признавалось право на известную часть наследства. Весьма возможно, что причиной такого противоречия являлось некоторое влияние норм шариата, в той или другой степени проникавших в обычное право.

Приступая к рассмотрению права вдовы на наследство, мы прежде всего приведем те данные, которые говорят о том, что вдове принадлежит определенная доля в наследстве покойного. В материалах Омского временного комитета 1824 г., а также в работах А. И. Левшина и С. М. Броневского таких сведений нет, что, по нашему мнению, свидетельствует об отсутствии или очень слабом влиянии норм шариата на казахское обычное право в первой трети XIX в. Впервые мы сталкиваемся с этим явлением в материалах Оренбургской пограничной комиссии 1846 г. Там говорится, что если после покойного не осталось детей, а остались одни жены, то они из оставшегося имения получают $^1/_7$ часть каждая, остальное берут близкие родственники умершего [61, с. 113]; в другом же месте сказано, что жены (или жена) получают по $^1/_8$ наследственного имущества, причем в этом последнем случае даже не упоминается о том, остались у покойного дети или нет [61, с. 88]. По свидетельству Л. Ф. Баллюзека, если после умершего остались жена, сыновья и дочери, то после выделения необходимых частей, связанных с калымом и приданым (уже полученными, а также калымом для неженатого сына), оставшийся скот делят

должна была обязательно выходить замуж за родственника покойного мужа. Один из таких случаев описала А. Е. Россикова для казахов Каракалпакии [73, с. 584].

между матерью и всеми детьми мужского пола [11, с. 191]. И. А. Козлов отмечает, что если вдова бездетна и не желает быть женой своего деверя, то ей выделяется часть имущества; бездетная вдова получает $^1/_8$ часть имущества, остальное идет братьям и другим родственникам покойного [51, с. 234—235].Н. И. Гродеков приводит такой пример: если у умершего осталось четыре сына и жена, то все имущество делят на 5 частей и мать со своей долей может остаться у одного из сыновей. Если же, продолжает он, вдова не хочет нового замужества и пожелает жить у своего отца, то она может получить кибитку и $^1/_8$ часть оставшегося имущества [22, с. 46, 52]. О выделении вдове $^1/_8$ части имущества мужа пишет и В. Д. Тронов [85, с. 88].

Приведенные нами выше материалы свидетельствуют, казалось бы, о безусловном праве вдовы на известную часть наследственного имущества. Но в нашем распоряжении имеются и другие материалы, подчеркивающие условность выделения вдове части наследственного имущества. Так, в тех же материалах Оренбургской пограничной комиссии 1846 г. указывается, что, если вдова, получившая из наследства мужа $^1/_7$ часть имущества, пожелает без согласия родственников мужа вновь выйти замуж, то от нее отбирается доставшаяся ей часть наследства, но если она выйдет замуж по их согласию, то ее доля наследства остается у нее [61, с. 103—104]. По данным П. Е. Маковецкого, бездетная вдова может получить $^1/_6$ часть имущества мужа и уйти к своим родственникам, но при условии, что у покойного нет родственников, за которых она могла бы выйти замуж [59, с. 257]. По свидетельству Н. Изразцова, вдове выделяли в пожизненное владение немного скота, юрту и часть оставшегося имущества в том случае, если она была стара и не имела детей или имела одних только дочерей [40, № 3, с. 68; № 4, с. 8].

В материалах Оренбургской пограничной комиссии зафиксирован также случай, когда жена (или жены) умершего получали все его имущество; это происходило лишь тогда, когда у покойного не оставалось ни близких, ни дальних родственников [61, с. 113].

В особую группу можно выделить те положения казахского обычного права, в соответствии с которыми вдова хотя и становилась как бы владелицей и распорядитель-

ницей имущества, оставшегося после смерти мужа, но только временно, и оно не являлось ее собственностью. Так, в материалах д'Андре мы находим указание на то, что имущество умершего поступало в полную и неотъемлемую принадлежность вдовы; если после него осталось несколько жен, то каждая из них являлась владелицей своей части имущества, распределенного между ними по кибиткам. Как видно из последующего изложения, такое положение наблюдалось при наличии у жен детей, которые фактически и были собственниками имущества. Если умерший не оставил детей, вдова выходила замуж по левирату и в таком случае в ее пользу выделялась кибитка, кое-какое имущество, одежда и часть скота, принадлежавшего ей при жизни мужа, остальное же переходило другим братьям или родственникам покойного [23, с. 143—144]. Другими словами, фактически имущество, поступившее «в полную и неотъемлемую принадлежность вдове», на самом деле принадлежало или ее детям, или братьям и другим родственникам умершего. Четко об этом сказано Л. Ф. Баллюзеком, отмечавшим, что если у вдовы имелись малолетние дети и она не пожелала выйти замуж, то она приобретала все права мужа и делалась полной хозяйкой всего оставшегося после него, т. е. детей и имущества [11, с. 190]. По свидетельству И. А. Козлова, если вдова имела детей и не желала выходить замуж, то она наследовала все имущество покойного мужа [51, с. 234]. В. Д. Тронов еще более уточнил это положение, говоря, что если вдова имела детей и не хотела выходить замуж, она оставалась в ауле родственников умершего и владела всем оставшимся после него имуществом и скотом до совершеннолетия детей. В другом месте тот же автор констатировал, что после смерти мужа имущество не делилось, если вдова имела детей; она оставалась полновластной хозяйкой над имуществом и дети получали выдел по ее усмотрению и по усмотрению родственников покойного [85, с. 78—80].

Однако многочисленные материалы прямо указывают на то, что в рассматриваемый период вдова по обычному праву не могла претендовать на какую-то часть наследства. В материалах Оренбургской пограничной комиссии говорится, что младший сын обязан содержать мать-вдову; при этом, если она выйдет замуж, то он дает ей одного верблюда. Там же сказано, что наследство покой-

ного при отсутствии сыновей переходит к его брату, который обязан содержать вдову и ее дочерей [61, с. 85, 92]. По материалам Л. Ф. Баллюзека, вдову, у которой нет детей, с ее собственной кибиткой (вероятно, полученной в приданое) берет один из братьев покойного, а остальное имущество покойного делится между другими братьями. Если из трех разделенных братьев один умер, то его вдова идет к одному брату с половиной имущества умершего, а вторую половину берет другой брат [11, с. 187, 190]. Другими словами, все имущество делится между оставшимися братьями. По данным И. А. Козлова, если после умершего остались дети, то наследниками являются они, а мать живет при них или получает от них выдел; в другом месте автор отмечает, что если вдова выходит замуж за чужеродца, то лишается своего приданого, остающегося у родственников ее покойного мужа, к которым поступают под опеку и ее несовершеннолетние дети вместе с принадлежащим им скотом [51, с. 234—235]. Г. Загряжский отмечает, что вдова, выходящая замуж за постороннего, теряет право на имущество и детей [32, с. 158]. Согласно Н. И. Гродекову, если в кибитке умершего остались бездетные жены, то молодые жены достаются братьям покойного, а старые остаются при тех пасынках, которых они любят, или у которых умерли родные матери. Дети из уважения к покойному поддерживают своих мачех. Если мачеха хочет уйти по раздору, то ей ничего не дают; если она уходит подобру, то старики присуждают ей на пропитание и она идет к своему роду [22, с. 47—48]. В. Д. Тронов указывает, что вдова может взять все свое приданое, кроме скота. Дети и имущество остаются у родственников покойного, она может взять только одну дочь. Тот же автор прибавляет, что вдова не имеет права передать в свой род даже самую малую часть наследства [85, с. 78—80].

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Фактически вдова по обычному казахскому праву не являлась наследницей своего покойного мужа. Она скорее представляла собой как бы приложение к наследственному имуществу и, если у нее не было детей, то учитывалась при дележе имущества между братьями или другими родственниками покойного. При наличии несовершеннолетних детей она была хранительницей принадлежавшего им отцовского имущества вплоть до их совер-

шеннолетия. Бездетной старой вдове обычно выделялась какая-то мизерная часть имущества, для того чтобы она могла кое-как существовать и не умерла бы с голода. Правда, в ряде случаев встречалось выделение вдове определенной доли наследства. Это, вероятно, результат проникновения в обычное право норм шариата, а возможно, и правовых норм русского законодательства. Однако и эти, более гуманные нормы обставлялись различными условиями. Доминирующее значение имело при этом представление об общинно-родовой собственности, вследствие чего все имущество должно было оставаться в пределах если не семейной группы, то рода. Будучи, как правило, при экзогамных браках чужеродкой, вдова могла выступать в качестве временной распорядительницы и как бы владелицы имущества, но при этом обычное право пресекало всякую возможность «утечки» имущества за пределы данной семейно-родовой группы. В этом отношении очень характерно приведенное выше замечание В. Д. Тронова о том, что вдова не могла передать своему роду, если она и возвращалась в него, даже самой малой части наследственного имущества.

Выделение сыновей и наследование ими. Для того, чтобы лучше разобраться в наследовании основными наследниками — сыновьями, приведем высказывание по этому вопросу Л. Ф. Баллюзека [11, с. 189—191], из которого следует, что, по преданиям, в древние времена, когда еще не сложились нынешние обычаи, наследственное имущество было предметом нескончаемых споров между наследниками, кровавых раздоров и ужасных сцен между братьями. Именно поэтому позднейшие поколения, испытав на себе всю тяжесть подобных споров, установили существующие обычаи, которые положили конец всяким распрям и недоразумениям и которыми казахи руководствуются и по настоящее время. Это так называемый обычай *инчи* (*иншi*), или заблаговременного выдела отцом из своего имущества причитающейся каждому из сыновей доли еще при жизни по мере того, как они достигают совершеннолетия и, женившись, в состоянии начать самостоятельную жизнь отдельным хозяйством.

Поэтому приобрело силу обычая то положение, что женитьба сыновей одного и того же отца совершается в порядке старшинства и никто не имеет права женить младшего сына раньше старшего. И в силу сказанного

самый младший сын (*кенже бала*) по очереди женитьбы является всегда последним, и в то же время он полный и коренной наследник всего имущества отца, оставшегося после наделения *ичин* всех других братьев, которые теперь уже не имеют никакого права претендовать ни при жизни отца, ни после его смерти на то, что осталось младшему брату, хотя бы это имущество во много раз превышало полученную ими долю. Размер *ичин* зависел как от состояния отца, так и от его личного усмотрения, и никакими обязательствами в данном случае обычай не стеснял отца.

Если же отец при своей жизни не успел выделить сыновей, то самый старший из них заступал на место отца и принимал на себя все обязанности в отношении братьев и сестер. Если же дети остались малолетними, то над ними и их имуществом учреждалась опека.

В случае если старшие сыновья казаха жили отдельно, получив свои доли, а самый младший, живший с отцом, умирал, сам же казах, потеряв первую жену, женился на другой, тогда в целях предотвращения могущего произойти впоследствии спора из-за доли наследства умершего младшего сына между детьми от первой (умершей) жены — *байбиче* и детьми от второй жены — *токал* отец отделял следующие детям от первого брака доли и тем навсегда избавлял будущих детей от второго брака от всяких претензий со стороны детей *байбиче*. Вообще, по словам Л. Ф. Баллюзека, дети от первого брака издавна пользовались большим преимуществом и относились к детям от второго брака с некоторым пренебрежением.

Если у казаха одновременно было несколько жен и от всех этих жен имелись дети, то дети от каждого брака получали свои отдельные *ичин*, делившиеся только между ними и наследовавшиеся ими самими без вмешательства детей от другого брака, пока был жив хотя бы один наследник от данного брака. Но если таких наследников не оставалось, тогда имущество это становилось общим для всех детей от прочих браков достоянием с некоторым преимуществом для детей от самой старшей жены, то есть для детей от *байбиче*.

Однако и при установленном обычаем порядке нередко возникало немало сложностей. Так, согласно Л. Ф. Баллюзеку, если умершему наследовали несколько сыновей и, кроме того, были еще мать и дочери и если сыновья

задумали делить между собой наследство, то во внимание принималось следующее: есть ли между сыновьями женатые, или же все они холосты, не сосватал ли кто-либо из сыновей себе невесту и не просватаны ли дочери. Выяснение этих вопросов было необходимо потому, что полученное с женами приданое и необходимый для уплаты калым выделялись отдельно. И только остальное имущество делилось поровну между детьми мужского пола и матерью-вдовой. Однако автор ничего не говорит о том, как же делились полученные за сестру калым и приданое, принесенное женами братьев. Он лишь отмечает, что это имущество «отделяется от общего наследства в особую пользу от этих двоих» [11, с. 191].

Забегая несколько вперед, скажем, что материалы Л. Ф. Баллюзека позволяют считать, что участие дочерей в наследовании или получении *инчи* равносильно участию детей мужского пола, т. е. сыновей. Однако в отношении дочерей отцы или в случае смерти последних заступающие их место братья были обязаны устроить им замужество с приличным приданым (как на полученный за них калым, так и на собственное их *инчи*), которое дочери обыкновенно получали уже после замужества, через год или два, когда они, уже став матерями, приезжали навестить своих родителей, что называется *тюркедей-кели*, то есть первый визит замужних дочерей к родителям или родственникам. Из сказанного можно заключить, что *инчи* дочери по существу было приданым, дававшимся ей по выходе замуж, которое фактически поступало в распоряжение мужа и, таким образом, не могло рассматриваться как имущество, находящееся в собственности и владении самой женщины.

Другие, как более ранние, так и более поздние свидетельства в значительной степени подтверждают сказанное о выделении сыновей и наделении их имуществом. Так, в материалах Омского временного комитета 1824 г. говорилось, что дети должны быть довольны тем, что «отец или мать при жизни своей им завещает, и хотя бы отец или мать одного из них наградили при смерти вдвое более, то остается уже при нем и не отбирается, равным образом и тот, который противу первого, если дано было мало, претензий на оного иметь не может» [78, с. 68]. В материалах Оренбургской пограничной комиссии 1846 г. сказано, что при отделении сыновей (разумеется, женив-

шихся) непременным долгом отца являлся выдел им доли или части (*инчи*), преимущественно скотом, которая определяется по состоянию и произволу отца (дочерям же дают приданое). Все остальное имущество достается младшему сыну. При этом подчеркивалось, что отдельные сыновья, даже если они не получили своего *инчи*, не имели никаких прав на оставшееся от отца имущество, которое без всякого исключения оставалось в непосредственном владении сына, который жил при нем не отделенным. Если сыновья еще не были отделены, то по смерти отца его место заступал старший из сыновей, который потом делил имущество между своими братьями, а сестер выдавал замуж с приданым. Особо подчеркивалось, что по смерти главы семьи достояние его наследовали сыновья, а жена его выходила замуж за родственника [61, с. 92, 97]. Л. Мейер (1865 г.) также указывает, что казах обычно еще при жизни выделяет взрослых сыновей при их женитьбе или вскоре после этого. Во всяком случае, пишет он, соблюдается обычай, чтобы дети получали имущество только из части имения, закрепленного за их матерью (если имеется две или более жены). Дочерей же выдают замуж и после этого; если есть сыновья, дочери не имеют права на наследство отца. Автор отмечает, что раньше разделы были редки, а в его время родовая связь вообще начинает терять свое значение и разделы участились [62, с. 252].

Из более поздних авторов очень подробно останавливаются на разделе имущества между сыновьями и на наследовании П. Е. Маковецкий (1886 г.), Н. И. Гродеков (1889 г.) и Н. Изразцов (1897 г.). П. Е. Маковецкий (применительно к восточным районам Казахстана) пишет, что, решившись по каким-либо причинам выделить одного из своих сыновей, отец созывает родственников и друзей и объявляет им торжественно о своем намерении и о том, какую часть имущества он выделяет. Режется баран, читается молитва — *бата*, а затем начинается выдел с наложением *тавра* нового владельца на каждую скотину. Присутствующие родственники в свою очередь оказывают помощь, делают выделяемому подарки — *нимсурун*. В этот день сноха отдает свекру одну из лучших вещей своего приданого, например, хороший халат; после этого подарка, называемого *косек басы* (букв.: аркан голов — аркан, которым привязывают за шеи овец и

баранов), читается *бата.* Размер выделяемого имущества полностью зависит от отца и никаких протестов по этому поводу со стороны сына не допускается. В первое время после выдела отец обычно помогает сыну, например в приобретении хорошей зимовки, затем, когда хозяйство молодых упрочится, сын обычно помогает отцу, оказывая ему различные услуги и выполняя его поручения. Иногда по выделении всех сыновей отец остается один в своей кибитке (которая после его смерти переходит к старшему сыну), однако же чаще всего младший сын и после смерти отца наследует все оставшееся имущество, на которое другие братья не имеют никаких прав. Завещания, прибавляет автор, стали появляться совсем недавно, но они не пользуются популярностью и казахи не придают им никакого значения [59, с. 268—269].

Еще более подробно на разделе имущества между сыновьями останавливается Н. И. Гродеков (по материалам Сырдарьинской области). По его данным, на отце лежит забота о снабжении каждого сына калымом и наделом — *инчи.*

Выделение сыновей происходит в порядке старшинства и после их вступления в брак. Время выделения сына также зависит от того, в каком положении находятся дела отца, оно определяется в семейном кругу, но не ранее достижения сыном 15 лет по пословице: «В пятнадцать лет — хозяин кибитки». Если отец, несмотря на требование сына, не хочет в данный момент его выделять, то сын, если не хочет ждать, может отделиться без *инчи,* но уже с потерей права требовать его позже, так как на такое требование ему скажут: «Ты не ждал согласия отца». В таком случае выделяющийся сын берет только приданое своей жены.

Если между отцом и сыном существуют нелады и отец хочет его прогнать, то сын требует: «Дай мне жену или *инчи».* Народ старается примирить их. Но если примирение не состоялось, то часть калыма, которая еще не уплачена отцом, так и остается неуплаченной и отец дает сыну лишь одно хорошее животное, заменяющее *инчи.* Если же после этого сын не может заработать остаток калыма, то отец должен произвести уплату его, ибо ни один отец не может обойтись без уплаты калыма за сына. Иначе сыну предоставляется право отогнать требуемое количество скота из отцовского стада. Выделение

сына до женитьбы всегда есть признак несогласия с отцом.

Если сын подобру просится уйти от отца раньше женитьбы, то ему не дают *инчи* из опасения, что он уедет далеко и растратит данное ему имущество, против чего всегда восстает народ. Если же этот сын согласен присоединиться к брату, уже выделенному, то в *инчи* ему не отказывают. Имущество обоих братьев остается раздельным для предотвращения ссоры или требований о выделе.

Раздел имущества при выделении, по мнению Н. И. Гродекова, есть один из труднейших пунктов адата. Часто казахи никак не могут разделиться и тогда призывают опытных в разделе людей. Иногда сын не соглашается на то, чтобы отец сам вычислил количество надела, и требует для этого участия родни. Максимум *инчи* зависит от отца, минимум обычно определяется старцами, имеющими моральный авторитет, но не судебную власть. На калым сыновей расходуется меньше, чем на их наделы, примерно в соотношении $^1/_3$ к $^2/_3$. Уплатив калым за старшего сына, отец не выделяет его раньше, чем не назначит всем своим сыновьям по известной части на калым, не исключая и меньшего сына, который обычно не выделяется.

При выделе кого-либо из сыновей отец разбивает, за вычетом калымов, все имущество на столько равных частей (*сыбага*), сколько у него выделяющихся сыновей, то есть всех, за исключением младшего. Кроме этих частей, он еще откладывает две части на пропитание себя и жены в старости. По другим данным, имущество разделяется на столько частей, сколько сыновей, с прибавкой одной части на погребение; иногда эта последняя часть не выделяется. Все оставшееся наследует невыделенный сын, который жил с отцом до смерти и хоронил его.

Н. И. Гродеков приводит следующие примеры. Если отец, умирая, оставляет четырех сыновей, то они через год на поминках режут скотину и говорят старикам: «Мы разделимся, помогите» Старцы спрашивают: «Хотите разделиться на четыре части или на две», и в зависимости от ответа делят имущество, но старшему дают побольше. Однако, если из четырех сыновей двое не женаты, то они не могут требовать раздела на четыре части, на это старики не согласятся, а делят только на две части, присоединяя по одному неженатому к каждому женатому, ко-

торый и заступает неженатому брату место отца, то есть должен женить и выделить его. Бывает и так, что два неженатых брата присоединяются к одному женатому; в таком случае сначала откладывается два калыма по расчету, сделанному на сватовстве, а потом уже все имущество разделяется на четыре части (если неженатые еще не сватались, то старики определяют примерно количество скота, требуемого на калым); делается это для того, чтобы женатый брат, принявший двух неженатых братьев, не оказался в убытке. Если имущества не хватает на калым и *инчи,* то в первую очередь все же откладывают калым в принятом вообще размере [22, с. 43—46].

Приведенный материал свидетельствует о том, что основной заботой при разделе сыновей было обеспечение их женой, поэтому выделение *инчи* без уверенности, что данный сын женится, не практиковалось. По-видимому, это делалось с той целью, чтобы имущество, полученное сыном, не было растрачено на стороне и таким образом не ушло бы за пределы рода или данной семейно-родственной группы.

Ко всему сказанному Н. И. Гродеков прибавляет, что если женившийся сын получил за невестой в приданое юрту, то с этой юртой он и выделяется, в противном случае отец дает ему новую юрту или стоимость ее. Когда раздел происходит после смерти отца, то драгоценности и домашняя утварь всецело достаются младшему сыну, чтобы не портить обстановки юрты, но старшие берут по выбору что-либо из платья покойного на память о нем.

Наследство может состоять из скота, из денег, из юрты, из домашней утвари и земли; жена также считается наследством, о чем свидетельствует, по словам Н. И. Гродекова, поговорка: «У киргизов (казахов, — *Н. К.*) жена наследство, у сартов (узбеков, — *Н. К.*) земля наследство». Автор отмечает также, что никакие завещания во внимание не принимаются. Произвол отца в смысле неравномерного наделения сыновей возможен только до тех пор, пока он сам жив; поэтому единственный способ лишить причитающейся доли наследства младшего сына (если отец его не любит) — это выделить его раньше старшего еще при жизни отца [22, с. 47—51].

Остановимся еще на материалах по Семиреченской области, относящихся к концу XIX в., которые приводит

Н. Изразцов. Помимо отдельных исключений, пишет он, богатые и среднего состояния казахи всегда выделяют женатых сыновей. Размер надела обычно зависит от воли отца, а если отделенный сын остается недовольным, то он ставит отца об этом в известность через родственников; если отец прибавит что-либо, то хорошо, а если нет, то на этом дело и кончается. Однако отец выделяет долю из имущества, находящегося в распоряжении матери этого сына (при нескольких женах). Хотя количество скота, даваемого выделяемому, зависит от воли отца, оно примерно равно количеству скота, данного в распоряжение матери выделяемого, разделенному на число сыновей от той же матери. Например, если в пользование жены, имеющей четырех сыновей, дано 200 голов скота, то каждый из трех старших сыновей при выделе получает по 40 голов, а 80 остаются младшему сыну. Младший сын не выделяется никогда, ему дается все оставшееся после выдела братьев, и он живет постоянно с матерью (автор в своих рассуждениях, по-видимому, все время имеет в виду казаха-многоженца); кроме скота, па долю младшего сына приходится еще юрта, домашнее имущество и зимовка. Калым за жен для сыновей платится из имущества, данного их матери, калым за дочерей поступает в состав этого имущества. После смерти отца при опеке матери выдел сыновей производится по ее усмотрению, если же опекуном является родственник отца, то он делит имущество на части.

Имущество умершего, отмечает автор, есть собственность его сыновей, а если их нет — его братьев. На наследство имеют право одни мужчины, поэтому отцу наследуют его сыновья, а не жена и дочери. Отделенные при жизни отца сыновья не имеют прав на наследство, если есть другие сыновья, еще не выделенные. Если же последних нет (когда, например, младший брат умер), то все оставшееся имущество делится между выделенными сыновьями поровну. Вдов, если они не выходят замуж, и сестер они берут к себе, кормят и одевают их, а сестер и замуж выдают. Если у одной из жен умершего сыновей нет, то имущество и скот переходят к детям других жен, имеющих сыновей, и делится между ними поровну.

Сыновья умершего казаха вступают вполне в права отца, а если бы, например, их дядя (брат отца) умер

бездетным, то они наследуют имущество последнего на тех же правах, как бы его наследовал, будучи живым, их отец. Если бы у умершего бездетного дяди был еще брат, то имущество умершего дяди делилось бы между этим братом и племянниками.

Словом, резюмирует Н. Изразцов, наследство делится между неотделенными сыновьями, если их нет — между отделенными; если сыновей и их потомства нет, имущество переходит к братьям и их потомству и т. д. — т. е. только к мужчинам. Женщина не имеет никаких прав на наследство. Умирающий не может при всем своем желании нарушить этот обычай, он не может лишить наследников наследства, а если даже и завещает свое имущество кому-либо, то завещание не выполняется [40, № 4, с. 3—6].

Однако среди имеющихся в нашем распоряжении материалов мы находим свидетельства о наличии других норм, касающихся наследования, которые находятся в противоречии с принципом наследования имущества лишь лицами мужского пола, причем характерно, что эти противоречия иногда наблюдаются в одном и том же источнике. Так, в материалах Оренбургской пограничной комиссии 1846 г. наряду с приведенными выше указаниями о наследовании лишь лицами мужского пола говорится, что при разделе каждая жена получает из всего наличия определенную часть, остальное делится между детьми с таким расчетом, чтобы мальчику досталось вдвое больше, чем девочке [61, с. 88, 104, 113]. О части наследства, выделенной жене и дочерям, говорит также И. А. Козлов [51, с. 234—235]. В Сборнике киргизского обычного права (рубеж XX в.) также отмечается, что вдова получает $^1/_8$ наследства, а дочери делят наследство с сыновьями, причем сын получает вдвое больше дочери [76, с. 303].

Как нам представляется, приведенные свидетельства позволяют сделать вывод о том, что в отдельных случаях в своды обычного права в области наследования попали и элементы шариатных норм, причем нас не должно смущать и то обстоятельство, что присутствие этих шариатных норм можно видеть и в более ранних сводах, поскольку сведения могли собираться, как это, очевидно, имело место в материалах Оренбургской пограничной комиссии, и в районах, уже в достаточной степени му-

сульманизированных, где было сильно влияние мулл, в частности, татарского происхождения.

Необходимо сказать еще несколько слов о наследовании несовершеннолетними сыновьями. Они относились к основным наследникам умершего отца, до достижения совершеннолетия над ними учреждалась опека иногда матери-вдовы, иногда брата умершего (особенно в случае левиратного брака) или же его совершеннолетнего сына. Если же не было совершеннолетнего сына или брата покойного, то опека возлагалась на других родственников, а при отсутствии последних на кого-либо из однородцев. В таких случаях старики находили подходящего человека из своей среды. Делали это из тех соображений, чтобы имущество несовершеннолетнего не было бы растрачено и полностью сохранилось, с тем чтобы каждый из сыновей впоследствии получил бы свою долю наследства, а дочери были бы выданы замуж с приличным приданым [78, с. 68; 55, с. 26; 61, с. 85, 92; 11, с. 190; 22, с. 51].

Выдел дочерям и наследование ими. Выше мы отметили отдельные упоминания некоторых авторов о выделении дочерям наследства в половинной доле по сравнению с сыном; таких данных очень немного, и, как сказано, они, по-видимому, объясняются влиянием шариатных норм на обычное право казахов.

Вероятно, все же обычной нормой было такое положение, что дочь не могла претендовать на наследство. Однако по обычаю она имела право на приданое, которое делилось на две части: первая давалась при самом замужестве, а вторая (называвшаяся в данном случае также *инчи*) — при посещении ею через год или больший срок (обычно после рождения первого ребенка) своих родителей. а за смертью таковых — своих братьев.

Приведем имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства на этот счет. Согласно данным Омского временного комитета 1824 г., из наследственного имущества лицам женского пола ничего не предоставляется [78, с. 68]. В материалах Оренбургской пограничной комиссии 1846 г. отмечается, что наследства девушкам не дается, но получивший наследство обязан дать сестрам воспитание до замужества [61, с. 85]. Примерно то же самое мы находим у Л. Мейера (1865 г.). О даче дочери (или сестре) приданого и получении *инчи* в последующее затем посещение дома родителей (или братьев), подробно

описанных Л. Ф. Баллюзеком, говорилось выше. Н. И. Гродеков как бы уточняет это свидетельство Л. Ф. Баллюзека: при посещении после замужества отцовского дома дочери делается подарок и дается по крайней мере лошадь или верблюд (1—2 головы скота); а если у богача есть несколько сыновей и выданных замуж дочерей, то он приглашает дочерей на это посещение раньше, чем приступит к семейному разделу, чтобы разделаться с долгом, ибо подарок дочерям при посещении отцовского дома считается долгом [22, с. 48]. Н. Изразцов (1897 г.) прямо говорит, что дочь не имеет права на наследство: вся забота о ней — выдать замуж, приготовить приданое, а затем, когда у нее родится ребенок, отец дарит ей скот [40, № 4, с. 3]. В Сборнике киргизского обычного права (рубеж XX в.) также отмечается обычай посещения дочерью аула родителей после выхода замуж, когда она имеет право на подарок от отца; если последний этого обычая не исполнит, то зять может требовать у тестя имущества, соответствующего по ценности подарку, по суду. Весьма любопытно, что к началу XX в. под влиянием шариата дочери уже предоставлялось право на долю наследства отца, в связи с чем приводились соответствующие шариатные нормы наследования [76, с. 298—302].

Ряд авторов отмечает применительно к указанному времени, что в случае отсутствия сыновей после умершего братья отца или ближайшие родственники берут к себе малолетних его дочерей, делят имущество между собой, воспитывают их и выдают замуж [11, с. 48; 22, с. 51]. Невыданная замуж дочь сама является своего рода имуществом, свидетельствует Н. И. Гродеков: ее после смерти отца в случае раздела братьев присоединяют к тому из них, кому еще не дали средств на калым, чтобы из полученного за сестру калыма он уплатил калым за свою невесту. Если остаются два неженатых сына и одна дочь, а имущества мало, то одному сыну дают имущество, а другому сестру. Если вовсе нет имущества, то дочь отдают обоим братьям для разделения пополам полученного калыма. При этом она может жить у того брата, у которого захочет, а расходы по ее содержанию несут оба брата одинаково [22, с. 46—47].

Тот же автор говорит, что единственная дочь умершего (если не осталось сыновей) при нескольких равно близких родственниках, например дядьях, может выби-

рать между ними. Кого она выберет себе в опекуны, тому достается только калым, если таковой не был получен при отце, но не наследство. Наследство разделяется между остальными родственниками поровну. Если нет родни по мужской линии, то ее отправляет в замужество родня по женской линии: отец или мать ее матери, сестра отца. Кто бы ни взялся отпустить единственную дочь, тот берет принадлежащее ей наследство; но он должен, если это чужой, сохранять такое имущество в продолжении 2—3 лет неприкосновенно на случай появления родственников [22, с. 52].

Наследование другими родственниками. Если у умершего не было сыновей, то его имущество получали мужские родственники по степени близости родства с покойным. Первое место, по-видимому, занимал отец, если он был жив. Н. И. Гродеков отмечал, что если по смерти сына остается только отец и брат, то отец, как давший *инчи*, получает все имущество умершего, хотя может по доброй воле дать часть своему второму сыну [22, с. 52; 55, с. 21]. Братья покойного также являлись ближайшими наследниками, в какой-то мере с ними мог соперничать и дядя — брат отца покойного [78, с. 68], ближайшим наследником считался и дед, но практически последний случай был маловероятен. Вообще же обычно наследниками умершего, не имевшего сыновей, являлись родные братья, затем двоюродные, троюродные [11, с. 191; 51, с. 235]. В ряде случаев просто указывалось, что в первую очередь наследуют ближайшие родственники покойного, под которыми следовало понимать отца, деда, дядьев, братьев различных степеней, племянников. Если не было ближайших родственников, то наследовали дальние; если же не было и таковых, то имущество доставалось однородцам или же раздавалось беднякам и муллам на помин души покойного [78, с. 68; 61, с. 85, 113—114; 23, с. 144].

Согласно Л. Ф. Баллюзеку, наследственное имущество не могло выходить за пределы данного рода или отделения, и если бы даже в другом отделении или роде имелись родные дочери покойного, они должны были довольствоваться лишь тем, что однородцы находили возможным им выделить. Таким образом, имущество каждого казаха составляло после него общее достояние того рода или отделения, к которому он принадлежал [11, с. 191].

Правда, как уже говорилось, кое-где указывалось, что бездетная жена покойного может претендовать на какую-то часть наследства, но здесь, по-видимому, речь шла либо о внедрении шариатных норм в обычное право, либо о выделении каких-то средств на пропитание вдовы, если она оставалась совсем одинокой.

Наиболее сильное влияние шариатных норм мы находим в Сборнике киргизского обычного права. Так, там говорится, что, помимо сыновей, все вообще жившие при отце дочери, вдовы, сам отец, родная мать и мачехи имеют свою долю в наследственном имуществе, и в частности, что $^{1}/_{8}$ часть идет в пользу вдов наследодателя, $^{1}/_{12}$ получает его отец, $^{1}/_{12}$ все жены отца, а остальная часть имущества делится между его сыновьями и дочерьми, причем сын получает вдвое больше дочери [76, с. 304]. Мы здесь не будем подробно останавливаться на этих нормах и долях, поскольку такое деление для казахов, руководствовавшихся вообще не нормами шариата, а нормами обычного права, не являлось характерным, а было лишь данью новейшему времени (о шариатных нормах будет подробно сказано ниже).

В заключение позволим себе привести здесь высказывание одного из советских специалистов по вопросам права у казахов Т. М. Культелеева, который пишет, что со времени присоединения Казахстана к царской России и до 1917 г. в крае действовали три системы права — казахское обычное право, шариатное право и русское право. При этом роль и значение каждого из них менялись в соответствии с переменами в области социально-политических отношений. Основным источником права у казахов в XVIII в. были нормы адата, сложившиеся при патриархально-феодальном строе. Автор не отрицает известного усиления с конца XVIII в. роли шариата в отдельных местах, даже переплетения шариатного права с нормами адата, однако, по его словам, и переоценка роли шариата приводит к ошибочным выводам. «Роль шариата в казахском праве не столь велика, чтобы она могла определить характер уголовной репрессии или могла бы дать ключ к пониманию характера классовой борьбы в казахском обществе и проблемы государственности и права у казахов, тем более когда речь идет в отношении права того периода, когда большая часть территории Казахстана уже была присоединена к России.

Развитие феодальных отношений, классовой борьбы и феодальных междоусобиц нельзя ставить в зависимость от усиления роли шариата в Казахстане». И далее он продолжает: «...причины того, что даже при развитии феодальных отношений главным источником права оставались неписаные нормы адата, следует искать в особенностях кочевого феодализма у казахов... Хотя принятие казахами мусульманской религии относится к сравнительно ранней эпохе, но фактически кочевой и полукочевой образ жизни казахов..., почти поголовная неграмотность населения, отсутствие собственных мечетей и медресе, отсутствие собственных кадров мусульманского духовенства, существование сильных пережитков язычества не давали возможности для быстрого развития и укрепления ислама. Формальное мусульманское вероисповедание еще не означало принятия многочисленных правил шариата в практической жизни народа... Более действенное значение, — резюмирует автор, — шариат имел в южной части Казахстана. Однако в целом в степях Казахстана шариат в качестве действовавшего источника права, по сравнению с нормами общеимперских законов и казахского обычного права, сыграл второстепенную роль» [52, с. 59—63].

На наш взгляд, это высказывание целиком применимо и к нормам, касающимся наследования и раздела имущества у казахов.

* * *

Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении по наследованию и разделу имущества у киргизов, говорят о том, что киргизы, так же как и казахи, в XIX—начале XX в. в этих вопросах руководствовались обычным правом. В частности, Г. Загряжский, равно как и Н. И. Гродеков, в основном посвятившие свои работы казахам, относят свои материалы в известной мере и к киргизам [32; 22]; при этом Н. И. Гродеков в ряде случаев даже специально отмечает, что тот или другой материал относится именно к киргизам (каракиргизам), поскольку киргизами называли и казахов. О наследовании и разделе семейного имущества по обычному праву у киргизов свидетельствуют и материалы двух рукописей Центрального государственного архива Казахской ССР, относящихся к концу XIX в.: «Обычное право киргиз

Иссык-Кульского уезда» [95] и «Обычаи каракиргизов Токмакского уезда» [96]. Краткие замечания по рассматриваемому вопросу мы находим у советских авторов — С. М. Абрамзона и А. Джумагулова [4; 25].

Имущественное положение женщины по обычному праву киргизов, по-видимому, мало отличалось от такового у казахов. В этом отношении можно встретить в источниках такие категорические высказывания, как например по вопросу: «Кто наследует после смерти жен?». На это следует ответ: «Жены сами составляют наследство умершего и ни одной нитки постоянного имущества не имеют, поэтому после их смерти наследовать нечего» [96, § 40]. А. Джумагулов пишет, что «все имущественные и хозяйственные права в семье находились в руках мужа. Адат совершенно лишал женщину права наследования (в первую очередь права на скот). Все имущество умершего главы семейства, не имевшего наследников мужского пола, поступало в пользу ближайших родственников» [25, с. 24].

У киргизов, точно так же как и у казахов, был широко распространен обычай *левирата*. Согласно одному из наших источников, вдова являлась как бы частью имущества умершего и переходила в качестве жены к его брату, причем если имелось несколько братьев, то ее брал младший брат (в отличие от казахов, где преимущественным правом обладал старший брат), если не было братьев, то ее наследовал дядя или более дальний родственник умершего. Вдова не имела права уйти к своим родителям, и чтобы этого добиться, ей приходилось преодолевать ряд препятствий, в частности ее родственники должны были вернуть родным умершего полученный калым; однако если вдова имела от умершего сыновей и отказывалась выйти замуж, заявив, что она не желает «осквернять ложе умершего», ее не заставляли вновь выходить замуж, и она оставалась на всю жизнь вдовой вместе с детьми в ауле мужа, ведала хозяйством покойного до совершеннолетия сыновей. Но если она была еще молода и имела лишь дочерей, ее не избавляли от вторичного замужества, а дочери переходили к ее новому мужу или разбирались родственниками покойного [96, § 34, 39].

Для того чтобы выйти замуж за постороннего, вдове требовалось через суд биев получить себе свободу, а наследникам умершего должен был быть уплачен калым.

Если же она выходила замуж за отдаленного родственника мужа, но все же его сородича, то претендент должен был выпросить ее у наследников и дать им подарок по их желанию. Если вдова уходила от наследников, то она обязана была расстаться и с детьми. Если вдова, имеющая маленьких детей, выйдет замуж за одного из родственников умершего, то последний пользуется правом отца этих малолетних детей [96, § 38].

По другому источнику бездетная вдова должна была выйти замуж за деверя или же вообще остаться в семье мужа; но если она пожелала вернуться в семью своих родных, то должна была отказаться от всего имущества или же получить только свое *энчи* [95, л. 36]. О наличии левиратных браков говорит и Г. Загряжский, добавляя, что если вдова выйдет замуж за постороннего, то она теряет все свое имущество и детей, которые остаются у родных умершего мужа [32, с. 156]. Н. И. Гродеков также сообщает, что у каракиргизов (киргизов) имущество не уходит с вдовой, а остается ближайшему родственнику [22, с. 53].

Наследование женой (вдовой). В рукописи, посвященной дореволюционному быту киргизов Иссык-Кульского уезда, подробно говорится об имущественном положении жены в киргизской семье при жизни мужа и о судьбе имущества после его смерти. Киргиз не выделял жене никакой части из своего имущества, которую она могла бы получить после его смерти, в том числе и в тех случаях, когда киргиз был многоженцем. Киргиз не давал своей жене никакой части из своего имущества и, считая его как бы общим, требовал от нее присмотра за хозяйством. Но такое положение сохранялось до тех пор, пока у него была одна жена. Если он брал вторую жену (первая называется *байбиче*, все последующие — *токал*), то по прошествии некоторого времени он расселял жен в разные юрты, после чего делил все свое имущество между обеими юртами, и каждая жена вела хозяйство и присматривала за выделенной ей частью имущества. Хотя существовало мнение, по которому *байбиче* получала большую часть имущества по сравнению с *токал*, оно не подтверждалось наблюдениями; если *байбиче* иногда и выделялась несколько большая часть, то это потому, что она как старшая по возрасту была более опытной в ведении хозяйства; часто величина выдела зависела от того, какую жену муж лю-

бил больше. Если киргиз брал третью жену, то тогда из выдела первых двух жен отделялась часть на уплату калыма за третью жену, а также производился передел имущества между тремя женами. То же проделывалось и в случае взятия четвертой жены. Несмотря на то что жена не имела права располагать этим имуществом по своему желанию, ей все же было не безразлично, сколь велик ее надел, потому что этим обусловливалось благосостояние ее детей, так как фактически они впоследствии получали надел из выдела своей родной матери [95, л. 31, 33]. Таким образом, киргиз, имевший нескольких жен с детьми, обыкновенно старался скорее разделить имущество между ними, что требовалось для правильного ведения хозяйства и устранения ссор между женами, особенно в случае его смерти [96, § 39].

В отношении киргизов Иссык-Кульского уезда в упомянутой рукописи отмечается, что дети в свои наделы получали почти весь выдел матери, так как последней оставалась весьма скромная часть и в случае вдовства она шла жить к любимому сыну, которому и отдавала свою часть [95, л. 35]. Если жена, получившая особый надел (при наличии других жен), умрет, весь ее надел переходит именно к ее детям, а если детей она не оставила, то надел возвращается к ее мужу, который и распоряжается им по своему усмотрению [95, л. 36]. В рукописи же о токмакских киргизах указывается, что если киргиз не успел при жизни разделить имущество между женами, то старшина аула при дележе наследства выделял некоторую часть старшей жене — *байбиче* и той жене, в юрте которой умер муж, однако фактически эти доли не поступали в их собственность, а составляли достояние сыновей и обыкновенно их получали те сыновья, в юртах которых жили жены [96, § 39]. Согласно сообщению Н. И. Гродекова, вдова обычно оставалась жить с младшим сыном, который был обязан ее содержать и в связи с этим получал прибавку к своей доле наследства [22, с. 55].

В других материалах по этому поводу говорится следующее. Если мать, имеющая малолетних детей, оставалась вдовой и воспитывала их, отказавшись выйти замуж, то она становилась как бы полноправной хозяйкой, женила сыновей, выдавала замуж дочерей и наделяла имуществом [96, § 38]. Если вдова оставалась распоряди-

тельницей хозяйства по причине малолетства детей или потому, что сыновья еще не женились и не выделены, она обыкновенно передавала одному из сыновей досмотр за скотом. Если же не было ни одного сына, настолько взрослого, чтобы ему можно было поручить уход за скотом, то для этого по воле матери приглашался кто-либо из ближайших родственников покойного мужа, который, как правило, не отказывался от такого поручения, хотя по обычному праву ему не определялось за это никакого вознаграждения; но тем не менее он не оставался в накладе, потому что ему перепадало немало в виде подарков от матери опекаемых детей [95, л. 35].

Бездетная жена по смерти мужа никакого имущества не наследовала, а если по старости она не вступала в новый брак, то переходила со всем имуществом к родным мужа — наследникам, которые обязаны были ее кормить, при этом часто она оказывалась в тяжелом положении и подвергалась жестокому обращению; иногда ее из жалости брали к себе ее кровные родственники [96, § 44].

Выделение сыновей и наследование ими. У киргизов существовали примерно те же порядки при наследовании имущества сыновьями, что и у казахов. Н. И. Гродеков говорит, что у киргизов наблюдается выделение женатых сыновей с наделом. Все оставшееся имущество наследует невыделенный сын, который живет с отцом до его смерти и хоронит его. Автор прибавляет, что если отец, умирая, не оставил ничего невыделенным сыновьям, то выделенные должны женить невыделенных [22, с. 45].

Доля сына состояла как бы из двух частей — калыма, уплачиваемого за невесту, и имущества, даваемого при выделе [95, л. 38]. В выделе сыновей возраст не имел существенного значения, не выделяли только детей. Главная причина выдела — женитьба сына, которая зависела от благосостояния семьи и количества в ней членов мужского пола. У бедных киргизов, которые не могли выплатить калым, сыновья жили невыделенными до 30 и более лет. В богатых же семьях сыновей начинали женить с 16 лет; так как молодая обычно приносила в приданое все необходимое для хозяйства, то отцу оставалось наделить сына скотом, что он и делал, назначая количество скота по своему усмотрению: здесь его право было неограниченным, хотя в принципе все сыновья имели право на равные доли [96, § 41].

В отношении киргизов Токмакского уезда мы находим подробное описание выдела сыновей. В нем указывается, что выделы, хотя и происходили часто, не носили характера строго разграниченных и исключительных прав сына на свое имущество, так как «над выделенной каракиргизской семьей царит родовой принцип неразделенности имущества и взаимной помощи». Выделы обычно вызывались наличием большой семьи, женитьбой выделенного, а также враждой между членами семейства. Если родные жили дружно, то, хотя они и имели разные юрты, скот сохраняли в общем владении, иногда в течение нескольких лет. Выдел производил отец, а в случае его смерти — старший брат. Хотя выдел и зависел от усмотрения отца, последний при равных достоинствах сыновей и для соблюдения справедливости производил такой, освященный обычаем расчет: он оставлял себе и жене на пропитание и похороны; если имелись холостые сыновья, исключал предстоящий расход на калым и устройство свадьбы, остальное делил между сыновьями поровну. Когда таким образом все было рассчитано, отец приглашал почетных свидетелей, знающих его табуны, делал им угощение и объявлял им, что такого-то сына он выделил, дал ему такой-то скот и что к его метке скота сын прибавит свою такую-то метку. Если сын имел какие-либо претензии, то он говорил об этом отцу через свидетелей. Никаких обрядов при этом не совершалось, даже выделяемый скот не показывали. Если вражды между отцом и сыном не было, то они продолжали жить в одном ауле; если же враждовали, то сын откочевывал. Выделенный сын самостоятельно вел свое хозяйство, причем устанавливались обычные родовые отношения. У киргизов вообще имела место родовая взаимопомощь, та же помощь существовала между отцом и выделенным сыном, только еще более близкая, так как отец мог без спроса взять у сына на время или навсегда скотину и даже продать ее. Сын против этого не возражал, и никакой суд подобную жалобу сына на отца не рассматривал [96, § 43].

Хотя в данном описании раздела имущества и выдела ничего не говорится о доле дочерей, в другом месте той же рукописи сказано, что доли дочерей выделялись из долей, причитавшихся их кровным братьям, раскладывая это обязательство равномерно на всех братьев [96, § 39]. Если до смерти отца не были выделены все сыновья и

если в момент его смерти оставался взрослый сын, безразлично, женатый или нет, то все оставшееся имущество вместе с вдовой переходило в руки этого сына и он уже производил дальнейшие выделы [96, § 38].

Выдел дочерей и наследование ими. В материалах по Токмакскому уезду говорится, что дочери, безразлично, замужние или нет, прав на наследство не имели [96, § 38]. Однако там же отмечается, что доли дочерей выделялись из долей сыновей [96, § 39]. Что это за доли — подробно описывается в материалах по иссык-кульским киргизам.

Дочери, сказано там, получают *киит* и *энчи*. *Киит* — это приданое, состоящее обычно из разного рода одежды, нарядов, ковров, кошм, принадлежностей хозяйства и денег (но не скота, который, если и давался, то редко и в ограниченном количестве). Приданое всегда соразмерялось с размером калыма и было всегда меньше его [ср.: 48, с. 73]. Определить размеры того и другого заранее было невозможно, все зависело от благосостояния сторон и их добросовестности. О *киите* договаривались при сватовстве, сколько, чего и в какие сроки (по мере уплаты калыма) будет дано. Как правило, к свадьбе приданое должно было быть полностью готово и передано другой стороне (впрочем, так же как и калым).

Энчи, состоявший главным образом из разного рода скота, представлял собой собственно выдел и давался только спустя год и даже три года после замужества дочери. *Энчи* дополнял *киит*, «чтобы сделать соответственным по стоимости калыму». Однако при сватовстве об *энчи* не упоминали, полагаясь на совесть родителей. «Несмотря на то что по обычному праву *киит* и *энчи* должны уравновешивать стоимость калыма, а через это как бы облагородить способ женитьбы при пособии калыма, в большинстве случаев *киит* вместе с *энчи* далеко не равны калыму. Если бы строго исполнялось равновесие между калымом и *киитом* с *энчи*, то это приняло бы характер только обмена имущества, и женитьба, кроме потребностей на содержание жены, не требовала бы ничего». В подтверждение этого положения говорится, что многоженство у киргизов не было слишком распространено именно потому, что масса народа не была достаточно состоятельна и не имела возможности уплачивать два и более калыма.

Хотя такого «уравновешивания» можно было требовать по суду, но, должно быть, в народе сложилось убеждение, что за женой редко дадут большой выдел, и поэтому при сватовстве старались выговорить возможно больший *киит* (т. е. приданое), не рассчитывая на *энчи*. Замужняя дочь, получившая *киит* и *энчи*, совершенно устранялась от всяких прав на наследство после родителей [95, л. 33—35].

Анализ приведенного материала все же, по-видимому, свидетельствует о том, что женщина, в том числе и дочь, вышедшая замуж, никаким имуществом не обладала. Приданое состояло из хозяйственных предметов, которые поступали к новобрачному и в дальнейшем, как видно из сказанного нами ранее, составляли имущество мужа, жена лишь присматривала за хозяйством. Основное богатство киргиза — скот — в приданое не входило. Что же касается *энчи*, то очень характерно, что оно выдается спустя довольно большой срок после замужества и напоминает собой скорее подарок родителей дочери во время посещения ею родительского дома. В этом отношении характерно сообщение С. М. Абрамзона о получении молодой женщиной *энчи* также и от родителей мужа. Даже в послеоктябрьский период наблюдались случаи, когда только что вышедшей замуж молодой женщине выделяли *энчи* от родителей мужа при ее первом посещении родственников мужа. Правда, это *энчи* (в виде телки или овцы) поступало в распоряжение всей семьи [4, с. 219—220]. Можно полагать, что и указанное в нашей рукописи *энчи* поступало во владение мужа, как главы семьи, на мысль о чем наталкивают и приведенные выше рассуждения о стремлении «уравновесить» *киитом* и *энчи* калым.

Отметим еще сообщение Н. И. Гродекова, сделанное им со слов одного из киргизских информаторов, что наследство никогда не доставалось дочери, потому что она всегда выходила замуж в дальний род [22, с. 52].

В связи с вопросом о праве детей мужского и женского пола на выдел или наследование характерно следующее место из рукописи о киргизах Токмакского уезда. Там сказано, что круглые сироты призревались ближайшими родственниками по мужской линии. Если у них не было никакого имущества, то они жили у своих родных в качестве бедных родственников. Усыновления в том смысле, как это понимается у нас, у киргизов не было,

ибо и так младший член семьи считал главу отцом. Не возбранялось призревателям женить призреваемых и выделять им скот, если последние были родственниками по мужской линии (в данном случае автор, очевидно, имеет в виду лиц мужского пола, мальчиков, — *Н. К.*), ибо в этом случае имущество не уходило из рода, но в обязанность это не ставилось. Родственники по женской линии могли воспитываться, но не могли быть наделены имуществом и скотом со стороны их призревателя [96, § 42].

Наследование другими родственниками. После смерти бездетного киргиза все его имущество делилось между кровными родными мужского пола. Главным наследником являлся отец, а если отца не было, то родные братья умершего делили наследство между собой поровну; следующими за ними наследниками являлись родные дядья, затем двоюродные братья и так далее по нисходящей линии. О положении и правах бездетной вдовы покойного говорилось выше. Естественно, что после ее смерти никакого наследства не оставалось. В редких случаях вдова старалась вырваться из-под давления родичей мужа, а также и своих родных и устроиться где-либо в селении или городе, где пыталась прокормиться своим трудом [96, § 44].

Интересен один из заключительных параграфов по наследованию в рукописи об обычаях киргизов Токмакского уезда [96, § 46]. В нем говорилось, что у киргизов права по наследству установлены обычаем. Род у них составляет как бы братство, в котором и должно остаться все имущество умершего. Поэтому киргизы не считают возможным отдавать свое имущество кому-либо помимо своего рода, и обычай этот так свят, что ни один родственник не решится отступить от него. Наследуют всегда кровные родные, самые близкие, если не разделены, то глава семьи, в крайнем случае сородичи. Кровных наследников отец может просить дать часть наследства приемышу или дочери с ее детьми, но наследники вправе и не уважить эту просьбу, если приемыш или дочь чужого рода. По этой причине среди киргизов никакого утверждения в правах наследства не было, а также не существовало и письменных духовных завещаний. Отнятое родом у отдельных его членов право распоряжаться имуществом по смерти и установленное как бы одним завещанием раз навсегда наследование имущества родными или родом исключало вся-

кую необходимость в составлении каких-либо договоров или актов, которых поэтому не было и выполнять которые не позволил бы род. Из этого видно, что владелец не мог завещать свое имущество, как бы опо ни было малоценно и незначительно, кому-либо постороннему.

Все сказанное как нельзя лучше свидетельствует о существовании у киргизов еще в конце XIX в. общинно-родовой формы собственности.

* * *

В отличие от казахов и киргизов у каракалпаков почти ничего не известно о наследовании и разделе семейного имущества. Плохая изученность культуры и быта каракалпакского народа в дореволюционном прошлом отразилась также и на отсутствии сведений о семейных отношениях, и в частности регулировании вопросов наследования. Лишь в советский период, особенно в послевоенные годы, семейно-брачные отношения у каракалпаков стали изучаться более усердно. Однако, если вопросы семьи и брака получили в наше время уже известное отражение в литературе [см.: 28—31; 12; 46], то по вопросам наследования и раздела имущества имеются лишь отдельные беглые замечания.

Как нам представляется, в вопросах наследования и раздела имущества каракалпаки в прошлом руководствовались обычным правом и в этом отношении были близки к казахам и киргизам. У одного дореволюционного автора мы находим замечание о том, что «семейное положение каракалпачки нисколько не лучше других восточных женщин. Тот же произвол со стороны мужчин и то же рабское подчинение родовому началу» [73, с. 587].

У каракалпаков в досоветский период, как и у казахов, их ближайших соседей, по-видимому, очень стойко держался обычай уплаты калыма за невесту, а также обычай левирата. Нам уже приходилось [48, с. 92] приводить слова Т. А. Жданко о том, что уход вдовы к родителям считался позором для родственников умершего. Более пространно по этому поводу пишет С. К. Камалов; он говорит, что после смерти мужа вдова была обязана выйти замуж за одного из братьев умершего или вообще за одного из его близких родственников, при этом вопрос о семейном положении претендента не имел значения,

так же как и его возраст. Обычай левирата отразился в каракалпакской пословице: «Если лошадь подохнет — остается шкура, если брат умрет — остается сноха». Если вдова выходила замуж за брата умершего, то он наследовал все имущество и землю покойного [46, с. 154].

Если после смерти мужа оставался сын, то вдова в ряде случаев не выходила замуж, она была обязана вырастить и воспитать ребенка, который затем становился хозяином всего имущества. Однако если, имея сына, вдова все же выходила замуж за близкого родственника мужа, имущество и земля считались принадлежащими сыну, независимо от его возраста, и когда сын вырастал, он становился хозяином и отделялся [46, с. 154].

По-видимому, вдова, как правило, не имела никаких прав на имущество. Так, тот же автор сообщает, что если вдова по каким-либо соображениям решила покинуть семью и возвратиться к своим родственникам, она не имела права взять с собой даже личных вещей, а если у нее был малолетний сын, то она должна была оставить его близкому родственнику по линии мужа [46, с. 154—155].

Все имущество, как движимое, так и недвижимое, считалось принадлежащим отцу, и без его ведома никто не мог им распоряжаться. Судьба всех членов семьи находилась в его руках, ни один сын не мог жениться без его разрешения, отец же, не спрашивая согласия сына, сватал ему невесту. После женитьбы нескольких сыновей устраивали раздел, при этом имущество делилось не поровну, а по усмотрению отца, большая часть оставалась в руках того сына, с которым жил отец [46, с. 153].

По словам А. Т. Бекмуратовой, при наличии нескольких сыновей женатый сын мог выделиться лишь тогда, когда один из других сыновей женился или достигал возраста, когда он уже мог вступить в брак. Единственный сын или младший сын по обычаю не отделялся, он был обязан всю жизнь жить с родителями и после смерти отца наследовал дом и имущество. Автор приводит пример, когда при наличии трех братьев, из которых двое были женаты и имели детей, а также матери, скот был поделен на четыре части: две части получили женатые сыновья, младший брат, по-видимому, остался жить с матерью в отцовской юрте. Обычно делилось не все имущество семьи, как правило, выделявшийся сын брал лишь

несколько голов скота, юрту, составлявшую нередко приданое его жены, и постельные принадлежности [12, с. 7—9].

Однако среди каракалпаков, впрочем, так же как и у казахов, видимо, в рассматриваемое время наблюдались и элементы шариатных норм наследования. Так, С. К. Камалов пишет, что в том случае, если у родственников мужа не было подходящего жениха для вдовы или она упорно не хотела выходить замуж, а также если у вдовы была замужняя дочь, имущество покойного объявляли *тереке,* то есть буквально «имущество без хозяина», необходимую часть этого имущества откладывали для устройства поминок по умершему, некоторую часть выделяли для хана (вероятно, в казну, — *Н. К.*) и казия, 1/8 отдавали замужней дочери, остальное получала вдова [46, с. 155].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Теперь мы перейдем к народам, в основе наследственного права которых хотя и встречаются элементы адата, но первенствующее значение имеют шариатные нормы. Это туркмены, таджики, узбеки и уйгуры. Прежде всего мы кратко остановимся на положениях шариата, относящихся к наследованию.

Для рассмотрения наследственного права по шариату мы обратимся к двум работам — книге Р. Шарля [91] и сборнику шариатных статей о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края [90]. Следует отметить, что вопросы наследования у Р. Шарля изложены хотя и кратко, но достаточно четко и ясно, в то время как «Шариатные статьи» более пространны, но изложение материала в них довольно путаное, в них содержится много казуистических подробностей. Однако по основным вопросам в обоих указанных трудах расхождений почти нет, а если таковые и имеются, то они не очень существенны.

Отметим прежде всего, что, согласно шариату, наследодатель может завещать часть своего имущества, но в число лиц или учреждений, получающих по завещанию, обычно не должны входить наследники по закону и завещанное не должно превышать $^1/_3$ всего имущества. Однако завещание рассматривается шариатом как второстепенное основание наследования. Оно подчинено ряду ограничений, которые значительно сужают сферу его применения. Обычно завещание делается на богоугодные дела [91, с. 103, 112]. Мы не будем здесь подробно вдаваться в вопросы наследования по завещанию, поскольку для наших целей оно не представляет интереса, а перейдем непосредственно к наследованию по закону.

Наследники по шариату делятся на две большие категории — *фарз* (*фарзгары* в Средней Азии) и *асиб* (*асаб*).

«К числу наследников, именуемых *наследниками фарз*, — пишет Р. Шарль, — относятся ... лица, обладающие правом на получение определенных самим законом долей, независимо от числа других наследников». «К числу *наследников асиб*, — продолжает он, — относятся лица, доля которых в наследстве, в разных случаях разная по размеру, сводится к остатку наследства, остающемуся после выделения долей *фарз*» [91, с. 105, 108].

К *фарзгарам* относятся лица, находящиеся в двенадцати степенях родства к наследодателю, из них четыре — для мужского пола и восемь — для женского пола. Каждое такое лицо (или группа лиц, состоящих к наследодателю в соответствующей степени родства) получает различную, заранее обусловленную часть наследства, причем эта часть может быть больше или меньше в зависимости от второстепенных условий.

Сопоставив сведения обоих указанных источников в отношении наследников-*фарзгаров* (которые в основном сходятся) и для простоты опуская различные второстепенные условия, мы сделали нижеприведенную сводку. Наиболее существенная разница между сведениями, приводимыми Р. Шарлем, и «Шариатными статьями» заключается в том, что первый делит всех *фарзгаров* на две группы (категории), в то время как в «Шариатных статьях» об этом ничего не говорится.

Фарзгары первой группы: отец — получает $^1/_6$ имущества при наличии у умершего детей (в других ситуациях меньше или больше); мать — $^1/_6$ при наличии у умершего детей или братьев и $^1/_3$ при отсутствии таковых; жена (жены) $^1/_8$ при наличии детей и $^1/_4$ при их отсутствии; муж — $^1/_4$ при наличии детей и $^1/_2$ при отсутствии таковых.

Фарзгары второй группы: дед и бабка — вместе получают $^1/_6$ имущества; дочь — $^1/_2$, если дочерей несколько, то все вместе — $^2/_3$ (при условии отсутствия потомков мужского пола); внучка по отцовской линии — $^1/_2$, если внучек несколько — $^2/_3$ на всех, а при наличии дочери — $^1/_6$ на всех (если есть потомки мужского пола или несколько дочерей, внучка от наследования устраняется); сестра полнородная — $^1/_2$, если сестер несколько — $^2/_3$ на всех (при отсутствии полнородного брата); сестра единокровная — $^1/_2$, если их несколько — $^2/_3$ на всех (при условии отсутствия полнородной сестры); брат единоутроб-

ный — $^1/_6$, а если братьев несколько — $^1/_3$ на всех (при условии отсутствия прямых наследников мужского пола); сестра единоутробная — $^1/_6$, если она одна, если их несколько или есть единоутробные братья, — $^1/_3$ на всех (при отсутствии прямых наследников мужского пола).

Даже при беглом просмотре приведенной сводки бросается в глаза, что при наличии всех упомянутых разрядов родственников их доли, вместе взятые, неизбежно превышают всю наследственную массу. «В подобных случаях, — пишет Р. Шарль, — применяют так называемый аул, то есть пропорциональное уменьшение. Оно заключается в том, что знаменатель долей повышается на сумму всех числителей, которые остаются неизменными. Этот прием если и не обеспечивает заинтересованным лицам получение их наследственных долей, то во всяком случае не отступает от духа правил Корана о распределении наследства» [91, с. 107]. В подтверждение автор приводит следующий пример: если одному наследнику причитается $^1/_2$, или $^3/_6$, а двум другим $^2/_3$, или $^4/_6$, в результате применения аула первый получает $^3/_7$, а два остальные — $^4/_7$.

Однако такое решение вопроса было бы достаточно простым, если бы, кроме наследников *фарз*, не было наследников *асиб*.

К наследникам *асиб* первоначально относились все родственники мужского пола, связи которых с умершим не прерывались никаким женским поколением (по определению Ибн-Арфа, умершего в 803 году хиджры), т. е. прямые наследники по мужской линии. Однако с течением времени к этой категории были приравнены еще две группы наследников — *асиб с другими* и *асиб через другого* [91, с. 102].

К группе *асиб* относятся, как сказано, родственники мужского пола по мужской линии, а именно нисходящие (сын, внук и т. д.), восходящие (отец, дед и т. д.), потомки отца наследодателя (братья наследодателя, их сыновья и т. д.), потомки деда наследодателя (дядья наследодателя, их сыновья и т. д.).

Во вторую группу (*асиб с другими*) входят женщины, а именно дочь наследодателя, дочь сына, кровные и единоутробные сестры, при наличии мужчины той же категории родства, т. е. сын наследодателя, сын его сына, единокровные и единоутробные братья. В таких случаях эти

родственницы переходят в категорию наследников *асиб*, где они, как это вообще предусмотрено правилами шариата, получают долю наследства в половинном размере по сравнению с лицом той же степени родства мужского пола. Наконец, *асиб с другими* считаются женщины (по Р. Шарлю — единокровные и единоутробные сестры), когда нет соответствующего лица мужского пола, но когда есть другие наследницы — женщины близкой им степени родства, имеющие право получить наследство *асиб* [91, с. 103—104; 90, § 167—170].

Наследники *фарзгар* получают причитающуюся им долю наследства до наследников *асиб*. По «Шариатным статьям» «наследники, которым доля не определена, именуются *асаба*, они получают остаток после того, как получат свои доли наследники *фарзгары*; если *фарзгаров* нет, только они сами, то они получают все наследство, а если от наследников *фарзгаров* ничего не остается, то *асаба* наследства не получают» [90, § 167]. Однако такое категорическое отстранение прямых наследников представляется странным и, как мы увидим ниже, противоречит существовавшей у народов Средней Азии практике. Кроме того, Р. Шарль прямо отмечает, что наследники *фарз* первой группы (т. е. родители и переживший супруг) наследуют на указанных условиях независимо от числа остальных наследников и качества, в котором они призываются к наследованию; напротив, наследники *фарз* второй группы пользуются правом на свою долю лишь в тех случаях, когда их не вытесняют наследники *асиб*, более близкие по степени родства, чем *фарз* второй группы, которые таким образом могут быть устранены от наследования [91, с. 106].

Получение *асибами* наследства построено также на том принципе, что *асибы* более близких степеней родства отстраняют от наследства *асибов* более отдаленных степеней; однако само понятие более близких и более дальних *асибов* варьируется в различных мусульманских толках (ханифиты, маликиты и др.), например, в ханифитском толке существует такой порядок: нисходящие, восходящие (от наследодателя), нисходящие отца (т. е. братья наследодателя и их потомство), нисходящие деда с отцовской стороны (т. е. дядья и их потомство) и т. д. *Асибы* одной и той же категории и степени родства (по отношению к наследодателю) наследство делят поровну, однако

доля мужчины должна быть в два раза больше доли женщины [91, с. 109; 90, § 157, 171, 172].

Если после смерти наследодателя не остается наследников *фарз* и *асиб* (или останется лишь переживший супруг), то к наследованию призываются так называемые *з̱у-л-арх̣а̄м*, т. е. единоутробные родственники (дети дочери наследователя, дед с материнской стороны, потомки единоутробных братьев и сестер, дядя матери, тетка со стороны отца и ее потомство и т. п.) [91, с. 109—110; 90, § 187—205].

Перед разделом наследства откладывается некоторая часть имущества на похороны умершего, затем наследство следует очистить от долгов, которые должны быть выплачены кредиторам.

Нужно отметить, что обусловленное при вступлении в брак обеспечение жены — так называемый *махр* — приравнивается к долгам умершего. Как известно, *махр* делится на две части: махр наличный — *накд* и махр отложенный — *насия*; первый вносится женихом в период свадьбы, второй должен быть выдан жене в случае смерти мужа или его развода с женой [48, с. 81—82]. Так, шариат, приравнивая неполученный женой *махр* к долгам умершего, предусматривает право жены не допускать раздела имущества, пока она не получит свой *махр* [90, § 125].

Мы изложили вкратце основные положения шариата по вопросу о наследовании. Следует оговориться, что в действительности раздел наследства гораздо сложнее. Некоторые из приведенных долей того или другого наследника могут увеличиваться или уменьшаться в зависимости от целого ряда других причин, главным образом различных комбинаций, связанных с наличием других наследников; очень сложны правила наследования *з̱у-л-арх̣а̄м*. Однако сказанного вполне достаточно для решения поставленных нами в данной работе задач.

Для нас здесь чрезвычайно важным является тот принцип, что к наследованию привлекаются не только мужчины, но и женщины. В этой связи позволим себе остановиться на высказывании Н. А. Маева — знатока Туркестана второй половины XIX в. Указав на две категории наследников (*фарз* и *асиб*) и перечислив основных родственников, получающих наследство, он пишет: «Опуская все, что касается мужчин, мы упомянем о частях на-

следства, следующих наследникам по назначению (то есть *фарз* — *Н. К.*) женского пола. Половина может следовать родной дочери и сестре, дочери сына и единокровной сестре. Четверть жене и женам или же в других случаях может следовать осьмая часть. Две трети двум и более родным дочерям, двум и более родным сестрам, двум и более внучкам от сына, двум и более дочерям и единокровным сестрам. Одна треть матери. Одна шестая — матери, единоутробной сестре, дочери сына, единокровной сестре, бабке. Из всех этих лиц только одни супруги и родители (т. е. как раз *фарзгары* первой группы, — *Н. К.*) пользуются собственно указанными частями, которые всегда должны быть выдаваемы, несмотря ни на какое совместное наследование других лиц. Части их исчисляются от всего наследства, части же прочих наследников по назначению могут быть исчислены и из оставшегося по выделе определенных законом частей имущества. Я упомянул выше, что даже в Коране есть достаточно указаний относительно прав жен на наследство мужей, а это доказывает, что в самом начале магометанства было уже обращено внимание на определение и ограждение прав женщины» [58, с. 366—367].

Практически у народов Средней Азии наследование по шариату в большинстве случаев сводилось к весьма ограниченному кругу ближайших родственников: пережившему супругу и родителям, сыновьям и дочерям и лишь в случае отсутствия таковых (особенно сыновей) — к другим близким родственникам (в первую очередь братьям и сестрам).

* * *

Что касается туркмен, то о наследственном праве, существовавшем у них, имеется ряд высказываний авторитетных авторов, как дореволюционных, так и советских. В общем и целом можно заключить, что у туркмен во второй половине XIX в. господствовали шариатные нормы наследования, однако еще довольно значительную роль играло и обычное право. Это и понятно, поскольку патриархальные отношения среди туркмен еще далеко не были изжиты, на что указывает сохранение в полной мере обычая калыма. Сами туркмены еще в большой своей массе сохраняли кочевой образ жизни, хотя отдель-

ные племена и группы перешли уже к оседлости и в основном занимались земледелием. «Для большинства туркменских племен в XVI веке, как и позже, было характерно сочетание орошаемого земледелия с кочевым или отгонным скотоводством и связанный с этим полукочевой образ жизни, при котором часть одних и тех же групп населения (чарва) кочевала вместе со стадами, а другая часть (чомры) жила оседло, занимаясь земледелием» [86, с. 13]. «В юридической надстройке сильно удерживались пережитки дофеодальных порядков, в частности большое значение имел суд старейшин (ишулы), судивших на основе обычного права (адат). Он пользовался большим авторитетом, чем казийский суд, где судопроизводство велось на основе шариата» [86, с. 35].

Знаток обычного права туркмен А. Ломакин, близко соприкасавшийся с жизнью населения как русский администратор и человек, принимавший непосредственное участие в работе местных судов, отмечал, что все дела, касавшиеся наследства, разрешались, придерживаясь правил и постановлений шариата [57, с. 49]. Другой дореволюционный автор, Ф. А. Михайлов, современник А. Ломакина говорил следующее: «Хотя туркмены принадлежат к последователям ислама, шариатные постановления которого должны служить единственным духовным, уголовным, гражданским и нравственным законом для мусульман, туркмены руководствуются шариатом, и то до некоторой степени, только в делах бракосочетания и по *разделу имущества* (курсив наш, — *Н. К.*). Всё остальные части шариата ими заменены постановлениями обычного права, не только не схожими с шариатными, но зачастую им прямо противоречащими» [63, с. 57].

Ряд советских исследователей также прямо отмечают, что в основе наследования у туркмен лежал шариат. К. Овезбердыев пишет, что у мервских туркмен при определении внутренних взаимоотношений членов семьи решающим было обычное право, в то время как в вопросах наследования решающая роль принадлежала праву по мусульманскому законодательству [69, с. 107]. Ш. Аннаклычев говорит, что еще в первые годы Советской власти имущественные права каждого члена семьи независимо от пола и возраста, происхождения, профессии, способностей и т. д. целиком и полностью регулировались шариатом [10, с. 355].

Перейдем к более детальному рассмотрению имеющегося в нашем распоряжении материала. Прежде всего отметим, что в имущественном отношении женщина-туркменка не была столь бесправна, как казашка или киргизка. Все авторы единодушно говорят о том, что туркменка имела определенные права на известное имущество.

Как указывают некоторые исследователи, приданое в конечном счете являлось собственностью женщины, но пока она была замужем, она им не распоряжалась без согласия мужа. В том же случае, если туркменка получала развод от мужа или, оставшись вдовой, не желала жить в доме покойного, она могла унести приданое с собой [57, с. 28]. Ш. Аннаклычев, говоря о разделе наследства, отмечает, что разделу не подлежало принесенное вдовой приданое, называемое *шай-сен*, или *докуз*, состоящее из одежды, украшений, *инжи*. *Инжи* (уже знакомое нам *инчи, энчи*) — это тот подарок, который родители давали, если они были состоятельные, выходящей замуж дочери (домашний скот и пр.). *Шай-сен* и *инжи* могли быть проданы, заменены чем-либо другим или использованы для нужд семьи только с согласия на это их владелицы. Эти вещи и скот, являвшиеся собственностью женщины, после ее смерти переходили в распоряжение родителей и родственников умершей [10, с. 358]. В последнем случае не говорится, могли ли рассчитывать на это имущество дети умершей, но так как в контексте речь идет о разделе имущества по шариату, то, вероятно, в число родственников входили и дети.

Весьма любопытно отметить, что у туркмен в отличие от казахов и киргизов даже при наличии калыма происходило известное изменение взглядов на женщину, что особенно наглядно прослеживается на судьбах левиратных браков.

В работе, посвященной семье и браку у народов Средней Азии [48, с. 92—93], мы уже говорили о левирате (*дакылма*) у туркмен, приводили сообщения и соображения некоторых туркменоведов. Сейчас мы намерены несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

В упомянутой нашей работе отмечалось, что А. П. Андреев и Н. В. Брюлова-Шаскольская являются как бы выразителями точки зрения общинно-родовой собственности у туркмен на «купленную» за калым женщину. Первый говорил, что если вдова выходит замуж по обы-

чаю левирата, то «калым не платят, так как род этот уже однажды приобрел данную женщину и не должен платить за нее вторично» [6, с. 354]. Второй же автор считал наличие обычая левирата у туркмен свидетельством того, что женщина является собственностью не только мужа, но и всего рода [15, с. 205].

Г. П. Васильева несколько иначе интерпретирует обычай левирата у туркмен. С одной стороны, она отмечает, что отказ сородича мужа от женитьбы на вдове вызывал общественное порицание: считалось, что не следует отпускать женщину из своего рода. Это положение сохранялось долгое время. Поскольку в случае выхода вдовы замуж в другой род дети должны были остаться в роде отца (как увидим ниже, это правило господствовало у большинства туркменских племен), мать обычно соглашалась остаться в роду мужа. С другой стороны, родственники вдовы, наоборот, стремились к тому, чтобы получить за нее второй калым, и поэтому старались выдать ее замуж в другой род. Несмотря на широкое распространение, левират не везде встречал одобрение, и к жене, доставшейся таким путем, относились с некоторым пренебрежением: она не могла быть приравнена к жене, взятой с выплатой калыма, и если ее муж мог собрать деньги на калым для приобретения новой жены, последний брак считался настоящим. У йомудов, пишет Г. П. Васильева, существовала даже такая поговорка: «Из снохи не выйдет жены [настоящей], из прадедов [по женской линии] — родни» [18, с. 202—203]. В другой работе тот же автор пишет: «Овдовевшую женщину, особенно если она была молода, искусна в работе или имела детей, стремились не выпускать из семьи и выдать замуж за брата или другого ближайшего родственника умершего. В случае, если вдова не соглашалась на это... дети ее оставались у родных отца, а она, уходя из семьи мужа, имела право забрать с собой только те свои вещи, которые принесла из родительского дома» [17, с. 256].

Как видно из приведенных высказываний, вдова у туркмен пользовалась правом покинуть родных мужа, к чему обычно стремились ее родители, чтобы в случае ее нового замужества получить еще раз калым.

Указанный порядок у туркмен подтверждает и А. Ломакин: «При выходе замуж вдовы или разведенной у всех туркменских племен калым поступает в пользу ее родст-

венников, но отнюдь не в пользу родственников ее мужа... Если на вдове женится брат или ближайший родственник покойного мужа, то тогда калым не уплачивается родственникам вдовы. Родственники вдовы в подобных случаях стараются советами и увещаниями не допустить, чтобы она вышла замуж за родственника покойного мужа, так как это не в их интересах, но если, несмотря на уговоры, она все-таки настоит на своем, то родственники ее предъявляют иск через народный суд, который обыкновенно примиряет тяжущихся на условии выдачи кровным родственникам вдовы небольшого подарка деньгами или скотом, но не калыма». Далее тот же автор еще раз подчеркивает, что туркменка по смерти мужа опять поступала в распоряжение своих родственников, прибавляя, что хотя по адату никто не мог заставить вдову насильно выйти замуж, обычное право лишало вдову материнских прав на детей, которые должны остаться в роду своего отца [57, с. 12, 31].

Прежде чем непосредственно перейти к вопросам раздела имущества, отметим, что у туркмен все семейное имущество (о приданом было сказано выше) считалось собственностью мужа, который распоряжался им по своему усмотрению, не испрашивая согласия жен в тех случаях, когда он хотел его продать, сдать в аренду или заложить. Жены могли участвовать в пользовании имуществом и должны были стремиться к приращению этого имущества [57, с. 29].

Наследование вдовой. После смерти мужа, говорит Д. Г. Йомудская-Бурунова, жена получала, не считая приданого, $^1/_4$ имущества, если она бездетная, и $^1/_8$ — при наличии детей [41, с. 54]. По разделу, называвшемуся *тереке*, все имущество — независимо от экономического состояния семьи — делилось на восемь частей, одну из которых в обязательном порядке передавали матери (вдове); доля вдовы, называемая *бир-ника,* при разделе не изменялась ни при каких обстоятельствах. Если у покойного было две жены, то доля каждой равнялась *ярымника* (половине); другими словами, каждой из них полагалось по $^1/_{16}$ части общего имущества [10, с. 356]. Об этом сообщает и Я. Р. Винников [19, с. 234].

Поскольку речь идет о наследовании по шариату, который признает за женщиной право на имущество, то неудивительно, что мы встречаемся и с правом вдовца на

имущество умершей жены (вероятно, имеются в виду приданое и *инжи*). Так, Д. Г. Йомудская-Бурунова говорит, что после смерти жены муж брал себе половину ее имущества (что соответствует шариатным нормам, — *Н. К.*), а остальное, если не было детей, шло ее родителям [41, с. 54]. В другом источнике указывается, что в случае смерти жены, оставившей после себя детей, $^3/_4$ ее имущества доставалось мужу, остальное отдавалось ее отцу; если женщина умирала бездетной, имущество ее делилось пополам между мужем и ее родственниками [17, с. 257].

А. Ломакин указывал, что после смерти мужа вдова, кроме своей вдовьей части, полагающейся ей по шариату, наследовала еще *мюльк* (т. е. землю, находящуюся в частном пользовании, — *Н. К.*) с правом пользоваться им до смерти или до выхода вновь замуж, но без права передачи. По смерти же вдовы или по выходе замуж *мюльк* поступал в наследство ближайшего родственника покойного [57, с. 49]. Тот же автор писал, что па вдову, если у нее не было малолетних детей, распространялось и право пользования ирригационной общинной водой, которой пользовался ее покойный муж [57, с. 108]. А. Ломакин также отмечает, что у туркмен по смерти отца опекуном малолетних детей обыкновенно становилась их мать, которая вступала в пользование имуществом своих детей, оставаясь опекуном их до совершеннолетия. Если же опа выходила замуж за постороннего, то она устранялась от опеки. Автор полагал, что этот обычай шел вразрез с шариатом, по которому при наличии родственников мужского пола мать не могла быть опекуном над имуществом своих детей [57, с. 46].[1] Другой источник тоже указывает, что вдова могла быть опекуном и воспитывать своих детей, но при условии, что она живет у родных мужа; если вдова выходила замуж (вероятно, за постороннего, — *Н. К.*), то она должна была разлучиться со своими детьми [63, с. 54—55].

Переходя к вопросу о **выделе сыновей и наследовании ими**, следует остановиться сначала на обычае отделения

---

[1] Утверждение А. Ломакина, что опекунство матери противоречит шариатным нормам, вызывает сомнение: в цитированных выше «Шариатных статьях» [90, § 74, п. 3] говорится, что опекунами могут быть и мужчины, и женщины.

женатых сыновей. Нередко у туркмен еще встречались большие семьи. К. Овезбердыев в этой связи отмечает, что во второй половине XIX в. шел интенсивный процесс дробления больших семей на малые, в основе которого лежал раздел имущества отца после его смерти между взрослыми женатыми сыновьями и другими наследниками. Мать переходила по обычаю на иждивение младшего сына. Во многих случаях раздел осуществлялся только после смерти обоих родителей. Наряду с разделом в XIX в. практиковался и обычай отделения взрослого женатого сына от отцовского хозяйства [69, с. 101]. При разделе имущества в больших семьях, говорит Г. П. Васильева, каждая семья получала один пай; кроме того, неженатому брату выделяли дополнительные средства на калым. К этому автор добавляет следующее интересное сообщение: семье, в которой внук носил имя деда, иногда давали лишний пай или по крайней мере несколько голов скота сверх положенного всем [17, с. 261].

О выделении сыновей довольно обстоятельно сообщает и А. Ломакин. По его словам, туркмены выделяли сыновей в основном после их женитьбы и окончательной уплаты калыма. Обычно избегали выделения нескольких сыновей одновременно; чтобы не расстраивать отцовского хозяйства, их выделяли с промежутками в 2—3 года; нескольких сыновей сразу иногда выделяли лишь состоятельные люди. Младшие сыновья при жизни родителей выделялись редко. Невыделенные сыновья не имели своего отдельного имущества; если они что-то зарабатывали, то это шло в счет их будущего калыма. Обычай налагал на родителей обязательство содержать сына до 15 лет, сделать ему обрезание и помочь в уплате калыма, а дочь выдать замуж [57, с. 43—44].

Интересные данные по выделению сыновей и наследованию приводит Ш. Аннаклычев. Раздел семейного имущества, пишет он, производился обычно тогда, когда кто-либо из женатых сыновей отделялся, образуя собственное хозяйство, или же после смерти родителей, обычно после смерти отца. При выделении женатого сына глава семьи устраивал торжественное угощение, называвшееся *огул айырма тойы* (торжество по случаю отделения сына), требовавшее больших затрат.

По существовавшей традиции после смерти главы семьи составляли оценку всего имущества и выясняли коли-

чество долгов. Если имущества для покрытия долгов не хватало, то уплата их зависела от воли наследников; если это были люди честные, то они тем или другим способом старались рассчитаться с кредиторами. Однако никто не имел права заставить наследников выплачивать долги, которые сделал умерший. Когда бы ни производился раздел — после смерти главы семьи или при выделении коголибо из сыновей, его совершали с соблюдением традиций, и во всех случаях доли членов семьи не менялись: выделялась $^1/_8$ имущества вдове (или вдовам), сыновья получали вдвое больше, чем дочери. Если братья выделялись при жизни родителей и получали при этом положенную им долю, то после смерти родителей как бы устраивался передел оставшегося имущества (очевидно, в связи с возможным приращением хозяйства и увеличением долей, — *Н. К.*). Если взаимоотношения братьев были хорошие и старшие учитывали положение младшего, который по обычаю должен был содержать родителей до смерти, то свои доли в присутствии свидетелей они передавали младшему. Если при жизни родители решили передать состояние, накопленное после раздела семейного имущества, младшему сыну, то их желание выполнялось в обязательном порядке [10, с. 355—356].

Я. Р. Винников пишет, что у туркмен средней Аму-Дарьи по шариату в случае смерти главы семьи движимое и недвижимое имущество могло делиться между всеми ее членами. Доля каждого сына вдвое превышала долю дочери. Фактически же при распределении наследства старший женатый сын (видимо, имеются в виду старшие сыновья, — *Н. К.*), выделявшийся из семьи, получал свою долю земли, скота и имущества, а усадьба и большая часть землевладения и скота переходила во владение женатого сына, чаще всего младшего, в семье которого обычно жили мать-вдова и младшие члены семьи. Если между братьями возникали споры из-за раздела земли и движимого имущества, прибегали к посредничеству аксакалов и духовенства. Бывали случаи, отмечает автор, передачи отцовской усадьбы старшему сыну или более трудоспособному и энергичному. Остальные сыновья получали положенную по шариату и адату ((?), — *Н. К.*) долю [19, с. 234—235].

По шариату дочь наследовала, как уже говорилось раньше, половину доли сына [41, с. 11; 19, с. 234]. По

свидетельству Ш. Аннаклычева, это правило соблюдалось даже в том случае, если дочь уже была замужем [10, с. 257]. Однако при этом необходимо подчеркнуть, что такой раздел, в который, исходя из шариатных норм, включалась и недвижимость, встречал довольно сильное сопротивление, целью которого было стремление не дробить семейное имущество, не допустить перехода недвижимого имущества в руки лиц, не принадлежащих к данной семье. Д. Г. Йомудская-Бурунова говорит, что сестра нередко отказывалась от своей доли в пользу братьев. Можно полагать, что здесь речь идет главным образом о недвижимости, которая в первую очередь должна была интересовать наследников, желавших предотвратить дробление земли и хозяйства в целом. Ш. Аннаклычев отмечает, что при разделе имущества нередки были случаи, когда замужние дочери передавали свою долю младшему брату, который по обычаю должен был содержать родителей после отделения старших братьев, устраивать поминки по родителям или же еще должен был создавать собственную семью [41, с. 11; 10, с. 357]. Я. Р. Винников пишет, что у туркмен Бухарского ханства женщина имела право на недвижимое имущество в своей семье. Однако это право в большинстве случаев фактически не реализовалось. Для сохранения земельного надела, как рассказывали автору его информаторы, оставшийся во главе хозяйства сын стремился по возможности раньше выдать замуж своих малолетних сестер и получить за них калым. В таком случае он мог вместо выделения сестре положенной ей по шариату части земли увеличить размер ее приданого. Если же по выходе сестры замуж она по настоянию мужа все же требовала положенную ей долю земли, это вызывало всеобщее возмущение и считалось проявлением неуважения к умершему отцу и семье брата или братьев [19, с. 46].

В заключение по данному вопросу приведем следующее свидетельство Д. М. Овезова: «Согласно материалам Я. Таирова, к концу XIX в. все освоенные в прошлом земли, а также вода находились в частном владении отдельных лиц на правах мюлька, и каждый владел своей долей воды без всяких изменений. В случае смерти владельца воду наследуют нисходящие наследники — мужчины. Наследницы пользуются отцовской водой лишь до выхода замуж, после чего вода переходит во владение

родственников мужского пола по боковой или восходящей линии. Если же дочь претендует на отцовскую воду, то родственники по отцовской линии удовлетворяют ее незначительной суммой денег или чем-либо другим; женщина никоим образом не должна допускаться к постоянному на правах мюлька владению водой, которая может быть только во временном пользовании вдов, дочерей, внучек или сестер водовладельца. Вдова бездетного наследодателя временно пользуется водой мужа до своей смерти или выхода замуж. Вдова до смерти или до выхода вновь замуж пользуется водой умершего мужа отдельно или совместно с детьми мужа, если у него останутся таковые» [70, с. 248].

Относительно **наследования имущества другими родственниками** умершего в литературе нам встретилось лишь одно упоминание. Ш. Аннаклычев говорит, что если умерший не имел сына и после его смерти остались жена и дочь, то не все имущество умершего передавалось его жене; она и ее дочь получали положенную им долю, а остальная часть имущества переходила в распоряжение родственников мужа (родителей, братьев, дядьев, даже двоюродных братьев) [10, с. 358]. Автор приводит этот пример как иллюстрацию неравных, по сравнению с мужчиной, прав женщины на семейное имущество. В этом отношении он, конечно, прав, но дело здесь именно в неравенстве по шариату, так как вдова и ее дочь являлись наследниками-*фарзгарами,* которые при наличии наследников *асиб* и не могли получить в свою пользу всю массу оставшегося наследства, причем дочь покойного была *фарзгаром* второй категории, и то только при отсутствии сыновей. Таким образом, приведенный пример лишь показывает, что в данном случае речь шла о наследовании в соответствии с шариатными нормами.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что право наследования у туркмен может быть охарактеризовано в общем и целом как переходное от норм обычного права к шариатным нормам, уже со значительным преобладанием этих последних. Это обстоятельство, как нам представляется, является известным показателем постепенного изживания патриархальных отношений, патриархально-родовых связей, натурального хозяйства и становления более развитых общественных отношений. Однако

у туркмен процесс разложения патриархальных отношений, особенно у племен или групп, сохранявших кочевой или полукочевой образ жизни, еще не зашел слишком далеко, о чем свидетельствует сохранение обычая уплаты калыма и наличия кое-где больших патриархальных семей и семейно-родственных групп.

Весьма характерным показателем ослабления патриархально-родовых связей служит исчезновение обязательности левиратных браков и вообще изменение положения женщины-вдовы, на которую уже теряют право сородичи ее покойного мужа. Более того, женщина, переставая быть объектом владения, сама приобретает право на известную долю имущества.

Вместе с тем, хотя наследование у туркмен определялось в основном шариатными нормами, одновременно наблюдалось и стремление к ограничению прав женщины на получение в наследство недвижимого имущества, что было особенно характерно для туркмен, занимавшихся земледелием. В обоснование этого ограничения обычно делались ссылки на обычай, традиции и т. п. Весьма примечательно, что такие «поправки» к шариатным нормам были направлены не на защиту общинно-родственных интересов, а скорее преследовали цель сохранения недвижимости в пределах определенной семьи. Данная семья стремилась закрепить за собой недвижимое имущество, исключить раздробление хозяйства, уменьшение земельных наделов, являвшихся для многих туркменских племен основным средством существования. Женщина же, особенно молодая, если она получала при разделе по шариату недвижимую собственность, неизбежно передавала ее в свою новую семью, в семью своего мужа. Но так как шариатные нормы приобретали все большее значение, мы наблюдаем, помимо ссылок на обычаи и традиции, также и другие формы недопущения женщин к владению недвижимостью: это или «добровольная» уступка сестрой своей доли в пользу брата, или предоставление «компенсации» за счет другой части имущества, получаемого женщиной при разделе наследства, увеличения ее приданого и т. п.

Необходимо отметить, что вопрос о владении землей, и в частности усадьбой, вообще стоял очень остро не только у туркмен, но и у других народов, уже следовав-

ших в деле наследования нормам шариата, особенно это касалось районов, характеризующихся малоземельем, как это было, например, у горных таджиков.

* * *

Горные таджики также в основном практиковали раздел наследства на основе шариатных норм. Однако от равнинных таджиков и вообще оседлого земледельческого населения, в том числе и узбеков, их отличали многие более или менее стойкие пережитки патриархальных, общинно-родовых отношений, поэтому мы считаем целесообразным выделить вопрос о наследовании и разделе семейного имущества у горных таджиков в особый раздел.

Мы не имеем намерения подробно говорить здесь об этих пережитках, поскольку эти вопросы были рассмотрены нами ранее в монографии о семье и браке у таджиков [49], к которой мы и отсылаем читателя. Однако для правильного представления о порядке наследования и раздела имущества нам следует все же кратко сказать об этих особенностях.

У горных таджиков существовала большая патриархальная семья, которая сохранилась вплоть до Октябрьской революции в наиболее глухих, изолированных горных районах — в Припамирье, Дарвазе, Вахио-боло и некоторых других. Эти большие патриархальные семьи в прежнее время обычно не разделялись или разделялись только тогда, когда достигали слишком больших размеров, но и в этом случае происходило выделение отдельных семей, но не лиц, которые имели бы право на определенную часть имущества.

М. С. Андреев и А. А. Бобринской в свое время писали, что в Ишкашиме, Вахане, Гороне и Зебаке члены одной семьи старались жить вместе, не разделяясь; то же самое наблюдалось и в Шугнане, кроме Хорога, где разделы бывали очень часто. Как при жизни отца, так и после его смерти сыновья, по большей части, продолжали жить вместе; когда подрастали новые члены семьи, для них пристраивались спальни, но для обеда и ужина все собирались в одну комнату. Если же и случалось, что взрослые братья расходились и селились порознь, то это происходило главным образом из-за ссор между женщинами. Обыкновенно разделы бывали только между

внуками, и то если семья слишком разрасталась [9, с. 20]. И. И. Зарубин отмечал, что сыновья жили вместе до старости, лет до 40, пока их сыновья не вырастали и не становились их помощниками [94, л. 113].

О разделах больших семей с приведением соответствующих примеров мы говорили ранее [50, с. 69 и сл.]. Рассказывая об имущественных отношениях в больших патриархальных семьях, мы отмечали, что внутри них шла борьба между принципами собственности всей общины и собственностью малых индивидуальных семей. С течением времени натуральное хозяйство, свойственное большой семейной общине, начинало разлагаться, частная собственность все глубже проникала в поры общинного хозяйства: сначала собственность на личное имущество, затем на скот, огороды, фруктовые деревья; последним же этапом разложения большой патриархальной семьи явилось возникновение частной собственности на землю, раздел находившихся ранее в общем владении земельных угодий. Однако, когда дело доходило до раздела, то он в основном производился в духе шариатных установлений.

В глухих горных районах Таджикистана, особенно там, где земли было мало, мы сталкиваемся еще с одной из характерных особенностей патриархально-общинных отношений, а именно с вопросом о нераздельности усадьбы и принадлежащей семье пахотной земли, которые в совокупности назывались *хок*, или *мульк* [50, с. 107 и след.]. Усадьба, т. е. дом с хозяйственными постройками, пахотной землей, лесом, травяными участками, фруктовыми деревьями, составляла единое неразрывное целое и представляла собой самостоятельную единицу в кишлаке. Обычно *хок* переходил по наследству от отца к сыновьям, и в случае смерти отца они владели *хоком* совместно, хозяином дома при этом считался старший брат. Если же между братьями не было согласия, так что они не могли ужиться друг с другом и дело доходило до выяснения того, кому владеть домом, то, поскольку *хок* считался неделимой единицей, старейшины кишлака и местный бухарский чиновник определяли, кто из братьев является наиболее трудоспособным (в фискальном отношении весь кишлак был связан круговой порукой, так же как и в отношении трудовых повинностей). Такому брату *хок* передавался целиком в пожизненное

владение, а остальные братья оставались безземельными и выселялись. Более того, если после смерти владельца *хока* не оставалось трудоспособных членов семьи, то по приговору старейшин и властей в этот дом вселяли какого-либо крестьянина, иногда совсем постороннего по отношению к бывшему хозяину; вдову вместе с малолетними детьми (если таковые были) уговаривали выйти замуж за нового хозяина, если же она не соглашалась, то ее просто выселяли в какую-нибудь *хиджру* (небольшое помещение, флигель) и она оставалась без надела.

Следует, однако, отметить, что обычай этот существовал далеко не везде и, вероятно, до известной степени представлял еще один из наиболее архаичных пережитков общинных отношений, общинно-родовой собственности. С ним мы, как правило, встречаемся в условиях малоземелья; это обстоятельство наталкивает на мысль, что он закрепился (имея своим истоком общинно-родовые порядки) на длительное время и дожил до революции в тех районах, где уже не оставалось больше излишков земли, а дробить существовавшие очень скромные по размерам наделы было нецелесообразно. В связи со сказанным отметим также, что такой порядок распространялся на наследственную землю, передававшуюся от отца к сыновьям, так называемую *мульки падари* или *мульки бобиги* (собственность отца, деда), но не на благоприобретенную, купленную *мульки зархарид* (как отметила А. З. Розенфельд, такую землю называли также *хоки шариат* и делилась она с соблюдением шариатных норм).

Наконец, серьезным пережитком патриархальных отношений у горных таджиков, в какой-то мере влиявшим на распределение наследства, было довольно стойкое сохранение обычая уплаты калыма, правда не достигавшее таких размеров, как, скажем, у казахов, но все же нередко приводившее к затруднениям в совершении браков, особенно среди бедняцкой прослойки населения.

Перейдем теперь непосредственно к вопросу о наследовании у горных таджиков, которые, как мы уже сказали, в общем и целом руководствовались в этом деле шариатными установлениями. Следует отметить, что у горных таджиков женщина в имущественном отношении не была абсолютно бесправна, в чем можно усмотреть известные параллели с туркменской женщиной.

В отношении *приданого*, носившего название *мирос*, или *моли мирос*, женщина обладала, что подтверждается многочисленными расспросными материалами, полным правом на владение и распоряжение.

Обычно приданое передавалось новобрачной спустя некоторое время после свадьбы и переезда в дом мужа, в момент первого традиционного посещения ею дома своих родителей. Как правило, приданое было небольшим, состояло из нескольких голов мелкого рогатого скота, иногда и коровы, а также различных предметов домашнего обихода и одежды, посуды, утвари и т. д. По нашим полевым записям, как в кулябских районах (кишлаки Гурзамин, Джонбахт и др.), так и в Вахио (кишлаки Иштиун, Сагырдашт, Дехи мулло и др.), в Дарвазе (кишлак Умарак), а также в припамирских районах — везде *моли мирос* во время совместной жизни с мужем оставался в распоряжении жены, а муж не имел к нему отношения. По смерти мужа вдова брала свое приданое, помимо причитающейся ей части наследства, — *моли мирос* не входил в наследство.

В сохранявшихся (например, в долине Ванджа) больших патриархальных семьях скот, приведенный женщинами в качестве *моли мироса*, считался их личным имуществом и числился за ними, право на распоряжение продуктами от этого скота (молоко, шерсть) принадлежало жене старейшины общины. В некоторых случаях в распоряжение старшей женщины поступали лишь молочные продукты, в то время как шерсть употреблялась самой владелицей скота для изготовления войлоков, чекменей (шерстяные халаты) и чулок для своей личной (малой) семьи, и лишь если оставались излишки, последние отдавались кому-либо из других членов общины, нуждавшихся в шерсти. Правда, в некоторых общинах права женщины на ее скот иногда узурпировались главой общины, который мог продать или заколоть животное, иногда и без согласия его владелицы, но все же такие случаи были, по-видимому, исключением, обычно же это делалось с ее согласия [50, с. 71—72].

М. С. Андреев и А. А. Половцев сообщали, что в припамирских районах (Ишкашим и Вахан) все имущество жен, приносившееся ими с собой в дом мужа, продолжало оставаться их собственностью; даже приплоду от приведенного в виде приданого скота велся особый счет.

Обыкновенно женщина делила свое имущество между своими детьми еще при жизни, в случае же ее смерти без распоряжения об имуществе последнее делилось между ее детьми, без учета в дележе детей другой жены, если таковая имелась у данного человека [9, с. 20]. Однако, как известно, по шариату каждый переживший супруг участвует в наследовании после умершего супруга. К сожалению, у нас нет ни одной записи по поводу того, получал ли вдовец что-либо из *моли мироса* своей умершей жены при наличии детей, но имеется запись из Дарваза о том, что при отсутствии детей $^7/_8$ *моли мироса* получает муж, а $^1/_8$ отец покойной.

В связи с правом женщины на ее приданое следует сказать несколько слов о *махре* — имущественном обеспечении жены при бракосочетании. Весьма характерно, что, в то время как обычай наделения жены мужем *махром* был развит, как мы увидим ниже, у равнинных узбеков и таджиков, а также уйгуров, у горных таджиков *махр* женщине не давали, а часто путали его с *калымом*, называя *калым махром* (что говорит об еще довольно туманном представлении среди широких слоев населения о шариатных нормах). Однако в некоторых районах горного Таджикистана, как дань шариатным нормам существовал обычай «прощения махр» — *бахшидани махр*, согласно которому молодая женщина якобы добровольно отказывалась от него [см. подробнее: 49, с. 154—155].

Что касается левиратных браков у горных таджиков, то, по словам М. С. Андреева, женитьба на вдове брата разрешалась, но не была обязательной [8, с. 122]. В другой своей работе он подробно останавливался на обычае левирата у горных таджиков и приходил к выводу, что в древнем быту таджиков обычай этот вообще отсутствовал. При известном стремлении таджиков к заключению браков между близкими родственниками, писал автор, удержание в доме уходящей из него овдовевшей женщины часто было связано с причинами практической необходимости. Так как по существующим обычаям дети покойного должны были оставаться у его родных (мать не могла забрать детей с собой), дальнейшее проживание вдовы в доме покойного мужа, среди его семьи, обеспечивало детям воспитание и присмотр родной матери, а также удерживало в доме уже привыкшую к дому за долгие годы пребывания в нем работницу. Нередко это

разрешало и различные осложнения земледельческого характера, особенно если жена по праву наследства владела участком земли, которым пользовалась семья умершего и который отходил вместе с ее уходом из данной семьи. Поэтому уговаривание вдовы родственниками покойного мужа выйти замуж за одного из них было делом обычным, особенно если имелись еще неженатые братья покойного; очень часто такие браки и совершались. Однако претендент на вдову и его дом предварительно, как это имело место, например, в долине Язгулема, должны были уплатить дому невесты нормальное *вено* (калым, — *Н. К.*), в данном случае как за вдову, т. е. половину того, что принято было платить за женитьбу на девушке. Самое же существенное это то, что брак совершался только при наличии на то согласия вдовы, которая при этом часто руководствовалась указанными выше причинами.

Факты, приведенные М. С. Андреевым, сами по себе очень интересны, но, по нашему мнению, они вовсе не свидетельствуют об отсутствии у горных таджиков в отдаленном прошлом левирата как обязательного обычая. Ведь даже при рассмотрении казахского материала мы видели, что с течением времени категоричность и обязательность этого обычая исчезают [7, с. 11].[2]

Правда, известные нам случаи левиратных браков среди горных таджиков обычно не связывались нашими информаторами с новой уплатой калыма. Однако положение М. С. Андреева о том, что часто вдова, не желая расставаться с детьми, оставалась в доме и вступала в левиратный брак, подтверждается целым рядом фактов. Нередко решающую роль в этом вопросе играла и общественность кишлака, уговоры соседей и вообще односельчан, приводившие для убеждения вдовы довод не разорять дом и не покидать своих детей. Следует отметить, что в имущественном отношении здесь играли роль два обстоятельства: с одной стороны, вдова имела право на наследство после своего покойного мужа, с другой — в ряде случаев она сама являлась владелицей принесен-

---

[2] В свое время, полемизируя с М. С. Андреевым по данному вопросу, мы со своей стороны также допустили ошибку, несколько преувеличивая значение левирата у таджиков и недооценивая его у казахов, тем самым как бы уравнивая стойкость этого обычая у обоих народов [49, с. 67].

ного в дом имущества, полученного или в качестве *моли мирос*, или же в качестве наследства после покойного отца. Один из таких характерных случаев уже был описан нами [50, с. 141].

Многоженство в горном Таджикистане не было распространенным явлением; обычно две жены (редко больше) имели люди зажиточные или принадлежавшие к местной феодальной верхушке, а также главы больших патриархальных семейных общин. Как и у многих других народов Средней Азии и Казахстана, после смерти главы семейства наследство делилось таким образом, что дети умершего от каждой жены получали равные доли, независимо от того, сколько детей было у одной жены, а сколько — у другой. Об этом говорят как литературные источники, так и наши полевые записи.

М. С. Андреев и А. А. Половцев пишут, что если у умершего остались дети от разных матерей, то они получали равные доли наследства, т. е. дети от одного брака получали столько же, сколько и дети от другого брака, хотя бы от одного брака был только один ребенок, даже дочь (которая в таком случае называлась *духтари сульби*, т. е. родная, законная дочь), а от другого — много детей [9, с. 20]. То же самое говорит и А. А. Бобринской, который приводит ряд примеров по дележу наследства: если от первой жены у умершего было четыре сына, а от второй — одна дочь, наследство делилось пополам, т. е. четыре сына от одной матери получали столько же, сколько одна дочь от другой матери (правда, вслед за этим автор отмечает, что если от обеих жен имелись и сыновья и дочери, то наследство получали только сыновья, но опять-таки поровну сыновья каждой матери, независимо от числа их) [13, с. 80]. По словам И. И. Зарубина, если дети происходили от одной матери, то имущество делили поровну (вероятно, по шариату — сын получает вдвое больше дочери, — *Н. К.*), а если имелись дети от нескольких матерей, то имущество делилось так, что дети одной матери получили столько же, сколько дети другой матери, хотя бы у последней была только одна дочь [94, л. 112]. Точно такой же принцип раздела наследства между детьми разных матерей был отмечен нами в долине Язгулема (кишлак Джамак) и в Дарвазе (кишлак Умарак). По-видимому, этот принцип раздела наследства имел повсеместное распространение.

По нашему мнению, такое распределение наследства между потомством двух или нескольких жен, не является шариатным установлением, а восходит к обычному праву. В «Шариатных статьях», касающихся наследования, мы не нашли подобного указания. Шариат интересует другой принцип, а именно степень близости данного наследника к наследодателю, а никак не вопрос о том, от которой жены происходит тот или другой наследник. По шариату, точно так же как и по обычному праву, дети принадлежат отцу, о чем свидетельствует требование оставлять детей у отца. Однако то обстоятельство, что принцип деления наследства поровну между детьми от разных жен (независимо от количества детей у каждой) мы находим у казахов, где доминировало обычное право, свидетельствует о том, что он, по-видимому, восходит к обычному праву. Жены у казахов часто брались из других родов и подразделений, и вполне возможно, что такой принцип равного распределения наследства в какой-то мере соответствовал и интересам родов и родовых подразделений, из которых происходили жены.

Доказательством нешариатного происхождения указанного принципа деления наследства между потомками разных жен служит и то, что предусмотренная им возможность получения всего наследства единственной дочерью прямо противоречит шариату, по которому она (при отсутствии сыновей) является наследницей *фарз*, а не *асиб* и потому не может получить более половины наследственного имущества, в то время как вторая половина достается другим родственникам.

Наследование вдовой. Многие наши записи говорят о том, что жена после смерти мужа получала, как выше уже указывалось, свое приданое и, кроме того, $^1/_4$ или $^1/_8$ наследственного имущества (кулябские кишлаки Гурзамин, Джонбахт, Шайдон, Алака, кишлаки в долине р. Хингоу — Сагырдашт, Дехи мулло, Иштиун, Паси овринг, Сангвор, Урфат, в Дарвазе — Умарак). Как известно, по шариату вдова получает при наличии детей $^1/_8$ часть наследства, а при отсутствии таковых — $^1/_4$. Однако в целом ряде случаев нам указывали, что практически даже при отсутствии детей вдове давали не $^1/_4$ часть наследства, а лишь $^1/_8$; может быть, такие данные явились следствием неточности информаторов [доля вдовы (по-таджикски *хаштак*), — вероятно, стяженное

хашт як, т. е. $^1/_8$], однако возможно, что нередко просто пользовались беззащитностью и неграмотностью женщины, которая вряд ли имела представление о нормах шариата. Есть отдельные указания на то, что вдовья часть включала в себя и недвижимое имущество, но практически, по-видимому, этого не было, обычно она наделялась только домашними вещами и скотом. Более того, приходилось даже слышать категорическое утверждение, что на наследственную землю вдова не имеет права (кишлаки Иштиун, Урфат, Умарак, долина р. Язгулема).

Однако, если после смерти главы семейства в доме оставались дети, особенно взрослые и работоспособные сыновья, то вдове фактически не выделялось никакой доли, и она оставалась жить с детьми, которые ее содержали и кормили. По утверждению А. З. Розенфельд, на основании собранных ею материалов, мать-вдова почти всегда оставалась в доме вместе с сыновьями (если таковые были) и часто становилась полноправной хозяйкой и домоправительницей, случаи же отделения матери, особенно пожилой, от сыновей были чрезвычайно редки. Лишь иногда, если вдова не ладила с сыновьями или они плохо обращались с ней, она уходила из дому и жила одиноко в какой-нибудь небольшой пристройке, а все имущество оставалось у сыновей (такой случай был зарегистрирован в кишлаке Сангвор). Но и при отсутствии взрослых сыновей вдова часто оставалась в доме, последний передавался кому-либо из родственников мужа, и тот вел хозяйство и должен был содержать вдову. Если последняя была не стара и имела малолетних детей, то нередко выходила замуж за нового хозяина дома, который становился как бы опекуном детей, которые затем по достижении своего совершеннолетия предъявляли права на наследство своего отца.

Мы хотим закончить вопрос о наследовании имущества вдовой упоминанием об одном обычае, записанном И. И. Зарубиным в припамирских районах и называемом *хаки мум,* что значит право бабушки. Если женщина была бездетной и после смерти мужа возвращалась в дом своих родных, то она получала от родных мужа корову; если таковой не окажется, то даже спустя много лет, когда и сама вдова умрет, за ее родными (часто боковыми внуками) сохранялось право требовать у родст-

венников ее мужа корову; если же женщина умерла бездетной еще при жизни мужа, то право требовать корову переходило к ее ближайшим родственникам [94, л. 95].

Наследование сыновьями. Сыновья являлись у горных таджиков основными наследниками после смерти отца. Это подтверждается всеми нашими полевыми материалами и свидетельствами других исследователей. Как мы уже указывали, в ряде случаев даже после смерти отца сыновья продолжали жить сообща и не разделялись. Но если раздел происходил, то в основном придерживались шариатных норм, причем считалось, что каждый из сыновей получал долю вдвое большую, чем дочь. Как свидетельствуют факты, раздел производился не механически, особенно в отношении недвижимого имущества. По нашим полевым записям (например, в долине Ванджа), а также по свидетельству И. И. Зарубина [35, с. 125] и М. С. Андреева [9, с. 20—21], дом по обычаю доставался младшему из сыновей, старший же получал самый большой участок земли. В другом месте И. И. Зарубин пишет, что определялась стоимость дома и земли и исходя из этого старались разделиться так, чтобы каждый из наследников-сыновей получил равную долю. При этом И. И. Зарубин приводит еще и такую подробность: если у покойного было две или несколько жен, то дом получает самый младший сын от первой жены [94, л. 13]. По словам Л. Ф. Моногаровой, в долине Язгулема младший брат по обычаю получал дом и усадебную землю, старший — «большую землю» (пахотную), а также *пешток* и *аджру* (пристройки к дому: *пешток* — род сеней, где можно проживать в теплое время, *аджра,* или *хиджра,* — чистое помещение, комната, обычно служащая для приема гостей); хозяйственные постройки делились поровну. Если было несколько сыновей, то младший брат получал дом, а «большая земля» делилась поровну между остальными братьями [64, с. 59]. Обычно раздел производился с помощью родственников и авторитетных соседей — стариков, пользовавшихся уважением в кишлаке.

В случае, если после смерти отца оставались малолетние сыновья, то вопрос решался по-разному. Когда при них была мать, которая могла вести домашнее хозяйство, земля оставалась за детьми и сдавалась кому-либо из односельчан в аренду, так называемое *шарикй*; при этом лицо, обрабатывавшее землю, брало себе определенную

часть урожая, а остальное отдавалось семье. Раздел же имущества происходил позднее, когда сыновья вырастали и становились работниками (кишлаки Иштиун и Сагырдашт). Иногда же дом передавали другому человеку, обычно родственнику, но все равно сыновья оставались законными наследниками и по достижении совершеннолетия вступали в свои права (кишлак Паси овринг); за этим следили, во избежание злоупотреблений, старейшины кишлака. Встречался и такой вариант: детей брал к себе в дом брат отца, то есть их дядя (*амак*), который их воспитывал и обрабатывал землю; однако имущество принадлежало детям, и впоследствии они становились его хозяевами (кишлак Алака), тот же порядок отмечает и Л. Ф. Моногарова для долины Язгулема [64, с. 59].

Наследование дочерьми. Как уже указывалось, по шариату дочери получают половину того, что причитается сыновьям, это правило признавалось и горными таджиками. Известно много случаев, когда дочь, если ее права ущемлялись, требовала раздела по шариату и обращалась к казию, ведавшему также и наследственными тяжбами. Об этом свидетельствуют собранные нами полевые материалы в кулябских районах (кишлаки Джонбахт, Гурзамин, Алака, Шайдон), в долине р. Хингоу (кишлаки Дехи мулло, Сагырдашт, Иштиун, Паси овринг) и в некоторых других местах.

Обычно при наличии сыновей и дочерей умершего при делении наследства дочери получали свою часть в виде движимого имущества, однако известны и такие случаи, когда они получали свою часть земли и передавали ее своему мужу (кишлак Дехи мулло). Как нам представляется, наделение дочерей землей встречалось в тех районах, где земли было сравнительно много и даже имелась возможность обработки целинных участков. Так обстояло дело, вероятно, в долине р. Ванджа. Нам известен случай, когда при разделе большой патриархальной семьи при наличии двух сыновей и пятерых дочерей земля была поделена на девять частей (по две части братьям и по одной дочерям); но впоследствии три дочери, бывшие при разделе уже замужем в других кишлаках, отказались от своих участков — две в пользу старшего брата и одна в пользу младшего, потому что в их новых семьях было достаточно земли; точно так же отказался от своей на-

следственной доли и один из наследников — сын одной из дочерей, умершей к моменту раздела, потому что у его отца земли было достаточно, и свой участок он передал младшему дяде (т. е. второму сыну наследодателя); тем не менее первоначально земля была разделена строго по шариату [50, с. 73—74].

Вообще, по имеющимся материалам, дочери довольно часто отказывались от своей части земли (добровольно или по принуждению — это другое дело) в пользу брата или братьев (кишлак Дехи мулло) или получали взамен земли некоторую компенсацию в виде скота или другого движимого имущества (кишлак Иштиун).

В связи со сказанным любопытный обычай описан М. С. Андреевым у таджиков долины Хуф. При погребении в отличие от мужчины женщину-покойницу, помимо савана, одевали в шаровары и короткую рубаху. Автору объяснили этот обычай следующим образом: по существующему праву, в нормальных условиях женщина в разделе земли своей доли не получает, а получает только движимое имущество (в том числе и скот). И дополнительная одежда, надеваемая на покойницу, является своеобразной формой компенсации за неполученную ею долю земли [8, с. 188].

Вообще, как нам представляется, в припамирских районах (кроме долины р. Вандж) земля обычно дочерям не доставалась, так как в этих районах пахотной земли было очень мало (вообще население жило очень бедно), и дробление участков привело бы к полному лишению семьи средств существования. Особенно в этом отношении были характерны узкие, скалистые долины рек Язгулема и Бартанга. Так, И. И. Зарубин сообщает, что в долине Бартанга при наличии сыновей и дочерей последние наследства (а здесь основное наследство заключалось именно в земле) не получали, и сестры жили у братьев, которые были обязаны их содержать, кормить, а затем выдать замуж с приданым [94, л. 12]. По нашим записям в Язгулеме (кишлаки Джамак, Матраун), замужние дочери, кроме своего приданого, ничего не получали; если они ссылались на шариат, то им могли дать какую-то часть наследства, но практически это было очень редко. Что касается незамужних дочерей, то их кормили братья; если же замужняя дочь очень нуждалась, то она тоже обращалась за помощью к своим братьям, и те ей такую

помощь оказывали, но земли не давали, да и сестры ее не требовали.

Нам представляется, что именно малоземелье и бедность, бывшие уделом почти всего населения в припамирских районах, препятствовавшие разделу скудных, иногда буквально измерявшихся несколькими квадратными метрами участков земли, были основной причиной невозможности дробить землю при разделе наследства. Этим, вероятно, объясняется и целый ряд фактов, когда, например, единственная дочь (*духтари сульби*) становилась наследницей дома и земельного участка. Этот факт отмечает М. С. Андреев для Хуфа [8, с. 122], И. И. Зарубин для долины Бартанга [94, л. 12], Л. Ф. Моногарова для Язгулема [64, с. 59], А. А. Бобринской для Ишкашима и Вахана [13, с. 80] — буквально во всех районах Припамирья одинаковая картина.

Напротив, в других районах горного Таджикистана при наличии единственной дочери последняя получала причитающуюся ей половину (как наследница *фарзгар*), а другая часть шла братьям покойного или же их потомкам (кишлак Сагырдашт), что соответствовало нормам шариата. Правда, и здесь в ряде случаев землю получал мужской наследник, который мог обрабатывать ее, компенсируя права дочери другим имуществом. Так, например, в кишлаке Урфат (долина Хингоу) после смерти главы семейства остались жена, дочь и брат; раздел был произведен таким образом, что из двадцати голов скота жена получила пять голов, дочь — десять, а брат — землю и пять голов скота [50, с. 128].

Наследование другими родственниками. В случае отсутствия у умершего детей $^1/_4$ или $^1/_8$ наследства получала его вдова, остальное переходило к его братьям, при отсутствии таковых — к сестрам, если же не было и их, то к двоюродным братьям. Если у покойного был сын, то его братья и сестры в наследстве не участвовали (кишлаки Гурзамин, Шайдон, Джонбахт, Сагырдашт, Паси овринг и др.). По записям А. З. Розенфельд, сестра покойного при отсутствии у него сыновей участвовала в наследстве в $^1/_4$ того, что мог бы получить сын, что касается матери покойного, то она имела право на $^1/_6$ наследства, если же были живы оба родителя, то эта часть следовала им на двоих. Указанные нормы и по-

рядок наследования в общем и целом соответствуют общепринятым нормам шариата.

Резюмируя все сказанное в отношении горных таджиков, можно заключить, что в основе наследования у них лежали нормы шариата. Однако в целом ряде случаев жизнь вносила свои коррективы, которые в известной степени находили свое объяснение как в пережитках патриархально-общинных отношений, так и в условиях малоземелья и скудности средств существования.

Одним из основных и главных из этих коррективов являлось сохранение в ряде наиболее глухих и изолированных мест представления о неделимости *хока* (усадьба и пахотная земля), что, по-видимому, следует рассматривать как пережиток общинных отношений, когда сельская община выступала как единое целое, в частности и перед лицом феодальных властей, феодального государства; как указывалось, при уплате налогов, особенно же при выполнении различных трудовых повинностей, община была связана круговой порукой и поэтому старейшины общины были заинтересованы в том, чтобы хозяйство находилось в руках трудоспособного хозяина, могущего наравне с другими общинниками платить налоги и подати, выполнять повинности.

Другим коррективом, основанным, как нам представляется, уже на совершенно ином принципе, принципе семейной собственности, было стремление, вопреки нормам шариата, отстранить наследников женского пола от наследования недвижимой собственности, в первую очередь земли, поскольку, попадая в руки женщины, эта собственность неизбежно должна была перейти к чужой семье, что подрывало материальные ресурсы данной семьи. Особенно ощутимо это было в условиях малоземелья, когда слишком мелкое дробление земельных участков подчас грозило самому существованию семьи.

* * *

Теперь нам следует рассмотреть вопросы наследования и раздела семейного имущества у равнинных таджиков и узбеков. Говоря о последних, мы имеем в виду прежде всего исконное узбекское земледельческое население, не знавшее родо-племенного деления

и в своем подавляющем большинстве именовавшееся *сартами*. Надо оговориться, что даже в очень немногочисленных работах по этнографии узбеков это исконное узбекское население часто рассматривается вместе с так называемыми даштикыпчакскими узбеками, пришедшими в Среднюю Азию значительно позднее (в основном в начале XVI в.) и сохранявшими вплоть до революции родоплеменное деление, а также более стойкие черты патриархальных отношений и патриархального быта.

О даштикыпчакских узбеках мы знаем еще меньше, чем о сартах, однако представляется, что семейные отношения, а в том числе и нормы наследования у этих узбеков были близки к таковым у казахов, киргизов и других кочевников недалекого прошлого, с преобладанием норм и предписаний обычного права, хотя, возможно, и несколько смягченных, что объясняется довольно длительным проживанием их вблизи от основных среднеазиатских оазисов, бок о бок с оседлыми земледельческими народами Средней Азии.

Оседлых узбеков-сартов нам в нашем исследовании, по-видимому, нужно рассматривать вместе с равнинными таджиками, так же как и некоторыми другими малочисленными оседлыми национальными группами, например арабами, ирани, некоторыми группами обузбечившихся туркмен, поскольку их издавна объединяли общая земледельческая культура, наличие ремесел, проживание в селениях крупных земледельческих оазисов или даже в городах, развитие торговли, крупных и мелких базарных центров и т. д. Сюда же относятся и отдельные группы узбеков даштикыпчакского происхождения, которых некоторые исследователи рассматривают наряду с исконным земледельческим населением [93], а также такие мелкие национальные тюркоязычные группы, консолидирующиеся с узбеками, как карлуки [89].

Мы находим многочисленные высказывания различных авторов по вопросу о существовании в сравнительно недалеком прошлом у равнинных таджиков и узбеков без родового деления больших семей, которые первоначально носили характер патриархальных семейных общин, а затем в процессе эволюции форм семьи от больших к малым стали преобладать так называемые неразделенные семьи, включавшие не более двух женатых поколений [48, с. 22—23, 32—33]. Много споров возникает по во-

просу о том, когда преобладающей формой для них стала малая семья. Как мы уже говорили в другом месте [48, с. 38—40], в конце XIX—начале XX в. у народов Средней Азии малая семья уже была господствующей формой, а среди рассматриваемой здесь группы народов это, вероятно, произошло даже несколько ранее. Так, еще в первые десятилетия после присоединения Средней Азии к России супруги Наливкины в отношении ферганских узбеков писали, что у них «вошло в обычай отделять молодых по истечении года после их брака, причем раздел этот производится по большей части по инициативе самих стариков, а год сроку дается молодым для того, чтобы они в течение этого времени успели сжиться и чтобы молодые попривыкли к ведению самостоятельного хозяйства. У сартов стремление к разделам замечается общее, как у родителей, так и у семейных их детей, причем в отношении родителей обратное явление замечается главным образом лишь в наиболее богатых купеческих семьях, где мелочных расчетов меньше, а материальные выгоды общежития и общего хозяйства наиболее наглядны» [68, с. 212—214]. Авторы работы по узбекскому населению отмечают, что в конце XIX—начале XX в. у таджиков, узбеков, арабов, туркмен, ирани (речь идет о населении среднего и нижнего Зеравшана, — *Н. К.*) преобладала промежуточная форма большой патриархальной семьи, преимущественно в два поколения, которую некоторыми исследователями теперь принято называть неразделенной семьей, что процесс исторического развития семьи, обусловивший со второй половины XIX в. выделение старших женатых сыновей с потомством, способствовал росту числа малых семей и что к началу XX в. число малых семей значительно возросло [93, с. 193—194; 79, с. 176 и след.].

Раздел больших (в основном неразделенных) семей, другими словами, выдел женатых сыновей у равнинных узбеков и таджиков — исконных земледельцев — происходил несколько иначе, чем таковой у описанных нами выше кочевых или полукочевых в прошлом народов — казахов и киргизов. Особенностью этого выдела являлось, по-видимому, то обстоятельство, что здесь первоначально (при жизни отца) основное средство производства — земля — не выделялось, в то время как у кочевников, как мы видели, сыновья выделялись полностью со всем

причитающимся им наделом (*инчи*), включая и основное средство производства — скот.

Приведем ряд свидетельств по этому поводу. По словам Наливкиных, у ферганских узбеков раздел между родителями и женившимся сыном выражался в том, что старики снабжали молодых домом, рабочим скотом и самой необходимой утварью; для постройки дома молодым они отводили часть своей усадебной площади или приобретали участок где-либо поблизости. Однако сын продолжал работать на земле своего отца в качестве *кошчи* (совладельца, — *Н. К.*) или же получал во временное пользование часть отцовской земли, которую обрабатывал в свою пользу. Окончательный же раздел земли, по словам авторов, происходил позднее, после смерти отца [68, с. 213].

О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова в отношении тех же ферганских узбеков сообщают, что когда отделение сыновей происходило при жизни отца, оно не носило характера полного раздела и что, как правило, «отделялся котел»: родители давали отделившемуся сыну в собственность жилье, обычно комнату или пристройку, находящуюся в том же дворе, реже приобретали дом, расположенный поблизости, домашнюю утварь (котел, кумган, разливательную ложку и пр.), а также выделяли известную часть из всех имевшихся в доме запасов, вплоть до дров; землей же и прочими средствами производства (вероятно, имеется в виду скот, сельскохозяйственный инвентарь) выделенный сын не наделялся, он продолжал работать на отцовской земле, получая ежегодно, после снятия урожая, не совсем определенную его долю. Таким образом, выделенные сыновья, в силу сохранения в руках отца основы хозяйства — земли, попрежнему оставались в зависимости от него. В полную собственность землю они получали лишь после смерти отца, при разделе имущества [79, с. 174—175].

У узбеков Зеравшана мы встречаемся примерно с той же картиной. На первом этапе процесс раздела был неполным: каждая малая семья получала помещение, необходимую утварь, часть урожая, исходя из числа едоков. Но земля, так же как и орудия производства, продолжала оставаться коллективной собственностью, отец и сыновья обрабатывали ее совместно. Сыновья получали от отца определенную долю урожая за свой труд, вслед-

ствие чего продолжали оставаться в экономической зависимости от него. Раздел земли и орудий производства производился лишь после смерти отца [93, с. 194].

К. Шаниязов, говоря о больших семьях у узбеков-карлуков, указывает, что их экономической основой были земельные угодья и скот, раздела которых старались не допускать, чем и объясняется сохранение длительное время пережитков большой семьи. Раздел имущества происходил обычно после смерти родителей или когда было много внуков, которых уже нужно было женить. У карлуков отец давал отделявшимся детям по своему усмотрению участок земли и скот, однако автор не указывает, на каких условиях (полное отделение или нет) это происходило; все же можно думать, судя по контексту, что здесь имело место еще неполное отделение, потому что далее говорится о разделе по шариату лишь после смерти отца [89, с. 138].

Наконец, в отношении равнинных таджиков Ферганы (кишлак Кыстакоз) записана следующая информация. По мере проникновения в край капиталистических отношений (с приходом русских) темпы распада больших семей очень ускорились, причем инициатива выдела, как правило, исходила от детей. Однако даже после выдела сыновья оставались в зависимости от отца. Так, в зажиточных семьях молодой паре обычно, кроме предоставления помещения для жизни с обстановкой и утварью, давали еще одного барана, одну телку, ослиный вьюк муки и некоторое количество масла и сала; что же касается земли, орудий производства и рабочего скота, то они оставались во владении отца, который и выдавал продолжавшему работать на этой земле выделенному сыну долю урожая по своему усмотрению. Таким образом, как указывает автор (Е. М. Пещерева), вновь выделенное хозяйство фактически продолжало оставаться в полной зависимости от главы семьи [27, с. 162].

Во всех приведенных примерах, как нам представляется, наблюдается тенденция даже в отношении неразделенных семей не раздроблять семейное имущество, сохранять его в руках главы семьи, во всяком случае до тех пор, пока жив отец выделяющихся сыновей. Здесь, на наш взгляд, довольно отчетливо проступает стремление как можно дольше не делить семейное имущество в отличие, скажем, от казахов, где выделы женатых сыновей

при жизни отца являлись, как правило, окончательными. Однако и у равнинных таджиков и оседлых узбеков рано или поздно наступал момент, когда после смерти отца имущество подлежало разделу между членами семьи — наследниками покойного (правда, в ряде случаев братья все же стремились не дробить наследство и продолжали жить вместе, причем место отца занимал старший или более способный сын). При выделе сыновей со стариками-родителями по народному обычаю оставался самый младший сын [93, с. 194; 79, с. 174].

Калым, приданое, махр. Вопросы, связанные с калымом и приданым, у равнинных таджиков и узбеков без родо-племенного деления были в свое время подробно рассмотрены нами в другом месте [49, с. 143—146, 151, 155—157]. Там же мы пытались показать, что в условиях развития товарно-денежных отношений, при изживании патриархальных отношений и господстве малой семьи у этих групп узбекского и таджикского населения калым, имевший ранее большое значение, постепенно стал уменьшаться в размерах и местами (особенно в городах и больших селениях) стал исчезать, постепенно превращаясь в некую фикцию, его функции ограничились лишь получением средств (деньгами или натурой) для расходов на свадьбу, напротив, увеличивается размер и значение приданого, которое призвано в какой-то мере снабдить новую семью всем необходимым в быту. На калым, по словам В. и М. Наливкиных, здесь уже «приходится смотреть лишь как на уплату женихом всех вообще расходов, связанных с совершением брачного союза; здесь он отнюдь не имеет характера покупки невесты, так как родители невесты, получив от жениха калым, обязуются произвести из него все необходимые по обычаю расходы» [68, с. 202—203].

Уменьшение, а затем и полное исчезновение калыма — явление, которое мы находим в Средней Азии у рассматриваемых групп узбеков и таджиков, конечно, в значительной степени отразилось и на положении женщины в семье и обществе. Позволим себе привести здесь еще одно высказывание Наливкиных, больших знатоков быта населения Ферганы второй половины XIX в. «Упразднение калыма само по себе, — пишут они, — уже освобождает женщину от части тех обязательств, от того гнета и тех неудобств, которые кладет на нее в бракоразвод-

ных делах получение калыма ее родителями, ибо в том случае, если жених калым не платил, а взял на себя одни лишь расходы по свадьбе, цифра, которую при разводе (по инициативе жены) он может требовать обратно, значительно уменьшается и всегда почти может быть покрыта мэхром» [68, с. 207; см. также: 44, с. 50, 100—101].

Что касается приданого, то, за исключением того, что его роль повышается, мы не имеем материалов, говорящих о его судьбе после брака — в случае развода или после смерти жены или мужа. По-видимому, судьба приданого была примерно аналогична таковой у горных таджиков, во всяком случае бытовые и правовые условия заставляют думать, что на свое приданое женщина имела не меньше прав, чем у горных таджиков: во время совместной жизни с мужем приданым пользовались сообща, в случае же развода или смерти мужа оно оставалось собственностью разведенной (вдовы). В литературе по этому поводу мы имеем лишь отдельные беглые замечания. Так, относительно узбеков Зеравшана говорится, что при делении наследства вдова, помимо причитающейся ей по шариату части имущества, получает и корову, подаренную ей родителями к свадьбе, и потомство от этой коровы; в случае же смерти женщины деньги, вырученные от продажи этой коровы, шли на похороны и на поминовение умершей [93, с. 202].

Более значительную роль, чем у горных таджиков, на равнине играл *махр* (или *мэхр*) — чисто шариатное установление. Выше нам уже пришлось говорить о том, что шариат предусматривает две формы *махра*: наличный и отложенный; первый получает жена при бракосочетании, второй — обычно в случае развода с мужем или смерти последнего. Мы уже указывали, что по шариату вдова имеет право не допускать наследственного раздела имущества до тех пор, пока ей не будет выплачен *махр*, приравниваемый к долгам умершего. Выплата *махра* в первой из указанных форм практиковалась редко (главным образом в состоятельных кругах). Но даже если *махр* давался при бракосочетании и если он представлял собой недвижимую собственность (дом, небольшой участок земли или сада), то и тогда доходами с него распоряжался муж, а у жены хранился лишь документ на это обеспечение, которое она всегда была вправе отделить от мужниной и семейной собственности. Гораздо

чаще при заключении брака *махр* не требовался, а лишь оговаривался его состав и размеры. Как пишут супруги Наливкины, размеры *махра* были в большинстве случаев одинаковы с размерами *калыма* (если таковой платился). Таким образом, *махр* как бы противостоял *калыму* (или расходам мужа по свадьбе) и являлся обеспечением жены в случае беспричинного со стороны мужа требования о разводе, в той же мере как *калым* или затраты мужа на свадьбу являлись его обеспечением (которое должна была возвратить сторона жены) на случай беспричинного требования развода со стороны жены [68, с. 203—205].

Однако, по-видимому, не везде и не всегда установления шариата в отношении *махра* соблюдались полностью. По нашим сведениям, записанным среди таджиков в кишлаке Кыстакоз, жена в случае смерти мужа обычно отказывалась от *махра* (добровольно или по принуждению — выяснить не удалось); однако, если муж давал ей развод, она получала *махр* (требуя его через казия), но она лишалась *махра* в случае развода по ее инициативе.[3]

Левиратные браки среди рассматриваемых групп населения тоже давно потеряли свое значение и не являлись обязательными. По этому поводу В. и М. Наливкины писали, что со смертью мужа все обязательства, лежавшие на женщине (в связи с уплатой калыма), рушатся. Женщина становится вполне свободной, и лишь общественное мнение не допускает особенно скорого ее выхода замуж, обычно раньше полутора или двух лет после смерти мужа. Говоря это, авторы противопоставляют вдову-сартянку женщине кочевого населения, где, как они говорят, женщина обязана сочетаться браком с одним из братьев покойного мужа [68, с. 231]. В монографии по узбекам Зеравшана отмечается [93, с. 203], что левиратные браки представляются весьма тягостными для обеих сторон и что обязательность или желательность левиратных браков зависели от принадлежности к той или другой этнической или родо-племенной группе. По-видимому, здесь также имеется в виду обязательность левиратных браков у кочевого населения, сохранявшего

---

[3] Интересную интерпретацию вопроса о наличном *махре* как свадебных расходах и части «приданого, даваемого стороной жениха невесте при вступлении в брак», см. у Х. Т. Ишанкулова [44, с. 97—106].

родо-племенное деление, и отсутствие ее у основного земледельческого населения.

Все сказанное показывает, что положение женщины у равнинных узбеков и таджиков, как в семейно-общественном, так и в имущественно-правовом отношениях было выше, чем таковое у многих других народов Средней Азии и Казахстана.

К сожалению, в нашем распоряжении имеется очень мало конкретных примеров наследования у равнинных таджиков и узбекского исконно оседлого населения. Мы склонны рассматривать этот факт как лишнее подтверждение того, что наследование здесь практиковалось согласно нормам шариата, которые были повсеместно почти одинаковы и обусловлены канонизированным мусульманским законодательством. Лишь только там, где сохранялись какие-либо остатки патриархальных отношений, как мы это видели на примере горных таджиков, кое-какие коррективы в шариатные нормы наследования вносило обычное право. Но, по-видимому, среди населения среднеазиатских городов, таких как Ташкент, Самарканд, Бухара, Хива, Ходжент и другие, а также среди населения больших земледельческих оазисов — ферганского, ташкентского, зеравшанского, хивинского — целиком и полностью в области норм наследования господствовал шариат, лишь иногда изменялась величина долей отдельных наследников, что, вероятно, было связано с какими-то более мелкими условиями и обстоятельствами.

Выше, давая некоторые разъяснения по наследованию согласно шариату, мы приводили в качестве примера высказывания Н. А. Маева, который в отношении норм наследования у населения Ташкента прямо говорил о том, что там целиком придерживались шариата, в частности, что доля вдовы составляла $^1/_4$ или $^1/_8$ часть наследственного имущества, тогда как доля дочерей, если не было сыновей, составляла $^1/_2$ или даже $^2/_3$ наследственного имущества. При этом автор не отмечал никаких уклонений в нормах наследования от правил шариата.

То, что вдова по смерти мужа получала определенную ей $^1/_4$ или $^1/_8$ часть имущества, подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении свидетельствами. У зеравшанских таджиков, говорят авторы цитированной выше монографии, вдова получала $^1/_8$ имущества (из контекста следует, что при наличии детей), причем

имеется оговорка, что при наличии более одной жены каждая из них получала $^1/_8$ часть и своей долей наследства женщина распоряжалась сама [93, с. 202]. По нашим полевым записям, у таджиков ферганского кишлака Кыстакоз раздел имущества проводился по шариату, причем вдова получала $^1/_8$ часть наследства при наличии детей и $^1/_4$ в случае отсутствия таковых; на большее вдова не имела права, остальное в случае отсутствия детей забирали родственники покойного мужа. Почти то же самое в отношении доли вдовы мы находим у узбеков-карлуков, с той только разницей, что $^1/_8$ или $^1/_4$ наследственной массы получали все жены покойного вместе, а не каждая в отдельности, как у зеравшанских узбеков; все остальное имущество при отсутствии у покойного детей поступало в распоряжение ближайших родственников умершего [89, с. 137]. Относительно дальнейшей судьбы вдовы мы находим у Наливкиных следующее. Вдова-сартянка в зависимости от обстоятельств или оставалась в доме, доставшемся ей и детям от мужа, или же уходила жить куда-либо на сторону. Если дети были взрослые и разделялись, то она оставалась жить у кого-либо из них или же уходила к одному из родственников. При малолетних же детях она обычно оставалась в доме мужа и если была не особенно стара, то часто через год или два вновь выходила замуж. Случаи ее выхода замуж даже в 40—45 лет были далеко не редки, особенно если она обладала домом, садом или другой какой-либо собственностью, приносящей более или менее постоянный и обеспеченный доход [68, с. 231].

Что касается наследования детьми покойного, то есть его сыновьями и дочерями, то, как уже говорилось неоднократно, доля сына в два раза превышала долю дочери, что и соблюдалось в основном, как правило. Например, именно о таком распределении говорят авторы монографии об узбеках, замечая в связи с этим, что в этом проявляется неравноправие женщины по сравнению с мужчиной [93, с. 202]. О таком же делении строго по шариату говорится и в отношении узбеков-карлуков, у которых после выдела доли вдовы $^2/_3$ оставшейся наследственной массы получал сын (или сыновья вместе), в то время как дочь (или дочери вместе) получала $^1/_3$ оставшегося имущества [89, с. 137]. Раздел наследства между детьми с некоторым отступлением от ша-

риата отмечен в наших записях в кишлаке Кыстакоз у равнинных таджиков. Если были один сын и одна дочь, то сын получал долю вдвое большую, чем дочь. Однако же, если после смерти отца оставалось два, три или четыре сына и одна дочь, то все дети получали по равной части имущества. Если же, напротив, дочерей было несколько, то они все вместе получали такую же часть, какую получал один сын (независимо от того, оставался лишь один сын или их было несколько). При этом информатор подчеркивал, что в целом при разделе руководствовались шариатом и что разделу подлежало все имущество в соответственных долях, то есть дом, земля, утварь и т. п. Дом, который практически разделить было нельзя, доставался кому-либо одному из наследников, который должен был выплатить всем другим детям-наследникам компенсацию, равную стоимости их части дома. Особо подчеркивалось, что дочери также получали свою часть земли.

Один из исследователей, занимавшихся изучением сельского хозяйства в Хивинском оазисе уже в послереволюционные годы, отмечал оставшуюся от прошлого чересполосицу земельных участков. Он говорил, что явление это объясняется тем, что в прошлом, при порядке наследования по шариату между наследниками сыновьями и дочерьми (дочь получала участок, равный половине участка своего брата) и при наличии вообще дробности землепользования не всегда представлялось возможным тому или другому наследнику строить свое хозяйство на полученной им мизерной доле годной к обработке площади, в силу чего здесь нередко практиковалась продажа на сторону наделов, получаемых в наследство. Далее автор подчеркивал, что по установившемуся обычаю дочь обязательно получает причитающуюся ей половинную долю земли и, выходя замуж, она, естественно, свою часть надела присоединяет к хозяйству мужа, что также усиливало чересполосицу [87, с. 11].

* * *

Один из наиболее ярких примеров наследования по шариату мы находим у у й г у р о в.

Как известно, уйгуры Советского Союза подразделяются на две группы: семиреченские уйгуры, живущие

в основном к востоку от Алма-Аты в Казахстане, и ферганские уйгуры, расселенные в пределах Узбекистана и Киргизии. Представители первой группы живут в селениях сплошным массивом, тогда как вторые проживают главным образом в городах (Андижан, Фрунзе, Ош и другие) и лишь их часть живет в сельских местностях отдельными «гнездами» среди сплошного узбекского населения. Многие ферганские уйгуры сильно обузбечены (чему способствуют близость языков и культуры) и в значительной своей части уже ассимилировались с узбеками. Уйгуры — исконные земледельцы, они с давних пор занимались полеводством, огородничеством и садоводством, многие из них (особенно в среднеазиатских городах) были ремесленниками.

Вот как характеризуют правовые нормы уйгур В. Шахматов и Ф. Киреев. «Обычное право уйгур значительно отличалось от обычного права казахов (например, в наследственном и уголовном праве). Это различие вполне естественно, если учесть, что уйгуры были оседло-земледельческим народом, жили в условиях феодального строя, имели свои города, развитую городскую культуру... В XIX в. большинство правил и норм уже исходило из шариата. Это объясняется не только тем, что уйгуры давно приняли ислам (VIII—IX вв.), но и тем, что в процессе феодализации уйгурского общества обычное право, имеющее своим источником патриархально-родовой строй, видоизменялось, приспосабливалось к новым условиям феодализирующегося общества, впитывая в себя элементы шариата и феодального мусульманского права. Изучение материалов показывает, что в XIX в. одним из основных источников уйгурского права был шариат» [92, с. 114—115].

Среди уйгуров в XIX в. все еще были сильны пережитки большесемейной общины, во второй половине XIX—начале XX в. господствующей уже стала малая семья, обычно небольшого по численности размера. Однако в семье еще сохранялись патриархальные отношения, что выражалось, в частности, в том, что глава семьи — отец являлся единственным и бесконтрольным собственником и распорядителем всего семейного имущества, по своему усмотрению мог продавать его, закладывать и т. п.; ни дети при отце, ни жена при муже ни в какие обязательства, будь то денежные или какого другого характера

без санкции главы семьи вступить не могли. Более того, даже приданое жены и полученные ею подарки при жизни мужа-отца находились в его ведении и владельцы этого имущества, если хотели им распорядиться, должны были получить согласие главы семьи. Отец мог выделить своих сыновей когда пожелает, причем что он им даст и в каком размере, зависело от его доброй воли: он мог выделить сына без всякого наделения имуществом и сын не мог ничего требовать и жаловаться, отец не обязан был ни перед кем отчитываться в своих действиях. Полученный сыном от отца выдел при жизни последнего считался как бы даром отца и по его смерти отделенный сын считался таким же наследником, как и остальные и получал полностью свою долю, причитающуюся по наследству. Все заработки сыновей и других членов семьи поступали в распоряжение ее главы [92, с. 125—126; 88, с. 235, 248; 36, с. 517].

Калым, приданое, махр. У уйгуров *калыма* во второй половине XIX—начале XX в. не было. Он, по-видимому, существовал в прошлом, о чем свидетельствуют древнекитайские источники. Со временем, как предполагают некоторые исследователи, его сменил *селик,* однако по своему назначению *селик* резко отличался от *калыма*: если *калым* предназначался родственникам невесты (ее отцу), то *селик,* также выплачиваемый женихом или же его семьей, шел на нужды самой невесты, в значительной же степени на поддержание хозяйства молодоженов, в него входили подарки для невесты (частично также ее родственникам и родственницам), и все необходимое для устройства свадебного угощения в доме родителей невесты. Помимо *селика,* по данным некоторых исследователей, жених делал еще специальный подарок матери невесты — *аналик,* как бы в знак благодарности за ее заботы о дочери.

Родители невесты готовили девушке к свадьбе приданое. Приданое, принесенное новобрачной в дом, равно как и полученные ею подарки (*селик* от жениха, подарки от других лиц), как мы уже указывали выше, принадлежали ее владелице, но во время совместной жизни с мужем последний на правах главы семьи распоряжался этим имуществом и лишь после его смерти или в случае развода она получала возможность забрать приданое вместе с подарками мужа. Однако, как отмечают

Р. Д. Ходжаева и И. В. Захарова, если при разводе жена признавалась виновной стороной, то все лично принадлежавшее ей имущество оставалось у мужа [88, с. 238—240, 246; 36, с. 517—518; 92, с. 125].

То, что у уйгур признавался *махр,* как бы само собой вытекает из того факта, что в вопросах брака уйгуры руководствовались шариатными установлениями. Однако о наличии *махра* у уйгур упоминают не все исследователи, в частности, о нем умалчивает Р. Д. Ходжаева, очень кратко — лишь в связи с получением наследства вдовой — о нем говорят В. Шахматов и Ф. Киреев [92, с. 122; см. также: 43, с. 91—92]. Напротив, И. В. Захарова подчеркивает, что при свадьбе назначается *махр,* который является обеспечением жены на случай развода [36, с. 518; 43, с. 93]. Нам представляется, что наличие упомянутого выше *селика,* являвшегося также своеобразным обеспечением женщины со стороны мужа, в известной степени затушевывало значение *махра,* и они могли как бы сливаться. Вероятно, все же, что при заключении брака по мусульманскому обряду договоренность о *махре* должна была существовать и фигурировать в брачном контракте, в то время как *селик*, видимо, не предусматривался шариатом. В этой связи характерно замечание Г. М. Исхакова, что *махр наличный* (*нақд*) — это фактические расходы на подарки невесте без угощения на свадьбу, *махр отложенный* (*насия*) — это обеспечение на случай развода или смерти мужа, эта часть *махра* носила чисто фиктивный характер; *селик* же — собственно расходы по угощению на свадьбе [43, с. 93].

Что касается левиратных браков, то для уйгур о них не упоминается, и, по-видимому, как правило, они не практиковались, а если и встречались, то в порядке исключения. Обычно же вдова (или разведенная жена), получив свою долю наследства, имела право выйти замуж через определенный предусмотренный шариатом срок по своему усмотрению [92, с. 122; 36, с. 517].

Наследование вдовой. После смерти главы семьи его вдова получала $^1/_8$ часть наследственного имущества, если же у покойного было несколько жен, то эту часть они получали все вместе в равных долях. Приданое и подарки мужа (в виде *махра* и *селика*), как уже говорилось, составляли собственность вдовы и не включались в наследственную массу, подлежащую разделу. Можно

предположить, что если у умершего детей не было, то вдова получала $^{1}/_{4}$ часть, как это положено по шариату, однако в наших источниках об этом говорится лишь в одном случае, но при этом отмечается, что вдова получает $^{1}/_{4}$ часть при отсутствии сыновей (а не дочерей).

Если вдова остается с малолетними детьми, то нередко она назначается опекуншей и в этом случае пользуется всеми правами, личными и имущественными, какими в качестве главы дома пользовался ее муж. Если вдова откажется от опекунства, то ей выделяется причитающаяся ей часть наследства, а опекуном назначается кто-либо из близких родственников мужа. Если ее покойный муж еще не был выделен своим отцом (ее свекром) и соответственно не был распорядителем своего имущества, то вдова, как правило, в доме не оставалась, а уходила к своим родителям; она имела право забрать с собой детей младше семи лет, но дед в таком случае должен был платить за содержание внука или внучки; поэтому нередко дети оставались у деда (со стороны отца), а вдова уходила к своим родителям или вторично выходила замуж [88, с. 241; 92, с. 122, 125—127].

Наследование сыновьями. Мы уже говорили о том, что в ряде случаев отец выделял того или другого сына еще при жизни, причем размер даваемого сыну в таком случае имущества всецело зависел от отца, который мог дать много или же вообще ничего не дать, и что этот выдел рассматривался как дар отца и после смерти последнего выделенный сын наравне с другими членами семьи участвовал в разделе оставшегося после отца имущества по шариату. После выделения доли вдовы, а также доли родителей покойного, то есть по шариату *фарзгаров* первой группы, остальная наследственная масса распределялась между детьми. При этом все исследователи согласно указывают, что доля сына равна доле двух дочерей, приводится даже пример, что при наличии трех сыновей и двух дочерей имущество делится на четыре части, из которых по одной части получает каждый сын, а последнюю часть обе дочери вместе [92, с. 126].

Наследование дочерьми. Как только что было сказано, дочь получала половину той доли, которая достается сыну. Однако не следует забывать, что родители выделяли дочерям приданое, которое, по-видимому, не входило в наследственную массу (хотя прямо об этом нигде

не говорится). Наследство делилось уже после смерти отца, а в большинстве случаев дочь при сравнительно ранних браках у уйгур, выходила замуж еще при жизни родителей, в частности отца. Здесь можно провести известную аналогию со сказанным выше о предварительном выделении сына при жизни отца, когда данное сыну имущество не входило в наследственную массу.

Весьма существенно замечание Р. Д. Ходжаевой о том, что «женщина отстраняется от участия в наследовании недвижимого имущества, в первую очередь земли» [88, с. 246]. Высказывание это стоит одиноко и, как мы знаем, противоречит шариатным нормам. К сожалению, автор не уточняет данный вопрос. Может быть, перед нами уже не раз встречавшийся случай, когда женщин стараются уговорить отказаться от своей доли земельного надела или компенсировать их другим каким-либо наследственным имуществом (следует напомнить, что земельные участки у уйгур, у которых большую роль играли огородничество и садоводство, были невелики). Автор ничего не говорит по поводу того, могла ли женщина в таком случае обратиться к казию и требовать своей доли по шариату. Что же касается другого недвижимого имущества, то обычно оно (например, дом) доставалось одному из наследников с выплатой компенсации другим, как мы это видели у узбеков.

После смерти отца, если дети были уже взрослые, они сами производили раздел, если же возникало какое-либо недоразумение, то приглашали казия.

Наследование другими родственниками. Если живы были родители покойного (или один из них), то как *фарзгары* первой группы они получали $^1/_6$ часть наследства. Дети сына наследодателя, то есть внуки по мужской линии, если их отец умер раньше своего отца, наследства не получали, если же их отец умер позднее, то доля их отца переходила к ним; дети дочерей наследодателя, то есть внуки по женской линии, наследства не получали. При отсутствии сыновей дочери умершего получали $^1/_2$ наследства, вторая половина шла другим мужским родственникам покойного — внукам (детям умершего сына) и братьям покойного. За внуками и братьями следуют их нисходящие поколения по мужской линии, которые получали доли, которые причитались бы внукам и братьям [92, с. 126—127].

Таким образом, мы видим, что и в более отдаленных степенях родства в получении наследства уйгуры придерживались шариатных норм, близких к тем, которые нами изложены в начале главы.

Лишь в отношении уйгур имеются сведения о наследовании по завещанию, в полном соответствии с шариатом. У уйгур завещание по шариату должно соответствовать двум условиям: в число получателей завещания не должны входить прямые наследники и оно не должно превышать $^1/_3$ всей наследственной массы. Обычно завещали либо посторонним лицам, либо (чаще) на благотворительные и религиозные дела [92, с. 126—127].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как нам пришлось отмечать в одной из работ [48, с. 47—64], народы Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период можно было подразделить в отношении заключения браков на две большие группы: а) народы, среди которых сохранилась практика дальних браков, и б) народы, предпочитавшие заключать браки в своей среде — в довольно узкой группе сородичей, в своем ауле, селении, а иногда и среди ближайших родственников. К первой группе мы отнесли казахов, киргизов и каракалпаков, ко второй — все остальные народы Средней Азии и Казахстана.

Следует, конечно, оговориться, что такое деление проведено нами в общем плане, что существовали различные варианты отмеченного выше правила, были отдельные отступления и исключения, на которых, конечно, при суммарном рассмотрении вопроса мы останавливаться не имеем возможности.

Чтобы не повторять всего сказанного уже в упомянутой нашей работе, приведем здесь лишь отдельные примеры. Наиболее последовательно и длительно практика дальних браков сохранялась, по-видимому, у казахов. Большинство казахов, признававших родо-племенное деление, считало неприемлемым и противоречащим обычаю брать жен из своего родового подразделения, даже если о фактическом родстве не было и речи. Когда после присоединения Казахстана к России весь край был разбит на уезды и волости, то обычно невесту стремились засватать не только в чужом роде, но и в чужой волости, иногда в ауле, отстоявшем от аула жениха на расстоянии, исчислявшемся сотнями километров. Лишь позднее данный обычай несколько смягчился и стали допускаться браки в пределах определенного подразделения, но во всяком случае в довольно отдаленных степенях родства, напри-

мер таких, когда общий предок брачующихся отстоял от них на семь, а затем даже меньшее число поколений. Являлось ли указанное смягчение своего рода данью времени или в этих случаях действовали какие-либо побочные обстоятельства, например близость к районам с оседлым населением, практиковавшим более близкие формы брака, сказать трудно.

Киргизы, по-видимому, несколько более отошли от строгости запретов близких браков, хотя среди них также существовали запреты жениться ближе, чем в седьмом колене; лишь у южных киргизов уже нарушались эти запреты, в чем несомненно следует видеть влияние соседних народов — узбеков и таджиков. Но местами еще и здесь существовало убеждение, что браки в пределах своего рода или *аила* нежелательны. Точно так же и у каракалпаков запрет браков внутри родовой группы был очень древним и устойчивым обычаем, и молодые люди не могли вступать в брак, даже если они происходили из разных аулов, но принадлежали к одному роду, хотя кровное их родство часто фактически не могло быть доказано и, вероятно, в действительности и не имело места. Лишь отдельные группы самаркандских и ферганских каракалпаков не придерживались этого обычая, что объясняется изолированным их проживанием среди массы узбекского населения. Если у киргизов и каракалпаков и практиковались кузенные браки, то только между такими кузенами, которые при агнатном счете родства не рассматривались как родственники, как например брак на дочери брата матери.

Об отсутствии родовой экзогамии у туркмен, несмотря на длительное бытование у них родо-племенного деления, говорят очень многие исследователи, хотя племенная эндогамия была весьма укоренившимся обычаем. Близкие браки существовали даже в мелких родовых делениях, при этом допускались браки в пределах одного селения, одного аула. Некоторые исследователи прямо указывают, что очень часто браки заключались между сравнительно близкими родственниками, конечно в пределах, допускавшихся мусульманскими установлениями. Среди туркмен были очень развиты кузенные браки всех категорий, вплоть до браков детей двух братьев.

Близкие в отношении степеней родства браки наблюдались и у узбеков, как правило, у узбеков без родо-пле-

менного деления, но в ряде случаев и у узбеков, сохранявших его (например, у различных групп кунградов). У ферганских узбеков при выборе невесты отдавалось предпочтение бракам близким, как по родству, так и по месту проживания. Авторы монографии о зеравшанских узбеках отмечают наличие у них близких родственных браков, причем нередки были и кузенные браки, в частности между двоюродными братьями и сестрами [93, с. 193—194]. Лишь в советское время число таких браков стало уменьшаться.

У таджиков также предпочтительными были родственные браки, они одобрялись общественным мнением. Об этом свидетельствует довольно обширная литература, а также полевые наблюдения, в том числе наши собственные. Среди них важное место занимали кузенные браки, очень часто практиковалась женитьба на дочери брата матери, и браки между детьми двух братьев. Исследователи указывают, что, напротив, браки между неродственниками, например у горных таджиков, вызывали не особенно одобрительное к себе отношение. Широкое распространение браков близких родственников, в том числе и кузенов, наблюдалось также среди равнинных таджиков, в частности в больших городах (Бухара и др.). В этом отношении равнинные таджики совершенно не отличались от исконно оседлого узбекского земледельческого населения.

Наконец, у уйгуров родственные браки считались предпочтительными, они запрещались только между самыми близкими родственниками (например, между детьми и родителями, родными братьями и сестрами). Широко были распространены и кузенные браки, хотя кузенные браки по линии отца не очень одобрялись (вероятно, они считались слишком близкими). Если же соответствующих родственников не было, то старались заключать браки между молодыми людьми одного села или одной улицы.

Мы считаем, что у казахов, киргизов и каракалпаков обычай брать жен в отдаленных и в территориальном, и в родственных отношениях группах по существу может рассматриваться как пережиток экзогамных норм, поскольку часто речь идет именно о группах, носивших родовой характер. Правда, если иметь в виду, что родовые подразделения у перечисленных народов фактически сильно отличались от первобытного рода и, по утверждению ряда

специалистов, представляли в известной степени лишь надстроечные явления, значительно модифицированные образования, не всегда объединенные узами кровного родства, то и об экзогамии как таковой приходится говорить в несколько условном смысле, особенно тогда, когда браки стали совершаться в пределах одного рода, но их близость ограничивалась определенным, достаточно большим числом (например, семью) поколений. Исходя из сказанного, С. М. Абрамзон, например, предложил в этих случаях термин не «родовой», а «поколенной» экзогамии [2, с. 216]. Тем не менее все же, если в какой-то степени мы говорим о роде (и племени) у казахов, киргизов и каракалпаков, хотя бы в пережиточной форме, то мы имеем основание говорить и о сохранявшихся экзогамных нормах. Одни лишь туркмены (а возможно, и часть узбеков даштикыпчакского происхождения) являют собой пример, когда при сохранении родо-племенного деления экзогамные нормы уже оказались утраченными.

Однако нарушение или исчезновение экзогамии по существу не имеет отношения к близким родственным бракам и не обязательно, как нам представляется, ведет к ним. Нарушение экзогамных норм лишь является снятием определенного запрета и как бы предоставляет человеку свободу выбора спутницы жизни, независимо от того, находится последняя в родственном отношении к нему или нет, проживает в том же селении или городе или обитает в более отдаленной местности. Единственно с чем, пожалуй, может быть связано снятие экзогамных запретов в смысле близости браков, то это с практикой запрещенных ранее кузенных браков между агнатами, принадлежавшими ранее к одному роду.

Поэтому появление близких в родственном и соседском отношениях браков должно быть объяснено другими причинами, причем не негативными (снятие экзогамных запретов), а, как мы думаем, позитивными, скорее всего экономическими, имущественными, хотя они и могли прикрываться различными доводами вторичного порядка (например, предварительное знакомство с женихом и невестой родственников другой стороны, нежелание отпускать дочь далеко от себя и т. п.).

Последнее соображение и навело нас на мысль более подробно заняться вопросом, касающимся норм наследования у различных народов Средней Азии и Казахстана

в сравнительно недалеком прошлом. В этой связи нам хочется подчеркнуть, что предпринятое исследование, включая и настоящее заключение, является как бы естественным продолжением нашей работы [48, с. 47—64].

В предисловии к данной работе были высказаны кратко общие положения о причинах преобладания у тех или других народов норм обычного права или шариата, здесь мы постараемся суммировать результаты нашего исследования.

В первой главе настоящей книги мы рассмотрели те народы Средней Азии и Казахстана, у которых наследование и раздел семейного имущества опосредствовались в основном обычаем. Это те народы, у которых в прошлом довольно стойко еще сохранялось родо-племенное деление и экзогамность браков, а именно — казахи, киргизы, каракалпаки.

Порядок рассмотрения вопросов наследования и раздела семейного имущества у казахов, киргизов, каракалпаков диктовался, с одной стороны, объемом и характером имеющегося в нашем распоряжении материала, а с другой, — стойкостью норм обычного права, касающихся наследования, и обусловливавших их факторов.

Казахи, населявшие обширные степные пространства, в общей своей массе в большей степени, чем другие два народа, были удалены от оседлых районов и в подавляющем своем большинстве занимались кочевым скотоводством; киргизы, жившие на сравнительно ограниченной территории, больше соприкасались с оседлыми районами Средней Азии и, помимо кочевого и полукочевого скотоводства, занимались также земледелием (особенно в южных районах и в Прииссыккулье); наконец, каракалпаки сочетали скотоводство с примитивным земледелием и рыболовством. Таким образом, наиболее типичными кочевниками в недалеком прошлом следует считать казахов.

Все три указанные народа, в основном ведя кочевой образ жизни, в значительной степени сохраняли также патриархальные отношения и натуральный характер хозяйства. Правда, в процессе исторического развития, под влиянием целого ряда факторов, прежде всего с проникновением влияния более развитых народов (подчинение Казахстана России и распространение русской культуры, торговля со среднеазиатскими ханствами, а частично и подчинение им) создавалась довольно пестрая картина

и многие (в основном окраинные) районы степей и полупустынь уже постепенно переходили от натурального хозяйства к товарному и товарно-денежному, однако и здесь натуральное хозяйство оставалось преобладающим, а местами и ведущим. Конечно, все перечисленные кочевые народы в смысле сохранения патриархальных отношений и натуральной формы хозяйства нельзя ставить в один ряд, однако для наших узких целей, целей рассмотрения норм, относящихся к наследованию, это не имеет особого значения.

По мнению советских исследователей, занимающихся кочевыми в прошлом народами, у последних господствовали патриархально-феодальные отношения, другими словами, при наличии классовой феодальной формации сохранялся патриархальный уклад, который являлся органической частью всей общественной структуры [2, с. 174 и след.; см. также: 45, с. 327]. Наиболее характерным здесь было то обстоятельство, что феодальная собственность на землю выступала в завуалированной форме, так как формально земля еще находилась в пользовании аульной или родовой общины. У кочевников основной формой объединения была аульная община, основанная на общинном землепользовании, сочетавшимся с частной собственностью на скот [45, с. 327]. Существовавшее у кочевников «родо-племенное деление и обусловленные им представления и обычаи играли большую роль в сохранении косности, отсталости общественной жизни и семейно-бытового уклада» [2, с. 180]. Они в значительной степени способствовали консервации патриархальных отношений во всех сферах и проявлениях общественной и семейной жизни.

Следует отметить, что родо-племенные отношения и родовые связи обусловливали солидарность всех членов той или другой родовой группы, родового подразделения и ставились в ряде случаев выше семейных связей, семейных интересов или же в крайнем случае наравне с ними.

Экзогамный характер брачных отношений определенно влиял на положение женщины в семье и обществе. Прежде всего, поскольку жену брали обычно из другого рода, она являлась чужеродкой, не кровной родственницей, на нее не распространялась та родовая солидарность, которая была присуща роду. Помимо этого, у всех трех

кочевых народов за просватанную девушку нужно было платить очень большой калым, в основном, конечно, скотом [48, с. 68—74]. Так как отдельной семье, особенно не очень состоятельной, в ряде случаев было трудно выплатить калым, то, естественно, прибегали к помощи ближайших, а затем и более отдаленных родственников, иногда и сородичей. Все это приводило к тому, что на девушку, взятую в жены, установился взгляд как на своего рода имущество, притом имущество, принадлежавшее не только мужу, но и всему роду. К чему это приводило — мы постарались показать в первой главе данной работы, в разделах «Имущественное положение женщины» и «Левират», из которых следует, что женщина у казахов была, во всяком случае в имущественном отношении, совершенно бесправна и по смерти мужа обязательно должна была выйти замуж за деверя или какого-либо другого сородича.

Мы привели при рассмотрении наследования у киргизов поговорку, согласно которой жепа сама составляет наследство и постоянного имущества не имеет, поэтому после ее смерти наследовать нечего. Единственная ситуация, в которой женщина оставалась распорядительницей имущества — это тогда, когда вдова оставалась при малолетних детях и по ряду причин (старость, физический недостаток и т. п.) не выходила замуж за родственника мужа. В таких случаях нередко, будучи опекуном своих детей, она распоряжалась семейным имуществом, женила сыновей и выдавала замуж дочерей, выделяла сыновей и т. п. Но тем не менее она действовала здесь именно лишь как опекун, призванный сохранять и оберегать имущество детей своего покойного мужа. Известны отдельные случаи, когда вдова, особенно в богатых и влиятельных семьях, если она была умной и энергичной женщиной, достигала высокого положения в ауле и в ближайшей округе и пользовалась большим влиянием и авторитетом и даже иногда занимала те общественные должности, которые при жизни занимал ее муж. Но, конечно, такие случаи были единичными и составляли исключение из общего правила.

Нарушая несколько ту последовательность, в которой мы излагали данные о порядке наследования у кочевников, мы здесь в дополнение к сказанному напомним об имущественных правах дочери или девушки-невесты.

Она, как видно из предыдущего изложения, могла рассчитывать на приданое и, кроме того, на какую-то часть имущества, выделяемого ей в виде надела (*инчи, энчи*), за которым она (у казахов и киргизов) приезжала через год или более длительное время после замужества. Однако и величина, и состав приданого и выдела, по-видимому, никакими нормами не определялись. Имеются лишь отдельные указания на то, что в какой-то степени и приданое, и выдел по своей стоимости должны соответствовать калыму, то есть если калым большой, то и приданое должно быть побольше (чтобы не было стыдно перед стороной, уплатившей калым). Но соответствие отнюдь не означало равенства. Кроме того, часть, получаемую девушкой, помимо скота, составляли и предметы домашнего обихода, которые поступали в распоряжение всей семьи, вернее говоря, мужа, а после смерти последнего — детей (лишь в случае смерти женщины какая-то часть вещей могла вернуться к ее родителям). Таким образом, имущественные права девушки или молодой женщины также были весьма ограничены и почти сводились на нет; более того, сама девушка рассматривалась как имущество, о чем говорит тот факт, что при разделе между братьями имущества умершего отца их незамужние сестры входили в его состав и нередко, если была только одна сестра, она доставалась одному из братьев (как источник калыма), а другие братья получали соответствующие доли имущества в виде скота и других ценностей.

Что касается сыновей, то здесь прежде всего приходится говорить не о наследовании, а о выделе женившихся сыновей вскоре после их женитьбы с наделением сына определенной долей имущества *инчи* отцом. Характерно при этом то обстоятельство, что величина надела никак не регламентировалась и целиком зависела от воли отца, который при нормальных взаимоотношениях с сыновьями старался разделить имущество так, чтобы сыновья получили примерно по равной доле; однако нередко бывали случаи, когда отец или отдавал предпочтение одному из сыновей или, наоборот, лишал кого-либо из них имущества, и даже мог прогнать сына без всякого надела. Единственным правом обойденного сына была апелляция к сородичам, которые в необходимых случаях увещевали отца и уговаривали его дать сыну какую-либо

часть имущества; здесь можно видеть также известную солидарность, нежелание допустить того, чтобы обиженный сын покинул свой род и ушел бы куда-либо на сторону. Но во всяком случае величина и равномерность выдела зависела только от отца и полного равенства выделов сыновей никто не добивался и требовать не мог. Характерно и другое обстоятельство — выделенный при жизни отца сын, получивший свое *инчи,* не мог после смерти отца претендовать на оставшееся после него имущество, которое доставалось невыделенным (неженатым) сыновьям, и в первую очередь младшему сыну, который по обычаю оставался с отцом и наследовал отцовскую юрту, все оставшееся имущество, в том числе и скот (конечно, после предварительной женитьбы и выдела старших сыновей).

С другой стороны, следует отметить, что, помимо *инчи,* отец обычно заботился и о калыме для неженатых еще сыновей, причем выделение необходимых средств на калым считалось даже важнее выделения имущества для *инчи,* и если семья была не очень состоятельная, то отец в первую очередь старался выделить или отложить средства на калым, а потом уже думал об *инчи.* Это еще раз показывает, какую большую роль у кочевников играла уплата калыма.

Характерно, что если после смерти главы семьи не оставалось мужского потомства, то все имущество, несмотря на наличие вдовы и дочерей, переходило к боковым мужским родственникам умершего — его братьям, двоюродным братьям, дядям, племянникам, троюродным братьям и более отдаленным мужским родственникам и сородичам; вдова, как уже говорилось, или выходила замуж, или же проживала из милости у кого-либо из получивших наследство, дочерей же выдавали замуж, получая за них калым, рассматривавшийся также в качестве наследства теми же близкими или отдаленными родственниками.

Заканчивая обзор норм наследования у кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана, следует подчеркнуть и тот факт, что в более позднее время (на рубеже XX в.) в ряд районов, граничивших с земледельческими оазисами, проникали шариатные нормы наследования, постепенно вытеснявшие нормы обычного права, что довольно наглядно сказывается в наи-

более позднем из рассмотренных нами источников [76]. Конечно, ислам вместе с шариатом проникал и в более отдаленные и изолированные участки кочевой степи, да и не только в конце XIX—начале XX в., но в силу социально-экономических условий жизни кочевников, о которых шла речь выше, он не мог еще сколько-либо существенно влиять на быт, и в частности на нормы наследования у казахов, киргизов и каракалпаков.

В Казахстане ислам стал господствующей религией феодальных верхов уже в XVI в. (возможно, даже и раньше), однако в гущу народных масс он проникал медленно. Как феодалы, так и впоследствии царское правительство принимали всяческие меры к укреплению ислама (специальными указами русских властей строились мечети в городах, в степь посылались муллы) [45, с. 346]. Однако все эти меры мало влияли на самосознание и идеологию населения. Среди киргизов успехи ислама, по-видимому, были еще менее значительными [2, с. 267—268]. Вероятно, в несколько большей степени исламизации подверглись каракалпаки. По словам С. Камалова, среди каракалпаков было довольно сильно влияние мулл, а особенно ишанов, получившее широкое распространение после подчинения края хивинским ханам; последние засылали в районы расселения каракалпаков специальных мусульманских проповедников и духовных наставников (как это было, например, в Чимбайском районе), авторитету которых подчинялись не только рядовые каракалпаки, но и другие муллы и ишаны. За строгим выполнением предписаний ислама следили специальные казии и раисы [46, с. 148—149]. Вероятно, помимо непосредственного влияния Хивинского ханства, и в частности хивинского духовенства, известную роль в деле мусульманизации каракалпаков играл и их полукочевой скотоводческо-земледельческий образ жизни. Тем не менее, как мы видели, и у каракалпаков при сохранении родоплеменных отношений и патриархально-феодальных порядков многие стороны быта, особенно семейного, в том числе и наследование, еще регламентировались обычным правом, хотя, как было сказано раньше, элементы шариата проникали в известной степени и в эту область.

Во второй главе предметом рассмотрения были те народы, которые в вопросах наследования руководство-

вались в основном шариатом. У этих народов экзогамные нормы были, по-видимому, уже давно нарушены, так же как и родо-племенное деление; однако последнее не относится к туркменам, у которых родо-племенное деление, несмотря на отсутствие экзогамии, продолжало существовать вполне реально и оказывало огромное влияние на жизнь народа.

Сохранение у туркмен родо-племенного деления при отсутствии экзогамных норм остается непонятным, несмотря на попытки ряда исследователей дать объяснение этому факту. В этом отношении туркмены занимают совершенно особое положение среди других народов Средней Азии и Казахстана. Некоторые исследователи считают, что у туркмен родо-племенной строй сохранялся даже более стойко, чем у казахов и киргизов. С. М. Абрамзон отмечает, что такое положение объясняется специфическими историческими условиями развития туркменского общества, что и в политическом, и в этническом отношениях туркменские племена в условиях позднего средневековья (постоянные междоусобицы между племенами, войны с могущественными соседями, — *Н. К.*) могли сохраниться только с помощью хорошо налаженной военной организации [2, с. 179]. Я. Р. Винников также в той или иной степени связывает сохранение родо-племенных групп у туркмен со сложными историческими условиями (борьба с соседними государствами, межплеменная вражда и т. п.), которые способствовали и обособленности отдельных этнических групп [19, с. 28].

Однако то или другое объяснение причин стойкого сохранения родо-племенных пережитков у туркмен и других связанных с этим фактом вопросов (время феодализации туркменских племен и т. п.) еще не решает интересующей нас проблемы — утраты экзогамных норм. В другом месте мы высказали мысль о том, что причину утери экзогамных норм в туркменском роде нужно искать в той же превратности их политических судеб, постоянных миграциях отдельных групп, способствовавших разобщенности не только племен, но и отдельных родов [48, с. 64], что могло привести к практике близких браков между сородичами. Известно, что вся история туркмен связана с бесконечными миграциями, переселениями отдельных племен и родовых групп на огромные расстоя-

ния, менявшими в корне картину их расселения часто на протяжении одного столетия. Другого объяснения утери экзогамии, кроме констатации самого факта, мы в литературе не нашли.

При наличии довольно стойких родо-племенных отношений и отсутствии экзогамных норм у туркмен еще большую роль играл обычай уплаты калыма за жену. В то же время постоянные контакты (мирные и враждебные) с соседними мусульманскими государствами, вероятно, способствовали тому, что ислам получил среди туркмен довольно широкое распространение.

При значительном еще влиянии патриархальных отношений и обычного права мы находим у туркмен довольно пеструю картину регламентации различных сторон жизни, причем некоторые из них регулировались обычным правом, а другие, в частности вопросы наследования, решались по шариату. Эта двойственность, по нашему мнению, отражает известные сдвиги в смысле изживания патриархальности и натурального хозяйства. Выше мы уже отмечали у туркмен некоторую эволюцию взглядов на женщину, которая и в имущественном отношении занимала более независимое положение, имея право не только на свою часть наследства, получаемую после смерти мужа, но и на приданое и имущество, полученное при выходе замуж. Вместе с тем мы видели, что наследование женщинами недвижимого имущества, в первую очередь земли, встречало со стороны общественного мнения еще довольно сильное противодействие. В качестве переходного момента в наследовании у туркмен следует подчеркнуть и отмеченный факт дополнительного передела имущества, оставшегося после смерти отца, между выделенными и невыделенными сыновьями, чего мы не наблюдали у народов, где наследование и раздел семейного имущества осуществлялись согласно обычному праву.

Все другие народы Средней Азии, рассмотренные нами во второй главе в аспекте наследования и раздела семейного имущества, фактически не только не сохранили экзогамных запретов, но и утратили родо-племенную структуру. Из их числа мы выделили прежде всего горных таджиков, в силу того что среди них, больше чем среди остальных рассматриваемых народов, сохранялись еще некоторые патриархальные пережитки, отдельные элементы обычного права, и в частности обычай уплаты ка-

лыма за жену, правда, в значительно меньшем размере, чем у кочевых народов и у туркмен. Все эти сдвиги безусловно отразились и на общественном, и имущественном положении женщины, в частности на ее праве на приданое.

В этой связи чрезвычайно характерной является та трансформация, которая наблюдается при так называемых левиратных браках. У казахов выход вдовы замуж за деверя, как мы видели, был освящен обычным правом и рассматривался как обязательство не только для вдовы покойного, но и для самого деверя. По приведенной нами казахской поговорке, вдова являлась наследием брата покойного, подобно тому, как шкура павшей лошади есть принадлежность ее хозяина. Однако с течением времени категоричность этого обычая несколько смягчилась, и вдова могла выбрать себе мужа среди людей данного рода или отделения; если же она, пренебрегая обычаем, выходила замуж за постороннего, то последний должен был выплатить родственникам покойного большой выкуп; примерно так же обстояло дело у киргизов и каракалпаков. У всех этих народов явно прослеживается взгляд на женщину-вдову как на общинно-родовую собственность.

У туркмен наблюдалась уже иная картина. Левиратные браки не считались столь обязательными и даже не везде встречали одобрение. Более того, родственники вдовы всячески стремились уговорить ее вернуться в отчий дом, чтобы выдать ее вновь за постороннего и получить новый калым. Если же она выходила за деверя, то ее родственники ничего не получали. Это свидетельствует о том, что если женщину и можно было рассматривать как собственность, то только собственность ее мужа, уплатившего за нее калым; он умер, она становится свободной. У горных таджиков левират вовсе не считался обязательным и в ряде мест, по словам некоторых исследователей, если вдова выходила замуж за деверя, последний был обязан уплатить ее родителям небольшой выкуп, как за вдову. Конечно, и у туркмен, и у горных таджиков вдова часто выходила за деверя, чтобы не оставлять детей, дом, в котором она жила.

Узбеки, таджики, уйгуры, составлявшие основное население селений и городов, расположенных в крупных земледельческих оазисах, являлись потомками древнего

земледельческого населения этих областей Средней Азии, расположенных на больших торговых караванных путях, проходивших с Запада на Восток и уже давно втянутых в сферу товарно-денежных отношений. Здесь на протяжении многих столетий слагались различные государственные образования, уже непосредственно после нашествия арабов являвшиеся центрами мусульманства, этой религии феодального общества. Мусульманскую религию исповедовали и насаждали представители первых послеарабских династий — саманиды, караханиды, газневиды. Бухара, Самарканд, Хива, а впоследствии Ташкент и другие города были рассадниками мусульманского правоверия, из их многочисленных медресе выходило духовенство — проводники ислама, знатоки теологии и мусульманского права — шариата. Население училось в мусульманских школах, обязано было выполнять все предписания ислама, руководствоваться его догмами.

Феодальный способ производства, появление развитых форм земельной собственности, рост городов и различных ремесел, ориентировавшихся на рынок, разделение труда, развитие обмена, торговли, все больше и больше способствовали господству товарно-денежных отношений, приходивших на смену натуральному хозяйству, вызывали рост классового неравенства, накопление богатств в руках отдельных семей, а вместе с тем вели к изживанию патриархальности, общинных порядков и отношений. Все это не могло не сказаться на модификации форм собственности, на постепенном переходе от общинной (или общинно-родовой) собственности к собственности единоличной. Земля, ставшая теперь основным средством производства, основным богатством, ценилась все дороже; землевладелец, будь то крупный феодал или владелец небольшого участка земли, стремился к тому, чтобы сохранить в своих руках это свое основное богатство, не допустить его раздробления, распыления.

Ислам, по своей природе классовое, феодальное мировоззрение (со временем ставшее одной из наиболее реакционных религий), при переходе от патриархальных отношений и натурального хозяйства к феодальным отношениям также сыграл определенную роль. Так, шариат санкционировал некоторые (правда, достаточно урезанные) имущественные права женщины, ввел институт обеспечения новобрачной — махр, в то же время отказавшись

от признания обычая калыма, этого порождения патриархальных отношений, тем самым способствуя его полному изживанию. Он установил новый порядок наследования, устранивший тот произвол, который существовал при обычном праве.

Однако, канонизировав нормы наследования по шариату, мусульманство вступило в известное противоречие с той формой собственности, которую оно, как религия классового общества, должно было защищать, именно с единоличной собственностью. Признание за женщиной известного права на наследственное имущество неизбежно вело к раздроблению единоличной собственности, потому что наследница, выходя замуж, передавала свою часть имущества в чужую семью.

Не излагая здесь нормы наследования по шариату, о чем достаточно подробно говорилось во второй главе, напомним только, что владельцы единоличной собственности отчаянно и не всегда безуспешно боролись против наделения женщины наследственным имуществом, в особенности недвижимостью, в первую очередь землей. Причем, как это ни пародоксально звучит, в своей борьбе они прибегали нередко к старым понятиям и воззрениям, по существу уже отжившим или отживающим, а именно к установлениям обычного права, которое, как мы видели, характеризовало собой патриархальную, общинную форму собственности. В этом, конечно, нет ничего удивительного. История учит нас тому, что очень часто борьба за новое проходила под старыми лозунгами, пользовалась традициями отживающего прошлого.

Мы привели достаточно примеров узурпации прав женщины, прав дочери-наследницы на ее часть имущества, на ее наследство, в основном на землю и другое недвижимое имущество — у туркмен, таджиков, уйгур; вероятно, такие же факты можно было встретить у равнинных таджиков и узбеков без родового деления, однако в литературе, достаточно скудной по этим группам и народам, мы их не нашли. Из приведенных примеров видно, что в ряде случаев имела место прямая узурпация прав дочери (ее заставляли отказаться от наследования недвижимости), или же компенсация недвижимости другими ценностями, а иногда только обещание такой компенсации (в случае нужды может обратиться за помощью к братьям и т. п.).

Однако все это не могло разрешить назревшее противоречие, устранить дробление имущества.[1] Наиболее верным и надежным средством здесь являлись близкие браки, выдача наследницы замуж за близкого родственника. Практика заключения кузенных браков была известна очень давно, она могла иметь место еще и при господстве экзогамных норм; в основном это были кросскузенные браки (или один из двух видов этого брака), не нарушавшие родовой экзогамии, при патриархате мог появиться и еще один вид ортокузенного брака — между детьми двух сестер. Но в изменившейся ситуации появляется, как говорилось выше, и новая форма ортокузенного брака — брак между детьми двух братьев, который полностью уничтожает последние остатки экзогамных норм и гарантирует сохранение имущества в кругу самых близких родственников [48, с. 56—59]. Конечно, дело не ограничивалось только кузенными браками, брали в жены и других близких родственниц и выдавали девушек за ближайших родственников. Практиковались браки между троюродными братьями и сестрами, сводными братьями и сестрами, некоторыми категориями свойственников.

В заключение мы считаем нужным отметить, что было бы глубоким заблуждением рассматривать рост влияния шариата как непосредственную причину близких браков. Причина таких браков, как мы стремились показать, лежит гораздо глубже, поскольку сам ислам являлся религией феодального общества, а следовательно, и новых общественно-экономических отношений. Переход от патриархальных отношений, от натурального хозяйства к товарно-денежным отношениям сопровождался, как уже говорилось, изменением форм собственности; имущество, богатство, ценности перестают быть достоянием большого коллектива — родовой группы или общины, патриархальной семьи — и становятся достоянием отдельной малой семьи, которая стремится к укреплению, к сохранению

---

[1] Во избежание недоразумений следует оговориться, что при наличии нескольких наследников-сыновей имущество также дробилось. Однако это вопрос совсем иного порядка. Имущество оставалось у сыновей умершего, а не попадало в чужие руки. Помимо этого, сыновья при незначительном количестве земли нередко обрабатывали ее сообща или же покупали дополнительные участки, используя для этого другие, доставшиеся в наследство ценности.

своей собственности. Если общинно-родовая группа заботится о том, чтобы имущество не ушло за пределы этой широкой группы, то в новых условиях наблюдается тенденция к тому, чтобы имущество осталось в данной малой семье, не раздроблялось.

Таким образом, влияние ислама на появление практики близких браков является лишь косвенной причиной. Признание шариатом за женщиной прав наследования было скорее своеобразным стимулятором этих близких браков. Проникая именно в ту среду, где для него существовали более благоприятные условия развития, то есть в общество, в котором господствовали товарно-денежные отношения, развитой феодализм и связанная с ним государственная система, шариат, как мы говорили, вступал в известные противоречия с новой формой собственности и тем самым как бы стимулировал практику близких браков, тем более, что его предписания запрещали только такие браки, которые являлись прямым кровосмешением (брак с матерью, дочерью, сестрой, также теткой и племянницей) либо нарушали «молочное родство» и некоторые другие (женитьба на мачехе, падчерице, снохе и теще) [90, § 20, 22—24; 48, с. 60—61; 44, с. 21—22].

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1958, вып. 28.
2. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
3. Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XIV. М., 1951.
4. Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П., Махова Е. И., Сулайманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXXVII. М., 1958.
5. Акпаев Я. Наброски по обычному, в частности, брачному праву киргиз кhазакhов. — Зап. Оренбургского подотд. Русского географ. об-ва, 1907, вып. III.
6. Андреев А. Н. Туркменский суд. — Исторический вестник, 1900, № 8.
7. Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений.— Известия Таджикского филиала АН СССР, 1949, № 15.
8. Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Душанбе, 1953.
9. Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. — В кн.: Сб. Музея по антропологии и этнографии при Имп. Акад. наук. IX. СПб., 1911.
10. Аннаклычев Ш. Быт и культура рабочих Туркменистана. Ашхабад, 1969.
11. Баллюзек Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в малой киргизской орде силу закона. — Зап. Оренбургского отд. Русского географ. об-ва. 1871, вып. II (цит. по кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 163—221).
12. Бекмуратова А. Т. Быт и семья у каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1969.
13. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа. (Ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.
14. Броневский Г. М. Записки о киргизах-кайсаках Средней Орды. — Отечественные записки, 1830, ч. 43.
15. Брюлова-Шаскольская Н. В. Пережитки древних форм семьи и брака у туркмен. —Известия Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. Вып. III. Ташкент, 1928.

16. Васильева Г. П. Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. —В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнограф. экспедиции. Т. I. М., 1952.
17. Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.
18. Васильева Г. П. Туркмены-нохурли. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXI. М., 1954.
19. Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969.
20. Востров В. В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1956, т. 3.
21. Гребенкин А. Д. Узбеки. — В кн.: Русский Туркестан. Вып. II. М., 1872.
22. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889.
23. Д'Андре. Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 г. — В кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 119—158.
24. Джикиев А. Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX—начале XX в. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Серия этнографическая. 1963, т. VI.
25. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.
26. Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.
27. Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М. и Русяйкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXIV. М., 1954.
28. Жданко Т. А. Каракалпаки (основные проблемы этнической истории и этнографии). М., 1964.
29. Жданко Т. А. Каракалпаки. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962. (Серия «Народы мира»).
30. Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнограф. экспедиции. Т. I. М., 1952.
31. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. IX. М., 1950.
32. Загряжский Г. Юридические обычаи киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан). — Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. [Б. м.], 1876.
33. Задыхина К. Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР. — В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнограф. экспедиции. Т. II. М., 1958.
34. Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. — В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952.
35. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. — Сб. Музея антропологии и этнографии. V, вып. I. Пг., 1915.

36. Захарова И. В. Уйгуры. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963. (Серия «Народы мира»).
37. Ибрагимов И. И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах. — Военный сб., 1874, т. 98, № 9.
38. Ибрагимов И. И. Очерки быта киргизов. — Древняя и новая Россия, 1876, № 9.
39. Ибрагимов И. И. Этнографические очерки киргизского народа. — В кн.: Русский Туркестан. Вып. II. М., 1872.
40. Изразцов Н. Обычное право «адат» киргизов Семиреченской области.— Этнографическое обозрение, 1897, № 3, 4.
41. Иомудская-Бурунова Д. Г. Женщина в старой Туркмении. Москва—Ташкент, 1931.
42. Иомудский С. Н. О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в. — Советская этнография, 1962, № 4.
43. Исхаков Г. М. Свадебные обряды уйгуров Восточного Туркестана в трудах русских ученых второй половины XIX в. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1953, т. 18.
44. Ишанкулов Х. Г. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время. Душанбе, 1972.
45. Казахи. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963. (Серия «Народы мира»).
46. Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968.
47. Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. — Советская этнография, 1968, № 1.
48. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.
49. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XLIV. 1959.
50. Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. — Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Этнографическая серия, № 2. М.—Л., 1936.
51. Козлов И. А. Обычное право киргизов. — В кн.: Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882 (цит. по кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 225—238).
52. Культелеев Т. М. Вопросы уголовного права в обычном праве казахов XVIII и начала XIX веков. — Изв. АН КазССР, 1950, № 2.
53. Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894.
54. Леваневский М. А. Очерки киргизских степей Эмбинского уезда. — Землеведение, 1894, т. I, кн. 2—4; 1895, т. II, кн. 2, 3.
55. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. — В кн.: Этнографические известия. СПб., 1832 (цит. по кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 18—26).
56. Леонтьев А. Обычное право киргиз. — Юридический вестник, 1890, т. V, кн. 1—2.
57. Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Ашхабад, 1897.

58. Маев Н. А. Азиатский Ташкент. — В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. [Б. м.], 1876.
59. Маковецкий П. Е. — Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I. Омск, 1886 (цит. по кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 242—289).
60. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948.
61. Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г. — Там же, с. 71—116.
62. Мейер Л. Киргизская орда оренбургского ведомства. СПб., 1865.
63. Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашхабад, 1900.
64. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. т. XLVII. М., 1959.
65. Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира. — Советская этнография, 1949, № 3.
66. Морозова А. Быт и женский труд в Туркмении. — Туркменоведение, 1929, № 6—7.
67. Мякутин А. И. Юридический быт киргиз. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910, вып. XXV.
68. Наливкин В. П., Наливкина М. В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
69. Овезбердыев К. М. Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX—начале XX в. — В кн.: Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965.
70. Овезов Д. М. Туркмены-мурчали. — В кн.: Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. IX. Ашхабад, 1959.
71. П. Обычаи киргизов Семипалатинской области. — Русский вестник, 1878, № 9.
72. Подварков А. Брак и развод у киргиз. — Средняя Азия, 1910, II.
73. Россикова А. Е. По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса. — Русский вестник, 1902, № 8—10.
74. Сабитов Н. С. Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников. (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей). — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1956, т. 3.
75. Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952.
76. Сборник киргизского обычного права. — В кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 294—312.
77. Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргизов. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1905, вып. XV.
78. Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета. — В кн.: Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, с. 31—69.

79. Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. — Труды Института истории и археологии АН УзбССР, 1955, вып. 6.
80. Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.
81. Толстова Л. С. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. (По материалам полевых исследований 1960 г.) — Советская этнография, 1961, № 5.
82. Толстова Л. С. Материалы по этнографии ферганских каракалпаков. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1958, вып. XXI.
83. Толстова Л. С. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР. — Советская этнография, 1961, № 3.
84. Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — Советская этнография, 1935, № 6.
85. Тронов В. Д. Обычаи и обычное право киргиз. — Записки Русского географического общества по отделению этнографии, 1891, т. XVII, вып. II.
86. Туркмены. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963. (Серия «Народы мира»).
87. Фотеев И. М. Сельское хозяйство. — В кн.: Современный кишлак Средней Азии. Вып. II. Ташкент, 1926.
88. Ходжаева Р. Д. Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1956, т. 3.
89. Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964.
90. Шариатные статьи с переводом на русский язык о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края, извлеченные из коренного, действующего арабского положения по вопросам, предложенным сенатором графом К. К. Паленом на обсуждение комиссии ученых туземцев, созванной из трех областей края в Ташкенте. Ташкент, 1910.
91. Шарль Р. Мусульманское право. Перев. с франц. Под. ред. и с предисл. Е. А. Беляева. М., 1959.
92. Шахматов В., Киреев Ф. К вопросу об обычном праве уйгур. — Известия АН КазССР, 1950, № 2.
93. Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.
94. Архив востоковедов ЛО Ин-та востоковедения АН СССР, ф. 121 (И. И. Зарубин), оп. 1, ед. хр. 227.
95. Обычное право киргиз Иссык-Кульского уезда. — ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236.
96. Обычаи каракиргизов Токмакского уезда. — Там же, д. 5089,

Приложение

ОБРАЗЦЫ КАЗИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ О РАЗДЕЛЕ НАСЛЕДСТВА

Публикуемые здесь три казийских документа (рис. 1—3) относятся к концу XIX—началу XX в. и взяты из коллекции М. С. Андреева, привезенной им из Бухары (хранятся в секторе древней и средневековой истории Института истории АН УзССР).

Казийские документы по разделу наследства представляют некоторые трудности для их понимания современным читателем, так как писались они по определенному стандарту в довольно лаконичной форме, при этом употреблялись некоторые условные (буквенные) обозначения, смысл которых не всегда ясен (они могли обозначать или степень родства наследника по отношению к наследодателю, или же величину долей наследства).

Первый из публикуемых документов (1890 г.) рассматривает вопрос об усадьбе, находящейся в совместном владении группы лиц, вероятно родственников, хотя родство их по отношению друг к другу не указывается. Как отмечается в документе, вся усадьба из совместного пользования перешла во владение Ахмад-ходжи, имевшего бухарское звание караулбеги.

Второй документ (1907 г.) говорит о разделе участка земли умершего мужчины. Этот документ, пожалуй, наиболее ясный, и раздел здесь полностью соответствует шариатным нормам. В нем взято за основу деление наследственной массы на 24 части. Вдова покойного получает причитающуюся ей по шариату $^1/_8$, остальные $^7/_8$ разделены между двумя детьми в пропорции 1 : 2, так как наследуют малолетняя дочь и ребенок еще не родившийся, а находящийся во чреве матери (по шариату неродившийся ребенок принимается за сына), таким образом, им причитается соответственно 7 и 14 долей из 21 доли (3 доли получила мать).

Третий документ (1882 г.) представляет собой решение о разделе участка земли, дома, а также движимого имущества, причем последнее было оценено в 125 танга. Имущество принадлежало умершей женщине и было разделено на 8 частей, из коих одна часть досталась Норджон (в тексте неясно, но, может быть, речь идет о матери покойной и следует читать не «Надар-он», а «модари он», то есть «ее мать», на полях же документа эта женщина просто названа Норджон); по две части получили, по-видимому, дочери покойной, три части — некий Шароф-ходжа, вернее всего, это побочный мужской родственник покойной, может быть, ее брат, так как в тексте говорится не только о наследниках (вероятно, в смысле прямых родственников), но и о других лицах.

Весьма характерно, что во втором и третьем документах землю получили не только мужчины, но и женщины.

№ 1 (см. рис. 1)

Ҳудуди як боби ҳавлии дарун ва бирун ки воқеъ аст дар гузари Хонақои ҷуйбор аз баладаи фохираи	Границы одной усадьбы со внутренней и внешней [половинами], которая расположена в квартале Хонако-Джуйбор в благословенном городе
Бухорои шариф ғарбан пайваста аст ба ҳавлии мулло Ходи хоҷа валади мулло Хоҷа баъзе ба ҳавлии	благородной Бухаре, на западе примыкает к усадьбе муллы Хади-ходжа, сына муллы Ходжи, частично [примыкает] к усадьбе
Қосим хоҷа судур шимолан ба ҳавлии мусаммат Мумина-ой бинти Хон хоҷа баъзе ба ҳавлии мирзо Бурҳон	Косим-ходжи судура, на севере — к усадьбе, называемой по имени Мумина-ой, дочери Хан-ходжи, частично к усадьбе мирзы Бурхона
валади мирзо Абдулло шарқан ба ҳавлии мирзо Бурҳони мазкур баъд ба ҳавлии матрукаи мусаммат Олия почо	сына Мирзы Абдулло, на востоке — к усадьбе упомянутого мирзы Бурхона, частично — к наследственной усадьбе, именуемой Олия-почо
ҷанубан ба ҳавлии мусаммат Султон-почо вараса фавосил филкул маълум аст ба ҷамъи ал-ҳуқуқ ва-л-мурафиқ	на юге — к наследственной усадьбе, именуемой Султан-почо, все расстояния [промежутки] известны, со всеми правами и принадлежностями
дар таърихи шаҳри раби-ул-аввал сана 1308 буд ки ифроз карда таслим намуда шуд се боб	в месяце Раби-ул-аввал 1308 года разделено и передано. Три части
ҳавлии муштарака байни сеид Фозил хоҷа уроқ ва сеид Аҳмад хоҷа қаровулбеги ва Набира почо	усадьбы, находящейся в общем владении между сеидом Фозил-ходжой уроком и сеидом Ахмад-ходжей караулбеги и Набира-почо
ва Фотима почо авлоди сиодат паноҳ ишон Яҳйа хоҷа ахунд мутаваффи ва варасаи сеид Ансар хоҷа	и Фатима-почо — детьми покойного ишана Яхья-ходжи ахунда и наследниками сеида Ансар-ходжи
мутаваффи-ро бо ризо ва талаби онҳо ифроз-ро баъди таҳақуқи ҷамъи шароит сиҳат ал-ифроз мин хайс	покойного, с согласия и по просьбе их произошло разделение. После установления всех условий раздела правильного в отношении
ал-қимат баъд аз ифроз расид ба ҳиссаи сеид Аҳмад хоҷа қаровулбегии мазкур ҳамаги ва тамоми ҳавлии	стоимости, после разделения досталось на долю сеида Ахмад-ходжи караулбеги упомянутого выше целиком и полностью усадьба
маҳдуди мазкур дар садр маъа қабулиҳи ва кана залика ба махзари мин ал-муслимон	в упомянутых границах с общего согласия в присутствии мусульман

Рис. 1.

(Из коллекции Бухарской экспедиции М. С. Андреева, № 162).

№ 2 (см. рис. 2)

Ҳува

зикри ҳудуди ду таноб замини мулк ва як ним таноб замини мулки хароҷи ки воқеъ аст дар мавзеъи Йанги [?] работ

аз ҷанубии руди Бухорои шариф ғарбан пайваста аст ба замини Маъмур бой валади Раҷаб бой шимолан ба замини

Туқсон бой валади Қанда бой шарқан ба ҷуи муштарака ҷанубан ба замини Бозор бой валади Бобоқул бой айзан як боб ҳавли

ғарбан пайваста аст ба замини Хол бой валади Абдулмумин шимолан ба ҷуи муштарака шарқан ба замини Азим бой

валади Ҷума бой ҷанубан айзан фавосил филқул маълум аст дар таърихи шаҳри шавал ал-мукарам санаи 1325

буд ки тақсим ва ифроз намуда шуд [*на полях*: ала фароиз Аллоҳ таала] амволи матрукаи [мин Абдулназар бой мутаваффо 8×3=24 Нозук-ой 3, сағираи Ташбиби 7, ҳамл дар битни Нозук-ой 14]

фориған мутаваффои мазкур-ро баъди шароити сиҳат ал-қисмат расид дар саҳми мусаммати Нозук-ой

мазкура ба сумуни махдудини мазкурин фиссадр ва расид дар саҳми Ташбибии сағира 7 саҳм аз

бисту чор саҳм маҳдудини мазкурин фиссадр ва 14 саҳм бақийа-ро аз барои ҳамли мазкур

бароварда ба мусаммати Нозук-ой мазкура супорида шуд то ба вақти вазъи ҳамли мазкур

маъ қабулҳо ва васойат 'ан қаблаҳо ва кана залика ба махзари мин ал-муслимон

Он [Аллах]

Перечень границ двух танабов земли мулк и полутора танабов земли мулки хараджи, которая находится в местности Янги [?] Работ

к югу от реки благородной Бухары, с запада примыкает к земле Маамур-бая, сына Раджаб-бая, с севера — к земле

Туксан-бая, сына Канда-бая, на востоке — к общему каналу, на юге — к земле Базар-бая, сына Бабакул-бая, а также одна усадьба

на западе примыкает к земле Хол-бая, сына Абдулмумина, на севере — к общему каналу, на востоке — к земле Азим-бая

сына Джума-бая, на юге также, все расстояния известны

в благодатном месяце шавале 1325 г.

произошло и было разделено [*на полях*: согласно предписанию Аллаха всевышнего] наследственное имущество [покойного Абдулназар-бая] 8×3=24 (Нозук-ой — 3, малолетней Ташбиби — 7, младенцу во чреве Нозук-ой — 14)

свободное [от долгов] упомянутого покойного было разделено согласно условиям раздела. Досталось на долю поименованной Нозук-ой

упомянутой в размере $^1/_8$ от указанного в начале перечня. На долю малолетней Ташбиби досталось 7 долей из

24 долей указанного в начале перечня. Остальные 14 долей для нерожденного упомянутого младенца

выделено и передано упомянутой Нозук-ой, чтобы до времени разрешения от бремени упомянутой

с принятием ею обязанностей опекунства. И было это учинено в присутствии мусульман

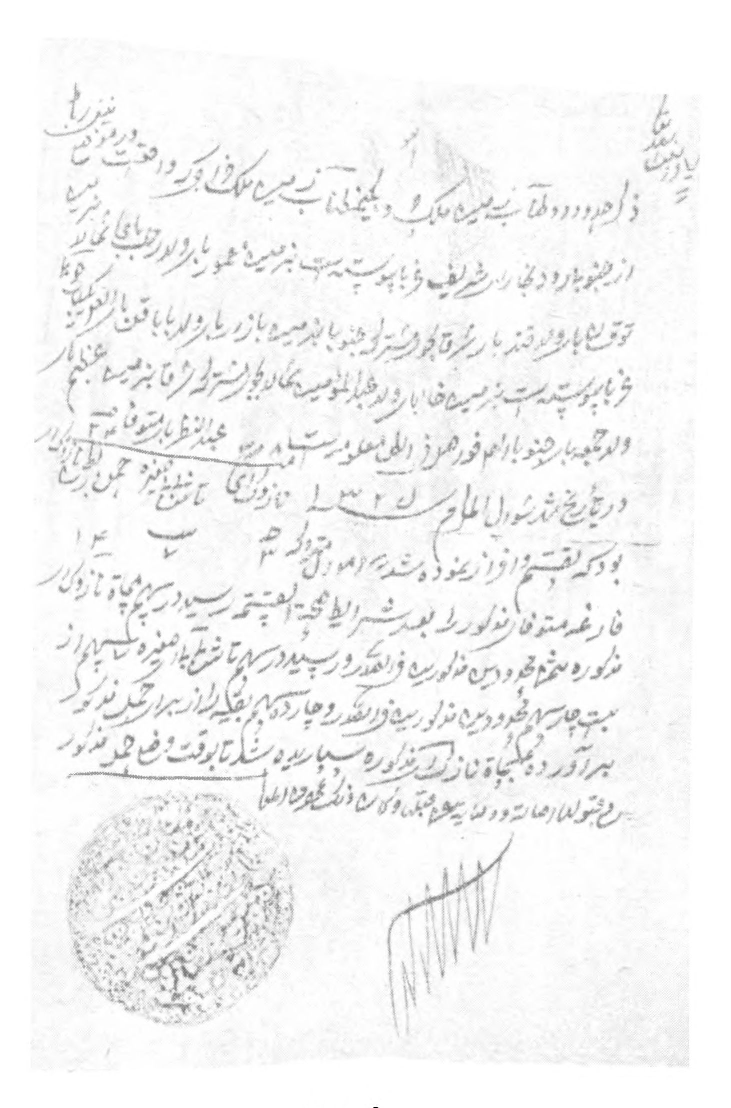

Рис. 2.

(Из коллекции Бухарской экспедиции М. С. Андреева, № 429).

№ 3 (см. рис. 3)

Мавозаъ ним таноб нимчаҳор як замини мулки хароҷи ки воқеъа аст дар мавзеъи

Кудакон аз тумони коми Абу Муслим ғарбан пайваста аст ба замини матрукаи Азим бой мутаваффо

шимолан ба замини мулло Бобоқул валади Муҳаммадӣ шарқан ба роҳи ом ҷанубан ба ҳарими ҷуи хос

фавосил филкул маълум аст ду курпа (15 танга) ва як сузани кашида (25 танга) ва як фаранҷии алоча (15 танга)

ва як деги чуйян (5 танга) ва як намади қазоқӣ (25 танга) ва як хонаи чубторӣ (40 танга) буданд қимати

манқулот як саду бисту панҷ тангаи роиҷа

дар таърихи шаҳри зулқаъда санаи 1299 буд ки тақсим намуда шуд амволи

матрукаи зоҳираи мутавоффияи мазкура-ро байни варасаи мазкура ва дигар номбурдагони мазкурин дар ҳошия анд пас баъд аз таҳақуқи шароити сиҳати қисмат

ала фароиз расид дар саҳми Шароф хоҷаи мазкур се тир аз ҳашт тири

амволи мазкура дар садр ва расид дар саҳми Нодар он [модари он (?)] як тир аз ҳашт тир

амволи мазкура дар садр ва расид дар саҳматаи Кумуш-ой ва Умид-ой мазкуратайн

чаҳор тир аз ҳашт тири амволи мазкура дар садр инсофан байнахумо маъа қабулиҳим

ва кабзиҳим ва кана залика ба махзари мин ал-муслимон мулло Ғази мулло Муҳаммад Раҳим Сафар бек ва ғайруҳум

[*На полях*:] самуна 8 Турди-ой мутавоффия байни 4

Шароф-хоҷа ҷим 3	Норҷон ҳа 1
Кумуш-ой саъ 2	Умид-ой саъ 2

В размере полтанаба и половины четверти танаба земли мульки хараджи, лежащей в местности Кудакон в тумане канала Абу Муслим, на западе примыкает к наследственной земле покойного Азим-бая

с севера — к земле муллы Бобокула, сына Мухаммади, на востоке к общей дороге, на юге — к участку у частного канала

Все расстояния известны. Два ватных одеяла (15 танга), одно вышитое сузани (25 танга), одна паранджа из алачи (15 танга) и один чугунный котел (5 танга) и одна казахская кошма (25 танга) и дом «чубтори» (40 танга). Стоимость движимого имущества 125 танга

В месяце зулкада 1299 года было разделено имущество, оставленное по наследству, бесспорно [принадлежащее] покойнице между упомянутыми наследниками и другими, упомянутыми на полях. После расследования истинных условий и раздела

согласно предписаниям досталось на долю Шароф-ходжи упомянутого три части из восьми упомянутого в начале имущества, и досталось на долю Нодар он [ее матери (?)] одна доля из восьми долей

имущества, упомянутого в начале. Досталось на доли Кумуш-ой и Умид-ой упомянутых четыре доли из восьми долей имущества, упомянутого в начале. Справедливо [разделено] между ними с их согласия

и принятия. Произведено это в присутствии мусульман Мулла Гази, Мулла Мухаммед Рахим, Сафар-бек и другие

[*На полях*:] [Разделение] между четырьмя восьми долей покойной Турды-ой

Шароф-ходжа джим 3	Норджон ха 1
Кумуш-ой са 2	Умид-ой са 2

Рис. 3.

(Из коллекции Бухарской экспедиции М. С. Андреева, № 197).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

* Указатели составлены В. Н. Кисляковым.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Андреевич Кисляков

НАСЛЕДОВАНИЕ И РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (XIX — начало XX в.)

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Л. Ющенко*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректор *Р. Г. Гершинская*

Сдано в набор 22/X 1976 г. Подписано к печати 21/IV 1977 г. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага № 2. Печ. л. $4^1/_8$=6.93 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6.96. Изд. № 6404. Тип. зак. № 1643. М-24067. Тираж 2900. *Цена 70 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12